

СВЯТЕЙШИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ
СИНОД
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
РОССИИ

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СБОРНИКИ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Серия «Электронный архив»

Выпуск 8

**СВЯТЕЙШИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СИНОД
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ
К 300-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ДУХОВНОГО РЕГЛАМЕНТА**

Сборник научных трудов

Санкт-Петербург
Президентская библиотека
2023

УДК 271.22
ББК 86.327.24-3я43
П71

Научные редакторы:

С. Л. Фирсов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии;
П. Е. Бухаркин, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН

Редакционная коллегия:

И. В. Солонько, д-р филос. наук, *Н. В. Дунаева*, д-р юрид. наук, *прот. Константин Костромин*, канд. ист. наук, канд. богословия, *А. И. Филюшкин*, д-р ист. наук, *С. Г. Кащенко*, д-р ист. наук, *А. Ю. Петров*, д-р ист. наук, *Е. А. Багрин*, канд. ист. наук, *С. Л. Алексеев*, *Н. М. Казимирчик*

Ответственный редактор:

Е. А. Багрин, канд. ист. наук, Президентская библиотека

Рецензент:

прот. Константин Костромин, канд. ист. наук, канд. богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии

Серия «Электронный архив» основана в 2017 г.

Электронная копия издания находится в электронном фонде Президентской библиотеки и доступна на портале www.rglib.ru

Научные издания Президентской библиотеки индексируются в национальной информационно-аналитической системе «Российский индекс научного цитирования»

В оформлении обложки использованы цифровые копии документов из фонда Президентской библиотеки

Президентская библиотека (Санкт-Петербург).

П71 Сборники Президентской библиотеки / Президент. б-ка. — Санкт-Петербург : Президентская библиотека, 2011— .

Серия «Электронный архив». — 2017— .

Вып. 8 : Святейший Правительствующий Синод в истории и культуре России. К 300-летию принятия Духовного регламента : сб. науч. тр. / [науч. ред.: С. Л. Фирсов, П. Е. Бухаркин]. — 2023. — 296 с. : ил.

ISBN 978-5-6045656-2-9

В сборнике опубликованы материалы Всероссийской конференции с международным участием «Святейший Синод в истории российской государственности. К 300-летию принятия Духовного регламента и учреждения Синода», проведенной 14 октября 2021 г. в Президентской библиотеке.

Вошедшие в сборник статьи посвящены роли Святейшего Правительствующего Синода в системе государственного управления Российской империи, участию высшего церковно-государственного органа в культурной, образовательной и просветительской деятельности.

Издание адресовано историкам, философам, культурологам и специалистам в области религиоведения.

УДК 271.22

ББК 86.327.24-3я43

ISBN 978-5-6045656-2-9

© Президентская библиотека, 2023

PRESIDENTIAL LIBRARY COLLECTIONS

“Digital Archive” Series

Issue 8

THE MOST HOLY GOVERNING SYNOD IN THE HISTORY AND CULTURE OF RUSSIA

**TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION
OF THE SPIRITUAL REGULATIONS**

Collection of research works

St. Petersburg
Presidential Library
2023

Scientific editors:

S. L. Firsov, Dr (History), Professor of the Department of History of Religions and Theology of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University;
Professor of the Department of Church History of the St. Petersburg Theological Academy
P. E. Bukharkin, Dr (Philology), Professor of the St. Petersburg Theological Academy,
Leading Researcher of the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board:

I. V. Solonko, Dr (Philosophy), *N. V. Dunaeva*, D. (Law),
prot. Konstantin Kostromin, PhD (History), PhD (Theology),
A. I. Filyushkin, Dr (History), *S. G. Kashchenko*, Dr (History),
A. Yu. Petrov, Dr (History), *E. A. Bagrin*, PhD (History),
S. L. Alekseev, *N. M. Kazimirchik*

Executive editor:

E. A. Bagrin, PhD (History), Presidential Library

Reviewer:

Archpriest *Konstantin Kostromin*, PhD (History), PhD (Theology),
Vice-Rector for Scientific and Theological Work, Associate Professor
of the Department of Church History of the St. Petersburg Theological Academy

“Digital Archive” Series. Established in 2017

The digital copy of the publication is transferred to the Presidential Library
for use and distribution

The serial collections are included into the national information-analytical system
Russian Science Citation Index and available on the website
of the Scientific Electronic Library
www.elibrary.ru

The cover features images from the electronic holdings of the Presidential Library

Presidential Library (St. Petersburg).

The Most Holy Governing Synod in the History and Culture of Russia :
To the 300th Anniversary of the Adoption of the Spiritual Regulations : col-
lection of scientific papers / [scientific eds: S. L. Firsov, P. T. Bukharkin]. –
2023. – 296 p. : ill. – (Collections of the Presidential Library. “Electronic
Archive” Series, Iss. 8).

ISBN 978-5-6045656-2-9

The collection contains materials of the All-Russian conference with inter-
national participation “The Holy Synod in the History of Russian Statehood.
To the 300th Anniversary of the Adoption of the Spiritual Regulations and
the Establishment of the Synod”, held on October 14, 2021 in the Presidential Library.

The articles included in the collection are devoted to the role of the Holy Gover-
ning Synod in the system of state administration of the Russian Empire, the parti-
cipation of the highest church-state body in cultural, educational and educational
activities.

The publication is addressed to historians, philosophers, cultural scientists and
specialists in the field of religious studies.

Содержание

ДАТЫ И СОБЫТИЯ

С. Л. Фирсов. Учреждение Святейшего Правительствующего Синода и первый период его существования.....	12
А. А. Назаров. Создание Святейшего Синода как первый этап формирования коллегиальной системы конфессионального управления России в XVIII – второй четверти XIX в.	29
М. А. Приходько. Святейший Синод и Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел	43

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Святейший Правительствующий Синод в XIX – начале XX в.

Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсов. Министерская реформа и обер-прокуратура Святейшего Синода.....	50
Ю. Е. Кондаков. Святейший Синод при Министерстве духовных дел и народного просвещения	58
Н. А. Арчебасова. Святейший Синод как прообраз Министерства просвещения: тогда и сейчас	71
Н. Г. Зарембо. Синод, петербургское духовенство и иоанниты в 90-е гг. XIX в. – 1914 г.	80
К. В. Ковырзин. Деятельность Святейшего Синода по реорганизации епархиального управления в условиях «церковной революции» 1917 г.	95
Е. А. Агеев. Ликвидация Святейшего Синода в 1918 г. и передача его функций высшему церковному управлению	108

Православные организации в регионах Российской империи и за рубежом

А. Ю. Полунов. Самодержавие, бюрократия и деятельность Императорского Православного Палестинского общества в 1880-е — начале 1900-х гг.	115
В. В. Цысь, О. П. Цысь. Роль секретаря Императорского Православного Палестинского общества В. Н. Хитрово в подготовке и издании литературы для Палестинских чтений.....	126
Ю. П. Бардилева. Просветительская, миссионерская и социальная деятельность православного духовенства Кольского Севера на рубеже XIX–XX вв.	136
Е. В. Дроботушенко. Нормативные акты и делопроизводственные документы Святейшего Правительствующего Синода как источник по истории православной церкви в Забайкалье в дореволюционный период.....	150
Н. Д. Игнатович. Пастырско-Просветительное братство при Московской духовной академии и Крестовоздвиженское трудовое братство: братские взаимосвязи	158
В. Ю. Мурзин, Д. С. Серенко. Миссионерская деятельность Святейшего Синода и православные братства на примере деятельности Сочинского Свято-Николаевского братства	169
Ферапонт, иеромонах (П. Ф. Широков). Вклад архиепископа Никона (Рождественского) в развитие духовного образования в Вологодской епархии	179
А. И. Мраморнов. Комиссия по реформе церковного суда Высочайше учрежденного Предсоборного совещания и ее деятельность в январе 1916 — феврале 1917 г.	189
С. И. Алексеева. «Теория ктитинства» vs восстановление патриаршества: к вопросу о церковном аспекте консервативных программ пореформенного времени	199
К. Е. Нетужилов. Миссионерские периодические издания дореволюционной России	213

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- М. В. Шкаровский.** Вклад Санкт-Петербургской духовной академии в развитие науки в начале XX в. 224
- И. В. Лобанова.** Архиереи из среды ученого монашества и церковно-историческая наука синодального периода 240
- Е. А. Калинина.** Научная и исследовательская деятельность преподавателей Олонецкой духовной семинарии в конце XIX — начале XX в. ... 250

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

- В. Ю. Климов.** Николай Японский о буддийской школе «Истинной Веры Чистой земли» 262

В помощь изучающим историю Святейшего Правительствующего Синода

- Е. Н. Ропакowa, Д. А. Воронин.** Особенности поиска литературы по истории Святейшего Синода в карточном и электронном каталогах Российской национальной библиотеки: на примере работы с пользователями Читального зала Генерального систематического каталога Российской национальной библиотеки 282

CONTENTS

DATES AND EVENTS

Sergey L. Firsov. Establishment of the Holy Governing Synod and the first period of its existence.....	13
Andrey A. Nazarov. The foundation of the Holy Synod as the first stage of the formation of the collegial system of confessional governance in Russia in the 18th – first third of the 19th century.....	30
Michael A. Prikhodko. Holy Synod and Justices College of Livonia, Estonia and Finnish affairs	44

SCIENTIFIC ARTICLES AND REPORTS

The Most Holy Governing Synod in the 19th – early 20th century

George V. Bezhanidze, Andrey G. Firsov. Ministerial reform and chief prosecutor's office of the Holy Synod	51
Yurij E. Kondakov. The Holy Synod under the Ministry of Religious Affairs and Public Education.....	59
Nadezhda A. Archebasova. The Holy Synod as a prototype of the Ministry of Education: then and now	72
Natalya G. Zarembo. Synod, St. Petersburg clergy, and Johnites since the 90s of the 19th century to 1914.....	81
Konstantin V. Kovyrzin. Reorganizing diocesan administration: the reform activities of the Holy Synod against the backdrop of the “church revolution” of 1917.....	96
Evgeniy A. Ageev. Liquidation of the Holy Synod in 1918 and transfer of its functions to the Supreme Church Administration.....	109

Orthodox organizations in the regions of the Russian Empire and abroad

Alexander Yu. Polunov. Autocracy, bureaucracy and the activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society in the 1880s – early 1900s.....	116
Valery V. Tsys, Olga P. Tsys. The role of the Secretary of the Imperial Orthodox Palestinian Society V. N. Khitrovo in the preparation and publication of literature for Palestinian Readings.....	127
Yuliya P. Bardileva. Educational, missionary and social activity of the orthodox clergy in the Kola North at the turn of the 19th and 20th centuries	137
Evgeny V. Drobotushenko. Normative acts and clerical documents of the Holy Governing Synod as a source on the history of the Orthodox Church in Transbaikalia in the pre-revolutionary period	151
Natalia D. Ignatovich. Pastoral and Educational Brotherhood at the Moscow Theological Academy and the Holy Cross Labor Brotherhood: fraternal relationship.....	159
Valery Yu. Murzin, Denis S. Serenko. Missionary activity of the Holy Synod and Orthodox brotherhoods on the example of the activities of the Sochi Saint Nicholas Brotherhood	170
Hieromonk Ferapont (Pavel F. Shirokov). Contribution of Archbishop Nikon (Rozhdestvensky) to the development of spiritual education in the Vologda Diocese	180
Alexander I. Mramornov. The Commission on the Reform of the Ecclesiastical Court of the Most Highly Established Pre-Council Meeting and its activities in January 1916 – February 1917	190
Svetlana I. Alekseeva. “The theory of ktitorstvo” vs restoration of the patriarchate: on the question of the ecclesiastical aspect of conservative programs of the post-reform period.....	200
Konstantin E. Netuzhilov. Missionary periodicals of pre-revolutionary Russia	213

SCIENTIFIC LIFE

- M. V. Shkarovsky.** Contribution of the St. Petersburg Theological Academy to the development of science in the early 19th century 225
- Irina V. Lobanova.** Bishops from the environment of learned monasticism and church-historical science of the Synodal period..... 240
- Elena A. Kalinina.** Scientific and research activities of the teachers of the Olonets Theological Seminary at the end of 19th and beginning of the 20th century 251

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

- Vadim Yu. Klimov.** Nicholas, Archbishop of Japan, on the Buddhist school “The True Faith of the Pure Land” 263

To help students of history of the Most Holy Governing Synod

- Elena N. Ropakova, Dmitry A. Borodin.** Features of the search for literature on the history of the Holy Synod in the card and electronic catalogues of the National Library of Russia: an example of working with users of the Reading Room of the General Systematic Catalog of the National Library of Russia 283

ДАТЫ И СОБЫТИЯ

С. Л. Фирсов

Учреждение Святейшего Правительствующего Синода и первый период его существования

(К вопросу об изменении строя церковного управления в эпоху Петра Великого и Екатерины I)

Статья посвящена проблемам, связанным с учреждением Святейшего Правительствующего Синода в эпоху Петра Великого и Екатерины I. Исследуются причины и процесс ликвидации патриаршего строя русского церковного управления и изменение его устройства на синодальное, а также приспособление его к государственному механизму. Раскрывается суть властных полномочий Синода как неизменно исполнявшего волю государя государственного органа, а также надзиравшего за его работой обер-прокурора. В царствование Екатерины I петровская церковная реформа была скорректирована в сторону традиционализма в церковной политике, был ликвидирован ряд нововведений, смущавших верующих.

Ключевые слова: Святейший Правительствующий Синод, Духовная коллегия, церковная реформа, церковное управление, Петр I, Екатерина I, обер-прокурор.

Фирсов Сергей Львович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

Sergey L. Firsov, Dr (History), Professor of the Department of the History of Religion and Theology of the Herzen Russian State Pedagogical University; Professor of the Department of Church History of the St. Petersburg Theological Academy.

sfirsofff@mail.ru

© С. Л. Фирсов, 2023

Sergey L. Firsov

Establishment of the Holy Governing Synod and the first period of its existence

(On the issue of changing the system of Church administration
in the era of Peter the Great and Catherine I)

The article is devoted to the problems associated with the establishment of the Holy Governing Synod in the era of Peter the Great and Catherine I. The reasons and the process of liquidation of the patriarchal system of the Russian church administration and the change of its structure to the synodal, as well as its adaptation to the state mechanism, are investigated. The article describes the powers of the Synod as a state body that invariably fulfilled the will of the sovereign, and the chief prosecutor who supervised its work. During the reign of Catherine I, Peter's church reform was adjusted. The Empress turned to traditionalism in church politics, eliminating a number of innovations that confused believers.

Keywords: Holy Governing Synod, Ecclesiastical Collegium, church reform, church administration, Peter I, Catherine I, Chief Prosecutor.

Вопрос об изменении строя церковного управления являлся одним из наиболее болезненных — и для самих православных иерархов Русской Церкви, и для Петра I, после кончины Патриарха Адриана (в 1700 г.) отложившего на неопределенное время избрание нового Первосвященителя. К этому вопросу вернулись много позже, в 1718—1719 гг. Думается, это было неслучайно. Не будем забывать, что в 1718 г. царь инициировал судебное разбирательство над сочувствовавшими его сыну, царевичу Алексею, епископом Ростовским и Ярославским Досифеем (Глебовым). 19 февраля 1718 г. владыка был арестован и обвинен в заговоре в пользу первой жены царя — инокини Елены. 27 февраля Петр I добился от архиереев принятия решения о лишении епископа Досифея «епископского чина». Не выдержав пыток, низверженный владыка уже в марте 1718 г. признался в том, что желал смерти царя и неоднократно пророчествовал, «для того чтоб быть царевичу Алексею Петровичу на царстве, и было б народу легче, и строение С.-Питербурха умалилось

и престало»¹. Сразу же после этого, 17 марта 1718 г., он был осужден на казнь и колесован на Красной площади в Москве.

Казнены были и другие представители русского духовенства, поддерживавшие царевича Алексея Петровича: его духовник протопоп Яков Игнатьев (умер в 1718 г.) и духовник его матери — инокини Елены, ключарь Суздальского собора Феодор Пустынный (умер в 1718 г.). Духовника царевича, злейшего врага петровских преобразований, всячески разжигавшего его ненависть к самодержавному царю и признававшемуся, что желает его смерти, обезглавили на Троицкой площади Санкт-Петербурга, поместив останки на специально сооруженном эшафоте, где они находились вплоть до 1727 г.

К следствию был вызван и митрополит Иоасаф (Краковский) — последний Киевский архипастырь, в 1708 г. избранный на кафедру духовенством и лишь утверждённый в митрополичьем достоинстве царем (в дальнейшем его преемники назначались Св. Синодом по указу монарха). По дороге в столицу митрополит Иоасаф скончался, что избавило его от допросов и возможных пыток.

В «деле» царевича Алексея Петровича принимал участие и Местоблюститель патриаршего престола митрополит Стефан (Яворский), для чего его вызвали в Санкт-Петербург. Не без влияния Местоблюстителя духовенство, опрошенное Петром о его праве казнить сына, определенно высказалось за помилование. После осуждения и гибели царевича, митрополит Стефан сам отпевал и хоронил его (30 июня 1718 г.)².

«Дело» царевича Алексея Петровича, не скрывавшего, что главной причиной его вражды к отцу были «беседы с попами и чернецами», окончательно утвердило Петра I в правильности его сугубо отрицательного отношения к великорусскому духовенству. «Ой, бородачи! — говорил царь. — Многому злу корень — старцы и попы; отец мой имел дело с одним бородачом (Патриархом Никоном. — С. Ф.), а я — с тысячами. Бог — сердцевидец и судия вероломцам!»³. По этой причине, скорее всего, царь стал оказывать предпочтение южнорусскому (малороссийскому) духовенству, настроенному менее консервативно к его преобразовательной деятельности.

¹ Цит. по: Досифей (Глебов) // Русский биографический словарь. СПб., 1905. [Т. 6]: Дабелов — Дядьковский. С. 606.

² См.: Записка преставлению и погребению царевича Алексея Петровича // Отечественные записки. 1842. Т. 20. Отд. 2. С. 38—39.

³ См.: *Симбирцев И.* Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718—1825. М., 2006. С. 331. См. также: *Гордин Я.* Царь и Бог. Утопия Петра Великого // Звезда. 2022. № 7. С. 81—162.

Впрочем, поводом к принятию окончательного решения о ликвидации патриаршества стали непредумышленные действия Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Стефана (Яворского), летом и осенью 1718 г. проживавшего в Санкт-Петербурге. Именно тогда владыка и подал царю прошение, желая возвратиться обратно в Москву. В прошении он ставил несколько вопросов: как ему жить в Санкт-Петербурге без своего дома, как управлять из Санкт-Петербурга Московской и Рязанской епархиями, как вызывать в новую столицу на чреду архиереев и где им жить, как замещать впредь пустовавшие кафедры?

Раздраженный Петр написал на прошении (составленном в форме доклада), среди прочего, что «для рязанских дел надлежит Епископа устроить... <...> ...а для лучшего впредь управления мнится быть удобно Духовной Коллегии, дабы удобнее такие великие дела исправлять было возможно»¹.

Вероятно, после этого царь и поручил своему любимцу — епископу Феофану (Прокоповичу) составление законодательного акта, который окончательно ликвидировал патриарший строй русского церковного управления, полностью изменяя его устройство. Стремление установить коллегиальное устройство невозможно признать только результатом недовольства царя конкретными православными иерархами. В учреждении Синода значительную роль сыграло убеждение царя в том, что «общего блага», процветания и благополучия страны можно достигнуть, используя, во-первых, строго функциональный принцип управления, предполагающий существование центральных учреждений, специализирующихся на какой-либо одной сфере государственного хозяйства (причем эти сферы не подчинялись друг другу и распространяли свои действия на территорию всей страны без всякого изъятия), и, во-вторых, особое внутреннее устройство учреждений, организованных на началах коллегиальности, четкой регламентации обязанностей чиновников, глубокой специализации канцелярского труда. С целью провести намеченные преобразования Петр I ввел коллегии (в 1718–1720 гг.), подотчетные Сенату, и реформировал местную администрацию (в 1719 г.).

Естественным следствием проведенных изменений стало и приспособление церковного управления к государственному механизму. Поскольку каждая коллегия руководствовалась своим уставом, называвшимся «регламент», то и Православная Церковь должна была получить соответствующий документ. Духовный регламент писал соратник Петра I епископ Феофан (Прокопович). Целью его было составить такой документ, в котором воля

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗРИ-1). Т. 5: 1713–1719. С. 594–595.

абсолютного монарха на церковное управление нашла бы полное выражение. Сохранилась история, как на одной пирушке между царем и епископом Феофаном произошел шуточный разговор: «Скажи-ка, отче, скоро ль наш патриарх-то поспеет?» — спросил иерарха Петр, и получил ответ: «Скоро, государь, я дошиваю ему рясу». — «А у меня шапка для него готова», — в свою очередь заявил царь, добивавшийся полного и безоговорочного одобрения реформы всеми без исключения церковными иерархами¹.

К февралю 1720 г. документ был готов, прочитан и исправлен самим царем, затем его подписали члены Сената и некоторые представители православной иерархии, в том числе местоблюститель Стефан (Яворский), митрополит Казанский Сильвестр (Холмский), а также епископ Феофан (Прокопович). Государь дал год на то, чтобы остальные иерархи, равно как и настоятели крупных монастырей также выразили бы свое согласие на изменение церковного строя, подписав Духовный регламент. В результате, его подписали 87 духовных лиц: 6 митрополитов, 1 архиепископ, 12 епископов, 48 архимандритов, 15 игуменов и 5 иеромонахов. Только двое архиереев — архиепископ Черниговский Антоний (Стаховский) и епископ Переяславский Кирилл — осмелились отсрочить отсылку своих подписей, но узнав, что царь, несмотря на «отговоры и болезни», требует скорейшего подписания Духовного регламента, вынуждены были подчиниться.

По свидетельству русского изобретателя и активного деятеля петровского времени А. К. Нартова, царь, «присутствуя в собрании с Архиереями, приметив некоторых усильное желание к избранию Патриарха, о чем неоднократно от духовенства предлагаемо было, вынув одну рукою из кармана к такому случаю приготовленный Духовный регламент и, отдав, сказал им грозно: „Вы просите Патриарха; вот вам духовный Патриарх, а противомыслящим сему (вынув другою рукою из ножен кортик и ударяя оным по столу): вот вам булатный патриарх!“ ... Потом, встав, пошел вон»². Рассказ А. К. Нартова, несомненно, являлся отзвуком той непростой обстановки, в которой проходило утверждение регламента.

25 января 1721 г. царь издал манифест об учреждении Духовной коллегии, открытие которой состоялось 14 февраля 1721 г. в Санкт-Петербурге на Петербургской стороне в доме графа Я. В. Брюса. Затем Синод был переведен в дом казенного за «лихоимство» князя М. П. Гагарина, располагавшийся

¹ *Карташёв А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2. С. 335.

² Достопамятные повествования и речи Петра Великого (Продолжение) [Электронный ресурс] // DrevLit.Ru. Библиотека древних рукописей (https://drevlit.ru/docs/russia/XVIII/1720-1740/Nartov_A_K/text4.php).

тоже на Петербургской стороне. В манифесте 25 января 1721 г. подчеркивалось, что «Коллегиум правительское под Державным Монархом есть и от Монарха установлено»¹.

Однако принцип коллегиальности в российских условиях оказался нежизнеспособным. Царь хотел совместить иностранные институты с «русским обычаем», т. е. с самодержавием — неограниченной, не контролируемой никем верховной властью; с отсутствием даже формального, сословно-представительного органа, развитого самоуправления и фактом крепостного состояния значительной части населения страны; а также с тенденцией к полному подчинению Церкви самодержцу. В подобных условиях Духовная коллегия в феврале 1721 г., уже на первом заседании переименованная в Святейший Синод, оказывалась полностью несамостоятельным органом. Одной из причин появления Св. Синода было стремление верховной власти обезопасить свое самодержавие от авторитета власти патриаршей. «Ибо простой народ не ведает, — говорилось в Духовном регламенте, — како разнствует власть духовная от Самодержавной, но великою Высочайшего Пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть то второй Государь, Самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чин есть другое и лучшее Государство, и се сам собою народ тако умствовати обыкл... И когда услышится между оными (самодержцем и Патриархом. — С. Ф.) некая распря, вси духовному паче, нежели мирскому правителю, аще и слепо и пребезумно согласуют, и за него поборствовать и бунтоватися дерзают, и лстят себя окаянныя, что они по самом Бозе поборствуют, и руки своя не оскверняют, но освящают аще бы и на кровопролитие устремилися»².

Таким образом, каноническое патриаршее управление было заменено синодальным, при совершении богослужений патриаршее имя заменили именем Святейшего Синода. В особой грамоте от 23 сентября 1723 г. Константинопольский и Антиохийский патриархи по просьбе Петра I, 22 октября 1721 г. принявшего титул императора Всероссийского, признали каноническое достоинство Синода. Синод называли «соборным правительством», ибо он представлял собой (по крайней мере, формально) некий образчик «коллективного Патриарха».

Первоначально, по Духовному регламенту, Св. Синод должен был состоять из 12 человек. 25 января 1721 г. в его состав назначили: президента — митрополита Стефана (Яворского), двух вице-президентов — архиепископов Феодосия (Яновского) и Феофана (Прокоповича), четырех советников

¹ См. подробнее: ПСЗРИ-1. Т. 6: 1720—1722. С. 317.

² Там же.

(из архимандритов) и четырех ассессоров (из протопопов). В последующие годы состав Св. Синода неоднократно подвергался изменениям: в 1722 г. к его членам прибавили по 1 советнику и ассессору, а в 1724 г., по смерти митрополита Стефана, звание президента упразднили, оставив двух вице-президентов с 6 советниками и 3 ассессорами¹.

В то время местоблюститель Патриаршего престола, ставший президентом Св. Синода, не просил, как было ранее, разрешения самодержца уйти на покой, видимо, опасаясь, что его уход усилит позиции епископов Феодосия (Яновского) и Феофана (Прокоповича) — представителей протестантского влияния, против которого митрополит считал своим долгом активно бороться. Однако никакой роли в новом церковном учреждении его президент, в то время часто болевший, не играл, редко там появляясь. 27 ноября 1722 г. митрополит скончался в Рязанском подворье в Москве, послав «последнее целование» Петру, членам Св. Синода и рязанской пастве. 20 декабря 1722 г., в присутствии царя, вернувшегося из астраханского похода, первый (и единственный) президент Св. Синода был отпет. 27 декабря 1722 г. его похоронили в Успенском соборе Рязани (позже прах перенесли в Мало-архангельский рязанский собор).

Духовная коллегия, разумеется, не планировалась императором как церковный институт — это было политическое образование, задачи которого никогда и никак не могли расходиться с задачами светской власти. Чтобы Св. Синод не превращался в узко церковное учреждение, Петр I позволил ему именоваться также Правительствующим, т. е. имеющим государственные полномочия от верховной власти (как и Сенат), в аналогичном смысле носивший титул Правительствующего. Примечательно в связи со сказанным, что в первоначальной редакции Духовного регламента содержались предложения о необходимости вызова для заседаний не только архиереев и клириков, но «и от мирского чина» «честных и благоразумных особ».

Становясь членами Синода, епископы, архимандриты и священники должны были присягать императору. Присяга приводилась в качестве приложения к манифесту от 25 января 1721 г. об учреждении для управления Русской Церковью Духовной коллегии. Православные клирики и архиереи должны были говорить, о том, что исповедуют «с клятвою крайнего судию Духовной сея Коллегии, быти самого Всероссийского Монарха, Государя Нашего Всемилостивейшего»². Присяга, самим фактом своего существования

¹ См. подробнее: *Фирсов С. Л.* Синод Святейший Правительствующий // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. СПб., 2008. Т. 2, кн. 6: С — Т. С. 323–330.

² ПСЗРИ-1. Т. 6. С. 315.

свидетельствующая о двусмысленном положении Св. Синода в системе высших государственных органов Российской империи, была окончательно упразднена лишь в феврале 1901 г.¹ К тому же Св. Синод задумывался как одна из коллегий, а на коллегии можно было жаловаться Сенату.

В январском 1721 г. манифесте Духовная коллегия называлась государственной инстанцией, но не сравнивалась с другим высшим государственным органом, никому, кроме самодержца, неподсудным — с Сенатом. Переименование Духовной коллегии в Св. Синод не привело к юридической фиксации его прав как равных сенатским (хотя указ от 6 сентября 1721 г. и предписывал совместные заседания Сената и Синода на паритетных началах). Борьба Св. Синода с Сенатом за свое достоинство, имевшая место в XVIII в., была следствием этого, так как сенаторы помнили, что первоначально Св. Синод создавался как одна из коллегий, т. е. задумывался как орган общей администрации. Впрочем, равное — де-юре — с Сенатом положение сохранялось у Св. Синода вплоть до 1917 г. (к примеру, Св. Синод посылал указы губернским учреждениям). Государство субсидировало Св. Синод: так, из казны на его содержание в 1722 г. было выделено 30 625 руб. (в 1725 г. сумма субсидий немного сократилась, составив 29 720 руб.).

Синодальная реформа в первую очередь затронула епископат, который прежде всего и должен был иметь дело с новой формой управления, приспособившись к ней. Несмотря на то, что «коллегиальность» управления Церковью должна была содействовать усилению архиерейской власти, на деле происходило обратное: власть архиерея в управлявшейся им епархии уменьшилась. Следует также отметить, что, проводя церковную реформу, Петр I старался постепенно убрать «митрополичье титулование» русских архиереев. К примеру, в 1700 г. в Русской Церкви было 13 митрополитов: Киевский, Новгородский и Великолуцкий, Казанский и Свияжский, Астраханский и Терский, Ростовский и Ярославский, Псковский и Изборский, Смоленский и Дорогобужский, Сибирский и Тобольский, Крутицкий (ранее — Сарский и Подонский), Нижегородский и Алатырский, Рязанский и Муромский, Белгородский и Обоянский, Суздальский и Юрьевский. В 1725 г., когда Петр I умер, в Русской Церкви Киевскую (с 1718 г.), Новгородскую (с 1716 г.), Казанскую (с 1725 г.) кафедры возглавляли архиепископы. В епископии превратились митрополичьи кафедры: Астраханская (с 1714 г.), Ростовская (с 1709 г.), Псковская (с 1717 г.), Крутицкая (с 1711 г.), Нижегородская (с 1719 г.), Рязанская (с 1722 г.), Белгородская (с 1720 г.), Суздальская (с 1712 г.). К 1725 г. титул митрополитов сохранили только архиереи,

¹ Карташёв А. В. Очерки по истории... С. 353.

возглавлявшие Сибирскую и Тобольскую (до 1768 г.) и Смоленскую и Дорогобужскую (до 1727 г.) кафедры. Причиной этого «умаления» архиерейского достоинства было не только уничтожение патриаршества, но и отказ от проектов создания в России митрополичьих округов, которые активно продвигались в конце XVII в.

Ранее, до реформы, Патриарх отличался от других епископов лишь своими административными полномочиями, его епископская юрисдикция по большей части ограничивалась пределами Патриаршей области. Собственно патриаршие привилегии действовали лишь тогда, когда дело затрагивало всю Церковь. К тому же отдельные прерогативы Патриарха исходили из того, что он являлся архиереем столичного города. В данном случае необходимо иметь в виду, что рассмотрение патриарших прерогатив предполагает учет так называемого территориального признака. Св. Синод как «коллегиальный орган», в отличие от Патриарха был лишен территориальной привилегий. Его преимущества и власть в Церкви исходили из желания верховной государственной власти.

Формально Патриаршая область в 1721 г. была передана в непосредственное ведение Св. Синода (под названием Синодальной области), управляясь через приказы, существовавшие и при Патриархе и преобразованные в дикастерию (от *греч.* δικάστήριον — законный суд) — в Москве, и в Тиунскую контору — в Санкт-Петербурге. Но в петровское время (и в годы правления его ближайших наследников) Св. Синод управлял подведомственной ему территорией формально, фактически дела там вершили назначавшиеся к управлению архиереи. Но и они не имели всей полноты власти. Так, уже 17 апреля 1721 г. Св. Синод предписал отсылать ставленников бывшей Патриаршей области для посвящения в священный сан к архиереям других епархий. Некоторое время спустя Св. Синод разрешил совершать рукоположения священников православным восточным архиереям, проживавшим в то время в Москве. Этим архиереям позволили также собирать со ставленников определенную сумму в свою пользу. В первой половине 1720-х гг. Св. Синод очевидно тяготился управлением бывшей Патриаршей области, не имея возможности и желания что-либо менять в территориальном строе Церкви.

Большую проблему для нового органа высшего церковного управления представляло и то, что Духовный регламент не определил функции и полномочия епископов. Да и полномочия самой Духовной коллегии определялись очень расплывчато и не четко. Архиереи должны были сами, опытным путем, определять, в каких случаях им надлежало писать в Св. Синод, а в каких решать дело на местах, используя собственные властные прерогативы. Неслучайно уже 8 марта 1721 г. появилось синодальное разъяснение значения

и власти Св. Синода, направленное управлявшему с января 1719 г. Патриаршей областью митрополиту Сарскому и Подонскому Игнатию (Смоле). Св. Синод тогда постановил: «...прежде бывшего Патриарша Духовного Приказу и впредь прилучающиеся патриаршей области духовные дела ведать и управлять достойной тому духовной персоне, которая Правительствующим Духовным Синодом усмотрена и определена будет, и то управление чинить по инструкции, какова от оного Синода делется; а важные дела управлять с ведома преосвященного Игнатия митрополита Сарского и Подонского, а которые дела и ему архиерею недоуметельны будут, о тех присылать доношения в Правительствующий Духовный Синод»¹.

Представленное разъяснение, как видно из приведенного текста, не столько помогает разобраться во властных полномочиях Св. Синода, сколько запутывает вопрос, ибо «духовная персона» должна была сноситься по неназванным конкретно «важным» делам с архиереем другой епархии, который не имел канонической власти над этой «персоной». Св. Синод, отправляя митрополиту Игнатию письмо, фактически показал, что сам ничего не может сказать о собственной компетенции. Эта компетенция определялась в последующий период в ходе практической деятельности.

Что касается самого митрополита Игнатия, то он, получив синодальное послание, практически был отрешен от власти: с 23 февраля 1721 г. владыка находился под судом по обвинению «в оказывании чести и разных услуг» бывшей супруге царя Е. Ф. Лопухиной (инокине Елене). 8 сентября 1721 г. ему объявили указ государя, ради Ништадтского мира прощавшего владыку. При этом он лишался занимаемой кафедры, митрополичьего и архиепископского сана и посылался епископом в Иркутск. 1 октября 1721 г., выслушав прошение владыки не посылать его в Иркутск, Петр I указал Св. Синоду отправить опального архиерея в Нилову пустынь, запретив именоваться епископом.

Приведенный пример показывал, насколько широко понимал император собственную власть в Церкви и насколько произвольно мог ею пользоваться. Члены Св. Синода по существу выступали лишь исполнителями самодержавной воли, не имея и тени патриаршей власти. Неслучайно большинство русских архиереев в то время относилось к Св. Синоду достаточно пренебрежительно, не теряя надежды на то, что характер церковного управления будет

¹ Цит. по: *Закржевский А. Г.* Святейший Синод и русские архиереи в первые десятилетия существования «церковного правительства» в России // *Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы.* 2000. № 1: Православная Церковь в России и СССР. Источники, исследования, библиография. Редактор номера — д-р ист. наук С. Л. Фирсов. С. 267.

изменен. Со своей стороны, Св. Синод пытался всеми силами отстаивать властные полномочия (тем более, что формально не существовало такого дела, казуса или преступления духовных лиц, которые не мог бы решить епархиальный архиерей). Св. Синод воспринимался православными архиереями как прежде всего государственный орган, неизменно исполнявший волю государя, в чем бы она ни была выражена.

В том же 1721 г. Петр принял титул «Отец Отечества»¹, который ранее в православной церковной традиции применялся только к архипастырю, и прежде всего к Патриарху. Так, к примеру, назывались патриархи Константинопольский и Александрийский. Поскольку официальное принятие этого титула совпало с упразднением патриаршества в Русской Православной Церкви и с последующим наименованием монарха «крайним Судией» Духовной коллегии, постольку указанное наименование могло восприниматься в том смысле, что Петр I «возглавил» Церковь и «объявил» себя Патриархом. Конечно, восприятие события и само событие — не одно и то же, но то, что со времени петровских преобразований православный монарх стал восприниматься как безусловный распорядитель церковных дел, сомнению подлежать не может.

На учреждении Св. Синода церковная реформа Петра I не завершилась. 11 мая 1722 г. император повелел Сенату «выбрать из офицеров доброго человека, кто б имел смелость и мог управление синодского дела знать, и быть ему обер-прокурором и дать ему инструкцию, применяясь к инструкции генерал-прокурора Сената»². 13 июня 1722 г. была составлена и подписана инструкция, согласно которой обер-прокурор должен был «сидеть в Синоде и смотреть накрепко, дабы Синод свою должность хранил, и во всех делах, которые по Синодскому рассмотрению и решению подлежат, истинно, ревностно и порядочно, без потеряния времени, по регламентам и указам отправлял».

Обер-прокурор подлежал только суду императора. Также в инструкции отмечалось, что обер-прокурор, названный «оком» государя и «стряпчим о делах Государственных», должен «верно поступать, ибо перво на нем взыскано будет». В распоряжение обер-прокурора предоставлялась Синодальная канцелярия, он был обязан находиться «в заседаниях присутствия»³. Обер-прокурор Святейшего Синода подчинялся генерал-прокурору, что

¹ Акт поднесения Петру I титула Императора Всероссийского и наименования Великого и Отца Отечества, «по совету в Сенате обще с Духовным Синодом», датирован 22 октября 1721 г. (ПСЗРИ-1. Т. 6. С. 444–446).

² О выборе в обер-прокуроры в Синод из офицеров // Там же. С. 676.

³ Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода // Там же. С. 721–722.

свидетельствовало о неравнозначности Сената и Синода в системе государственных учреждений Российской империи. Характерно, что подначальные обер-прокурору члены Св. Синода в официальных бумагах именовались «синодальной командой» — исполнительный и послушный.

Первым обер-прокурором Св. Синода был полковник И. В. Болтин, назначенный 13 июня 1722 г. и занимавший эту должность почти три года. Болтин не пользовался теми полномочиями, которые были предоставлены ему по должности петровской инструкцией, и не вмешивался в административную компетенцию Синода (возможно потому, что на тот момент система государственного управления еще формировалась). Однако по мере сил первый обер-прокурор Св. Синода, которому самодержец доверял и благоволил, стремился исполнять обязанности «светского контролера» церковных дел. В частности, он добился суда над секретарем синодальной типографии, бравшим взятки, а когда первый вице-президент Синода архиепископ Феофан (Прокопович) получил от Св. Синода займы и не возвратил 3200 руб., Болтин напомнил ему, что с казенными деньгами так не поступают, в результате чего Св. Синод постановил вернуть долг.

Спустя три месяца после кончины императора Болтин лишился своего поста и даже был взят под стражу в связи с делом архиепископа Новгородского Феодосия (Яновского), в апреле 1725 г. арестованного за резкие высказывания об императрице Екатерине I. В мае 1725 г. владыку лишили сана и сослали в Николо-Корельский монастырь Архангельской губернии. Историки полагают, что дело архиепископа Феодосия было инспирировано архиепископом Феофаном (Прокоповичем), стремившимся укрепить собственные позиции в Св. Синоде¹. «Дело» Новгородского архиерея самым негативным образом сказалось на судьбе первого синодального обер-прокурора, который по должности должен был донести на него, но не сделал этого. В результате Болтин первоначально был «отослан к делам в Сибирь», а вскоре, по открытию «на нем еще вины», отправился в ссылку (вместе с семьей) с новым наказом — «не употреблять его к делам» до особых распоряжений. «Вины» первого обер-прокурора были прощены два года спустя.

Стоит также отметить, что вскоре после кончины Петра I, в краткое царствование его супруги, Св. Синод лишился звания «Правительствующего» (равно как и Сенат), — именным указом императрицы Екатерины I,

¹ См. подробнее: *Макаров И. В.* пастырские коллизии XVIII века: судьба основателя Петербургской лавры и семинарии архиепископа Феодосия (Яновского) в контексте деятельности Святейшего Синода // Русско-Византийский вестник. 2018. № 1. С. 176—183.

объявленным из Верховного Тайного Совета, повелевалось: «Синод титуловать: Святейший Синод, а Правительствующий не писать» (14 июля 1726 г.)¹. А менее чем через месяц, 8 августа 1726 г., Сенат сообщил Св. Синоду указ Верховного Тайного Совета, что «в Св. Синоде, вместо обер-прокурора А. Баскакова, повелено быть *простым* прокурором Раевскому, который был в Москве в Монастырском Приказе»².

Гвардии капитан А. П. Баскаков был назначен обер-прокурором Св. Синода 11 мая 1725 г., но, как и его предшественник, не имел большого влияния на ход синодальных дел. Члены Св. Синода постоянно оставляли без последствий его протесты и не исполняли его предложения. Исключения составляли только те поручения, которые Баскаков передавал Св. Синоду от имени Императорского кабинета, а с февраля 1726 г. — от имени Верховного Тайного Совета или от влиятельных вельмож-временщиков. Однако случаи такого посредничества были сравнительно редки. И подчиненные Св. Синоду учреждения, и клирики (священники и архимандриты) нередко отказывались исполнять требования Баскакова. Мало того, сам он находился в материальной зависимости от Св. Синода, который определял размер жалования обер-прокурора (около 1000 рублей в год) и сроки его уплаты. И тем не менее в сенатском указе от 8 августа 1726 г. Св. Синод усмотрел умаление собственного значения, продолжив именовать Баскакова обер-прокурором вплоть до 2 декабря 1730 г., когда он «за оплошку по должности прокурорской» (за допущение синодального постановления об излишнем сборе с венецных памятей) был оштрафован на четверть своего годового жалования и окончательно отставлен от своей должности³.

Сам Св. Синод к 1726 г. состоял из 8 советников, 2 ассессоров и вызываемых «на чреду служения» архимандритов. С 1727 г., без особого указания, члены Св. Синода стали называться «синодальными членами» (или «синодальными архиереями») и титулы «вице-президента», «ассессора» и «советника» с тех пор более не употреблялись. 12 июля 1726 г., был подписан именной указ «О разделении Синода на два Департамента, с назначением в каждом по шести Членов». В первый «апартамент» включались Новгородский, Ростовский, Рязанский, Воронежский, Вологодский и бывший Суздальский архиереи. Тогда эти кафедры занимали соответственно: архиепископ Феофан (Прокопович), архиепископ Георгий (Дашков), архиепископ Феофилакт

¹ ПСЗРИ-1. Т. 7: 1723–1727. С. 676.

² *Карташёв А. В.* Очерки по истории... С. 369.

³ Об А. П. Баскакове см.: *Рудаков В.* Баскаков Алексей Петрович // *Русский биографический словарь*. СПб., 1900. [Т. 2]: Алексинский — Бестужев-Рюмин. С. 558.

(Лопатинский, Тверской архиерей, в указе неверно поименованный «Рязанским»), епископ Иосиф и епископ Вологодский Афанасий (Пауссиус-Кондоиди). «Бывшим» епископом Суздальским был пострадавший в петровскую эпоху владыка Игнатий (Смола).

«Должны оные управлять всякие духовные дела Всероссийской Церкви, — говорилось в указе, — и содержать в добром порядке и благочинии духовных, також типографию, и иметь тщание о печатании книг, которых б согласны были с церковными преданиями...». При этом синодальные члены отстранялись от управления делами своих епархий: для этого полагалось назначать викариев, «которые о всем ответ дать и рапортовать должны»¹.

Во втором «апартаменте» (Коллегии экономии синодального правления) должны были производиться «суд и расправа», а также решаться экономические вопросы («смотрение» «сборов и экономии и прочее тому подобное, по примеру преждебывшаго Патриарша Разряду и других тогда бывших в Патриаршем ведомстве приказов»). Состоять в этом «апартаменте» должны были светские лица (включая Баскакова). По существу второй «апартамент» ведал администрацией, судом и хозяйством бывших патриарших вотчин, имея обязанность докладывать обо всем, минуя Св. Синод, Сенату².

По словам церковного историка А. В. Карташёва, «в облике II-го Апартамента закрепился очередной этап неизбежной секуляризации устаревшей церковной поместной системы». В том же 1726 г. этот «апартамент», в номинальном составе синодального правления, был понижен в ранге, перестал быть одним из высших учреждений и оказался переведен в разряд коллегий³.

Как видим, в царствование Екатерины I началась определенная корректировка петровской церковной реформы. Так, незадолго до смерти императрицы, 25 января 1727 г., Св. Синод принял определение об отмене института инквизиторов («духовных фискалов»), введенной Петром для тайного наблюдения за правильным и законным течением дел церковной жизни (о создании должности «протоинквизитора» говорилось в «Духовном регламенте», согласно которому в каждую епархию назначались «провинциал-инквизиторы», имевшие в подчинении «инквизиторов», находившихся в городах и уездах). Среди прочего инквизиторы должны были наблюдать, взимаются ли специальные налоги со старообрядцев («раскольников»), учителей которых (в случае выявления) инквизиторы должны были под караулом отправлять

¹ ПСЗРИ-1. Т. 7. С. 673.

² Там же. С. 673–674.

³ *Карташёв А. В.* Очерки по истории... С. 369.

в Св. Синод¹. Спустя всего два года по смерти царя-преобразователя должности инквизиторов были уничтожены².

В синодальном определении говорилось: «...А от инквизиторов не токмо пользы Церкви Святей доныне не явилось, но уже и ясно многие указом и их такому званию весьма противныя и общему народу гнусныя дела. <...> Того ради, как в синодальной области, так и во всех епархиях всех провинциал-инквизиторов и инквизиторов от дел их, до указа, отрешить, и содержать где пристойно под присмотром в братстве; а дела их все, описав, также и по архиерейским домам и по монастырям, где оные инквизиторы были, справясь подлинною, по силе вышеупомянутого ж синодального определения, везде учинить обстоятельныя и перечневые выписки, с подлинным изъяснением и с достоверным свидетельством. К тому же и в городах и в уездах всем духовного чина людям объявить указами, что оные инквизиторы отрешены, и дабы ежели кто, где от них суть обидимые, доносили о том в епархиях архиереям немедленно; а им архиереям, исследовав... с приложением на каждое дело мнений с резонами, присылать к решению в Святейший Синод без продолжения»³.

В царствование Екатерины I изменениям подвергся и объем церковного суда, ранее определенный Петром Великим. Неподсудными этому суду — в судных и розыскных делах — были объявлены крестьяне церковных вотчин, приказчики и иные мирские лица духовного ведомства (кроме самих духовных). С 1727 г. по названным делам они стали подсудны губернаторам и воеводам.

В целом можно сказать, что именно Екатерина I, постоянно заявлявшая о том, что она является продолжательницей политики своего венценосного супруга, положила первый предел осуществлению петровской церковной реформы. Нуждавшаяся в инсценировании себя как «настоящей» царицы, Екатерина I вполне сознательно повернула к традиционализму в церковной политике. Например, уже 26 мая 1725 г. был подписан указ, согласно которому полагалось представлять ведомость о том, на что пошли снятые с православных икон «привесы» (т. е. украшения из драгоценных металлов, которые

¹ См. «Инструкцию, данную от Святейшего Синода Московского Данилова монастыря строителю иеромонаху Пафнутию, определенному Протоинквизитором или главным Фискалом по делам духовного ведомства во всей России» (декабрь 1721 г.) (ПСЗРИ-1. Т. 6. С. 467–476).

² См.: *Барсов Т. В.* О светских фискалах и духовных инквизиторах, учрежденных Петром I // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. № 2. С. 307–400.

³ Там же.

жертвовали благочестивые верующие). Одновременно запрещалось и снятие с икон драгоценных окладов, что происходило в петровскую эпоху. То, что ранее смущало верующих, вызывая у них ропот, было властями ликвидировано¹.

Последующий период — краткое царствование малолетнего Петра II и десятилетний период правления императрицы Анны Иоанновны — был весьма противоречив, ознаменовавшись борьбой так называемой «старо-московской партии» с архиепископом Феофаном (Прокоповичем), которому в конце концов удалось одержать победу и стать самым влиятельным иерархом эпохи бироновщины². В тот период Св. Синод никакой самостоятельной роли не играл, а должность синодального обер-прокурора в течение всего царствования Анны Иоанновны оставалась вакантной. Это явно свидетельствовало о том, что синодальная модель церковного управления в системе государственных учреждений империи еще до конца не укрепились. Окончательное ее «оформление» пришлось на вторую половину XVIII в., когда «синодальная форма» стала полностью соответствовать «содержанию» российской самодержавной государственности.

Литература

- Барсов Т. В. О светских фискалах и духовных инквизиторах, учрежденных Петром I // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. № 2. С. 307–400.
- Гордин Я. Царь и Бог. Утопия Петра Великого // Звезда. 2022. № 7. С. 81–162.
- Досифей (Глебов) // Русский биографический словарь. СПб., 1905. [Т. 6]: Дабелов — Дядьковский. С. 606.
- Закржевский А. Г. Святейший Синод и русские архиереи в первые десятилетия существования «церковного правительства» в России // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2000. № 1: Православная Церковь в России и СССР. Источники, исследования, библиография. С. 267.
- Записка преставлению и погребению царевича Алексея Петровича // Отечественные записки. 1842. Т. 20. Отд. 2. С. 38–39.
- Карташёв А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2.
- Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.

¹ См. подробнее: Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.

² Об архиепископе Феофане (Прокоповиче) см. например: Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868; Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. М., 1994.

- Макаров И. В.* Пастырские коллизии XVIII века: судьба основателя Петербургской лавры и семинарии архиепископа Феодосия (Яновского) в контексте деятельности Святейшего Синода // Русско-Византийский вестник. 2018. № 1. С. 176–183.
- Рудаков В.* Баскаков Алексей Петрович // Русский биографический словарь. СПб., 1900. [Т. 2]: Алексинский – Бестужев-Рюмин. С. 558.
- Симбирцев И.* Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. М., 2006.
- Смирнов В. Г.* Феофан Прокопович. М., 1994.
- Фирсов С. Л.* Синод Святейший Правительствующий // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. СПб., 2008. Т. 2, кн. 6: С – Т. С. 323–330.
- Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

А. А. Назаров

Создание Святейшего Синода как первый этап формирования коллегиальной системы конфессионального управления России в XVIII – второй четверти XIX в.

В статье исследован процесс создания Духовной коллегии и ее преобразование в Святейший Синод. Изучены этапы формирования в XVIII – второй четверти XIX в. российской коллегиальной системы конфессионального управления. На первом этапе была создана Духовная коллегия как универсальный орган религиозного управления. В ходе реформ Духовная коллегия была преобразована в Св. Синод – высший орган управления Русской православной церкви. Затем была создана система управления Римско-католической церкви Российской империи.

На следующем этапе были учреждены органы конфессионального управления мусульманских общин – Оренбургское магометанское духовное собрание и Таврическое магометанское духовное правление. На четвертом этапе были учреждены высшие органы управления иностранных церквей – Римско-католическая духовная коллегия, Генеральная Евангелическо-лютеранская консистория и Виленская Евангелическо-реформатская коллегия.

Назаров Андрей Александрович, кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры истории и философии Национального исследовательского Московского государственного строительного университета.

Andrey A. Nazarov, PhD (Economics), Associate Professor; Associate Professor History and Philosophy of the National Research Moscow State University of Civil Engineering.

2360562@mail.ru

© А. А. Назаров, 2023

Ключевые слова: Св. Синод, коллегиальная система конфессионального управления, Духовная коллегия, Римско-католическая духовная коллегия, Виленская Евангелическо-реформатская коллегия, Оренбургское магометанское духовное собрание, Таврическое магометанское духовное правление, Генеральная Евангелическо-лютеранская консистория.

Andrey A. Nazarov

The foundation of the Holy Synod as the first stage of the formation of the collegial system of confessional governance in Russia in the 18th – first third of the 19th century

The article examines the process of creating a Spiritual College and its transformation into the Holy Synod. The stages of formation of a collegial system of confessional governance in Russia in the 18th – first third of the 19th century are studied. At the first stage, the Spiritual Board was created as a universal body of religious governance. During the reforms, the Spiritual Board was transformed into the Holy Synod, the highest governing body of the Russian Orthodox Church. Then the Russian system of governance of the Catholic Church was created. At the next stage, the confessional management bodies of Muslim communities – the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and the Tauride Mohammedan Spiritual Board – were established. At the fourth stage, the highest governing bodies of non-Orthodox churches were established – the Roman Catholic Ecclesiastical Collegium, the General Evangelical Lutheran Consistory and the Vilna Evangelical Reformed Collegium.

Keywords: Holy Synod, collegial system of confessional governance, Ecclesiastical Board, Roman Catholic Ecclesiastical Board, Vilno Evangelical Reformed Board, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, Tauride Mohammedan Spiritual Board, General Evangelical Lutheran Consistory.

Формирование российской системы конфессионального управления проходило с начала XVIII в. до второй четверти XIX в.

На первом этапе (первая четверть XVIII в.) была создана Духовная коллегия как межконфессиональный орган управления, которая в ходе реформ была преобразована в Святейший Синод – высший орган управления Русской православной церкви. На втором этапе (1730–1770-е гг.) началось преобразование управления Евангелическо-лютеранской церкви и создание системы управления Римско-католической церкви на территории Российской империи.

На третьем этапе (1780–1790-е гг.) были созданы высшие органы управления мусульманских общин. На четвертом этапе (конец XVIII – первая четверть XIX в.) были учреждены высшие коллегиальные органы конфессионального управления инославных церквей.

В системе религиозного управления Российской империи ключевую роль играли учрежденные по инициативе правительства в XVIII – начале XIX в. высшие коллегиальные органы конфессионального управления – Святейший Синод, Оренбургское магометанское духовное собрание, Таврическое магометанское духовное правление, Генеральная Евангелическо-лютеранская консистория, Римско-католическая духовная коллегия и Виленская Евангелическо-реформатская коллегия.

Высшие коллегиальные органы конфессионального управления выполняли следующие функции:

- 1) координации взаимодействия государства и религиозных общин;
- 2) определения порядка формирования духовенства и конфессиональных учреждений;
- 3) финансирования органов конфессионального управления;
- 4) контроля над хозяйственной деятельностью религиозных общин;
- 5) представления в государственные органы статистических данных о религиозных общинах;
- 6) записи актов гражданского состояния,
- 7) наблюдения за оборотом имущества и финансовых средств религиозных объединений,
- 8) обеспечения защиты прав и привилегий духовенства;
- 9) наблюдения за деятельностью приходского, монашеского и высшего духовенства;
- 10) наблюдения за контактами российского и зарубежного духовенства.

Высшие коллегиальные органы конфессионального управления формировались при участии органов государственной власти – императора, министра внутренних дел и губернаторов. Избранный представителями

религиозных общин глава религиозного объединения утверждался органами государственной власти. Глава религиозного объединения, как правило, возглавлял высший коллегиальный орган конфессионального управления. В Русской православной церкви пост главы религиозного объединения (патриарха) был упразднен Петром I. У протестантов Генеральную консисторию и Виленскую коллегию возглавляли президенты, избранные из числа светских лиц лютеранского и реформатского вероисповедания. Руководители протестантских общин занимали должности вице-президентов.

В своей деятельности органы конфессионального управления были обязаны руководствоваться не только религиозными нормами, но и государственным законодательством. Контроль над высшими органами конфессионального управления осуществляли введенные в состав этих органов прокуроры. Они надзирали за соблюдением российского законодательства, наблюдали за использованием денежных средств, движимого и недвижимого церковного имущества. Важную роль играли канцелярии, созданные при всех органах конфессионального управления. Канцелярии организовывали и контролировали процесс делопроизводства религиозных общин. Секретарь и чиновники канцелярий состояли на государственной службе.

На религиозные учреждения всех конфессий была возложена обязанность ведения книг доходов и расходов денежных средств, реестров движимого и недвижимого имущества. Высшие коллегиальные органы конфессионального управления контролировали финансовые потоки путем ежегодной проверки книг доходов и расходов, годовых отчетов и финансовой документации. Периодически проводилась инвентаризация имущества религиозных объединений. Учет и контроль материальных и финансовых средств способствовал повышению их сохранности и эффективного использования. Сведения о финансовом состоянии церковных хозяйств, наличии движимого и недвижимого имущества концентрировались в высших органах религиозного управления, которые в свою очередь передавали годовые отчеты и контрольные цифры в органы государственной власти. Централизованный сбор сведений о движении финансовых и материальных средств способствовал формированию церковной статистики. В контрольных мероприятиях были задействованы все должностные лица: глава религиозного объединения, члены высшего коллегиального органа религиозного управления, главы религиозных округов, настоятели церквей и монастырей, мечетей и синагог. В контрольных мероприятиях принимали участие уполномоченные лица — казначеи, ревизоры и старосты.

Российская система конфессионального управления формировалась поэтапно. На первом этапе (в первой четверти XVIII в.) в рамках

коллегиальной реформы Петр I инициировал создание Духовной коллегии, как высшего органа религиозного управления. Создание Religions-kollegium как составной части государственной коллегиальной системы управления еще в 1711 г. было предложено Петру I в проекте знаменитого немецкого ученого Г. В. Лейбница. В 1717 г. началось создание светских коллегий.

Были установлены штаты коллегий в составе президента, вице-президента, четырех коллежских советников, четырех коллежских асессоров, секретаря, нотариа, актуария, переводчика¹.

28 апреля 1718 г. президентам коллегий было поручено составить регламенты своих ведомств. «Всем коллегиям надлежит ныне на основании Шведского Устава сочинить во всех делах и порядках по пунктам; а которые пункты в Шведском регламенте не удобны, или с ситуацией сего Государства не сходны, и оные ставить по своему рассуждению»².

По первоначальному замыслу Петра Великого религиозное управление должно было стать одним из элементов государственной системы управления. Высшим органом религиозного управления должна была стать Духовная коллегия, для которой следовало разработать регламент. Разработка регламента Духовной коллегии была поручена известному своими симпатиями к протестантизму епископу Псковскому Феофану Прокоповичу.

В своей работе Ф. Прокопович использовал шведский церковный устав 1686 г., который действовал на территории Лифляндии и Эстляндии, присоединенных к России в ходе Северной войны. В результате по первоначальному плану реформаторов в России должна была быть создана характерная для лютеранских стран Северной Европы государственная система религиозного управления.

По первоначальному замыслу Духовная коллегия должна была органично войти в государственную систему коллегиального управления. Духовная коллегия должна была быть государственной по форме, но религиозной по содержанию. Так же, как и чиновники других ведомств, члены Духовной коллегии должны были назначаться на определенную должность согласно штатному расписанию. По регламенту в Духовной коллегии должны были заседать президент (из митрополитов), вице-президент (из архиепископов), три советника (из архимандритов-настоятелей монастырей), пять асессоров (четверо из протопопов и один из греческих черных священников). Формировал Духовную коллeгию глава государства.

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 5. № 3129. С. 525.

² Там же. Т. 5. № 3197. С. 565.

К 1720 г. Ф. Прокопович завершил работу над Уставом Духовной коллегии. Духовный регламент был отредактирован Петром I, зачитан в Правительствующем Сенате и разослан для ознакомления и подписания представителям высшего духовенства православной церкви. Под давлением светской власти духовные иерархи (митрополиты, епископы, архимандриты) дали свое согласие на принятие Устава и отмену Патриаршества, несмотря на протестантский дух Духовного регламента. Но сразу после создания в 1721 г. Духовной коллегии ее члены попытались смягчить протестантский дух церковной реформы. Они обратились к Петру I с просьбой о переименовании Духовной коллегии в Святейший Правительствующий Синод ввиду того, что иноземное название не понятно народу и будет вызывать недоумение во время храмовой молитвы. Император пошел на уступки духовенству. Было изменено не только название Духовной коллегии, что выделило Св. Синод из числа других коллегий. Были внесены изменения в положение Св. Синода в системе государственного управления. Правительствующий Синод был выведен из состава коллегий и приравнен к высшему органу государственного управления — Правительствующему Сенату. Св. Синод и Сенат как равные по статусу органы власти стали направлять друг другу уведомления, в то время как в коллегии Сенат направлял приказы. При разрешении вопросов, находившихся на границе компетенции обоих ведомств, стали проводиться совместные заседания учреждений — Правительствующего Сената и Святейшего Правительствующего Синода. В результате достигнутого компромисса характерная для православной церкви «симфония» светской и духовной властей была восстановлена, но уже в новой форме (рис. 1).

По первоначальному замыслу реформаторов Духовная коллегия должна была стать универсальным органом религиозного управления. Регламент возложил на Духовную коллегия управление духовными делами не только православного, но и других вероисповеданий. В соответствии с Духовным регламентом в первые годы своей деятельности Св. Синод выполнял функции органа межконфессионального управления. После созыва Духовной коллегии все полномочия Правительствующего Сената в области религиозного управления христианскими конфессиями были переданы Святейшему Правительствующему Синоду. В 1720-е гг. Св. Синод организовал сбор сведений о количестве инославных церквей и численности протестантского и католического духовенства, принимал участие в процессе формирования приходского духовенства, санкционировал открытие и закрытие католических и протестантских храмов и церковных школ.

На втором этапе формирования российской системы конфессионального управления (1730—1770-е гг.) Св. Синод был преобразован из универсального

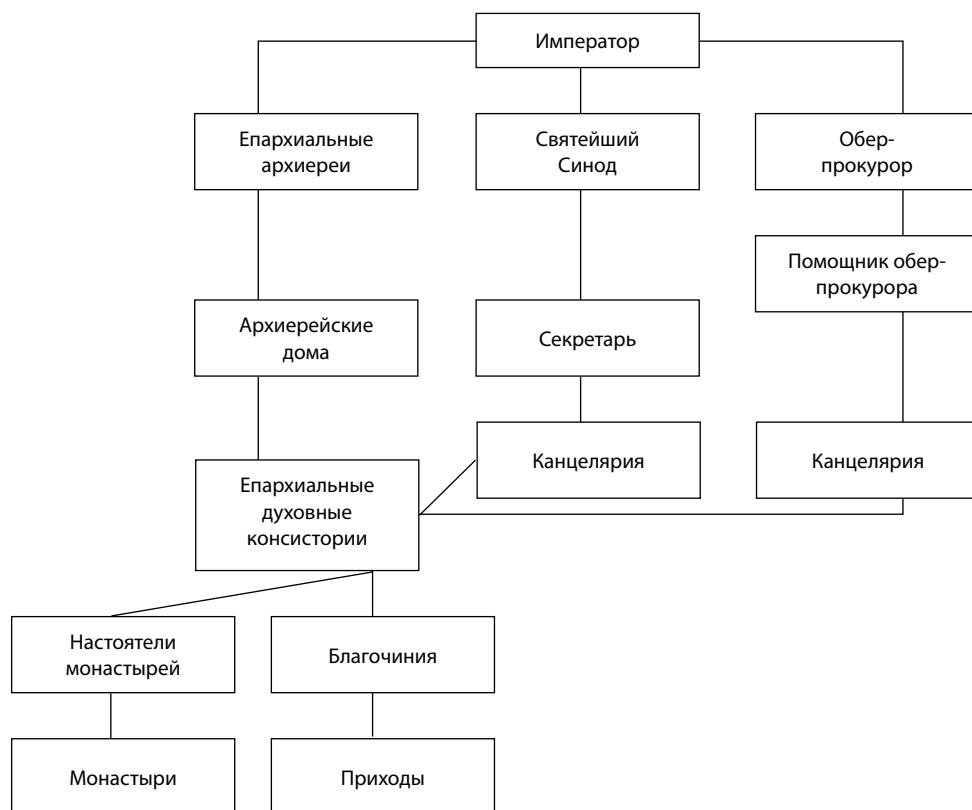

Рис. 1. Структура управления Русской православной церковью

органа религиозного управления в высший орган управления Русской православной церкви. По инициативе правительства началось создание системы конфессиональных и государственно-конфессиональных органов религиозного управления. В эти годы была упорядочена система конфессионального управления Евангелическо-лютеранской церкви в Остзейских (Прибалтийских) губерниях, началось создание органов управления Римско-католической церкви Российской империи.

Полномочиями высшей апелляционной инстанции по духовным делам протестантов и католиков в 1734 г. была наделена Юстиц-коллегия Лифляндских и Эстляндских дел. «Такие духовные чужестранных законов, случающиеся здесь дела рассматривать в оной Юстиц-Коллегии, на основании каждого исповедания»¹. При этой Юстиц-коллегии были созданы Римско-католический департамент и Лютеранское консисториальное заседание.

¹ ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6548. С. 279.

На региональном уровне правительство сохранило существовавшие в шведский период лютеранские консистории и консисториальные округа (Лифляндский, Эстляндский, Эзельский, Рижский и Ревельский). Прибалтийские лютеранские консистории продолжали действовать на основании Лифляндского устава 1634 г. и Шведского устава 1686 г. при условии, что уставы не противоречили российскому законодательству.

После проведения в 1772 г. первого раздела Польши и увеличения численности католиков и униатов по инициативе Екатерины II в Восточной Белоруссии было создано викариатство, преобразованное затем в епископство во главе с епископом С. Богуш-Сестренцевичем. В 1782 г. Могилевское епископство Римско-католической церкви указом Екатерины II было преобразовано в архиепископство. «В губернском городе Могилеве повелеваем отныне быть Архиепископству Римского исповедания, заключая в Епархии сего Архиепископа все приходы и монастыри, как в Могилевском и Полоцком наместничествах, так и в обеих Наших Столицах и во всех местах Российской империи»¹. В связи с этим все дела католиков и католических церквей были переданы из ведения Юстиц-коллегии Могилевской римско-католической консистории: «Юстиц-Коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел в дела до Римской церкви принадлежащая вступать вовсе запретить»².

В ведение Могилевской консистории были переданы «как экономические на основании данных от Ея тем церквам привилегий и Регламентов, так и Судные»³.

На третьем этапе формирования системы конфессионального управления (1780–1790-е гг.) по инициативе Екатерины II были учреждены коллегияльные органы управления мусульманскими общинами. Конфессиональные учреждения были созданы в Оренбургской и Таврической губерниях, для которых была характерна большая численность мусульманского населения. Полномочия данных учреждений не ограничивались пределами губерний и распространялись на мусульманское население соседних губерний. В 1788 г. в Уфе было создано Оренбургское магометанское духовное собрание. Оно состояло из муфтия и трех членов духовного собрания. В ведение духовного собрания были переданы вопросы формирования мусульманского духовенства, духовное образование и духовные суды (рис. 2). В 1794 г. в Симферополе было учреждено Таврическое магометанское духовное правление, состоявшее из муфтия и пяти членов (эффендиев). Основной задачей духовного

¹ ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15326. С. 383.

² Там же. С. 384.

³ Там же. С. 418.

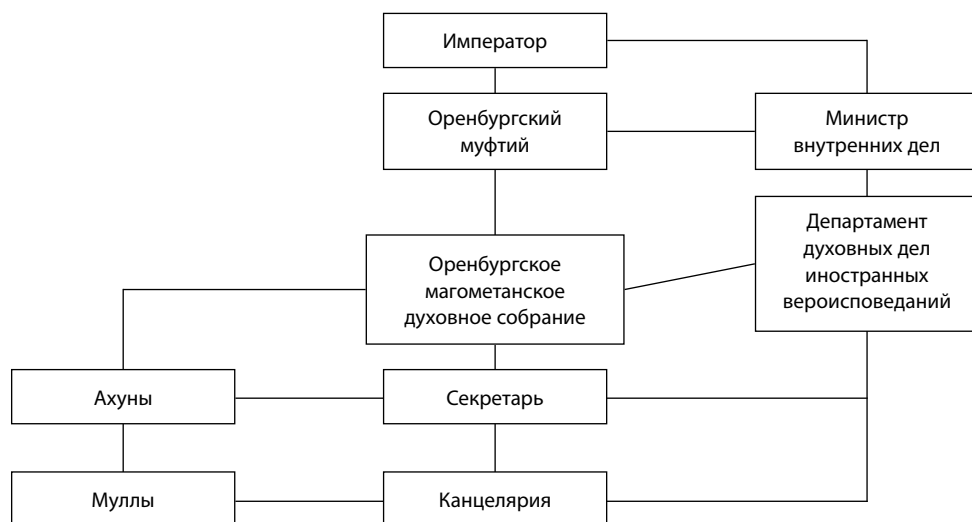

Рис. 2. Структура управления округом Оренбургского магометанского духовного собрания

правления должно было стать «надзирание над всем Духовенством магометанским Области Таврической»¹.

На четвертом этапе создания российской системы религиозного управления (конец XVIII — вторая четверть XIX в.) были созданы высшие органы конфессионального управления инославных церквей. После второго и третьего разделов Речи Посполитой между Пруссией, Австрийской и Российской империями в состав России вошли Правобережная Украина, Западная Белоруссия и Литва. В этих регионах значительную часть населения составляли католики и униаты (греко-католики). В связи с этим по инициативе Павла I началось реформирование системы управления российской Римско-католической церкви. В 1797 г. в Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел был возрожден Римско-католический департамент «под особым надзиранием Президента той Коллегии».²

Контроль государства над духовенством Римско-католической церкви был усилен. Но уже в 1798 г. департамент был выведен из состава коллегии и передан под управление «Архиепископа Могилевского Римских церквей Сестренцевича»³. Следующим шагом Павла I стало принятие в том же году Регламента для церквей и монастырей Римско-католического исповедания

¹ Там же. Т. 23. № 17174. С. 482.

² Там же. Т. 24. № 17836. С. 493.

³ Там же. Т. 25. № 18345. С. 49.

в Российской империи. По аналогии с Православной церковью под управление епископов было передано не только приходское, но и монашеское духовенство. Это ограничило влияние Ватикана на российских подданных. В зарубежных странах католические монашеские ордена подчинялись главам (генералам), которые, в свою очередь, находились в подчинении Римского папы. Сам Павел I в 1798 г. был избран Великим магистром ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийского ордена). При Александре I в 1801 г. было принято «Положение для духовного и церковного Правительства Римско-Католического закона». Была учреждена Римско-католическая духовная коллегия в составе архиепископа Могилевского, двух постоянных членов, выдвинутых коллегией (один из епископов и один из прелатов) и шести представителей от епархий, переизбираемых через три года (из числа прелатов или каноников). В состав духовной коллегии были включены заседатели от Униатской (Греко-католической) церкви (рис. 3).

Создавая новый орган религиозного управления, правительство исходило из того, что Духовная коллегия соответствовала «как образу Государственного правления, так и состоянию Римско-Католических духовных дел»¹. Однако Ватикан отказывался учитывать российскую специфику и так и не признал Римско-католическую духовную коллессию. Позицию Римского понтифика российское правительство проигнорировало. На коллессию Положение возложило контроль за религиозной, хозяйственной и финансовой деятельностью всех католических церквей. «Коллессии, яко главному духовному Правительству, иметь чрез Епархиальных Архиереев полное и достойное сведение о монастырях, церквах и духовенстве, о всех духовных заведениях, имениях и капиталах...»².

В 1817 г. Александр I и А. Н. Голицын попытались возродить петровскую идею о создании высшего органа религиозного управления. Было создано Министерство духовных дел и народного просвещения. Высшие органы конфессионального управления (включая Св. Синод) были переданы в ведение Департамента духовных дел данного министерства. Понижение статуса Св. Синода вызвало противодействие православного духовенства и консервативных сил в обществе. В 1824 г. «двойное» министерство было распущено.

В 1819 г. был создан высший коллессиальный орган управления протестантскими церквями «под названием Государственная Евангелическая Генеральная Консистерия, которой подчинены и подведомственны будут все

¹ ПСЗРИ-1. Т. 26. № 20053. С. 825.

² Там же. С. 828.

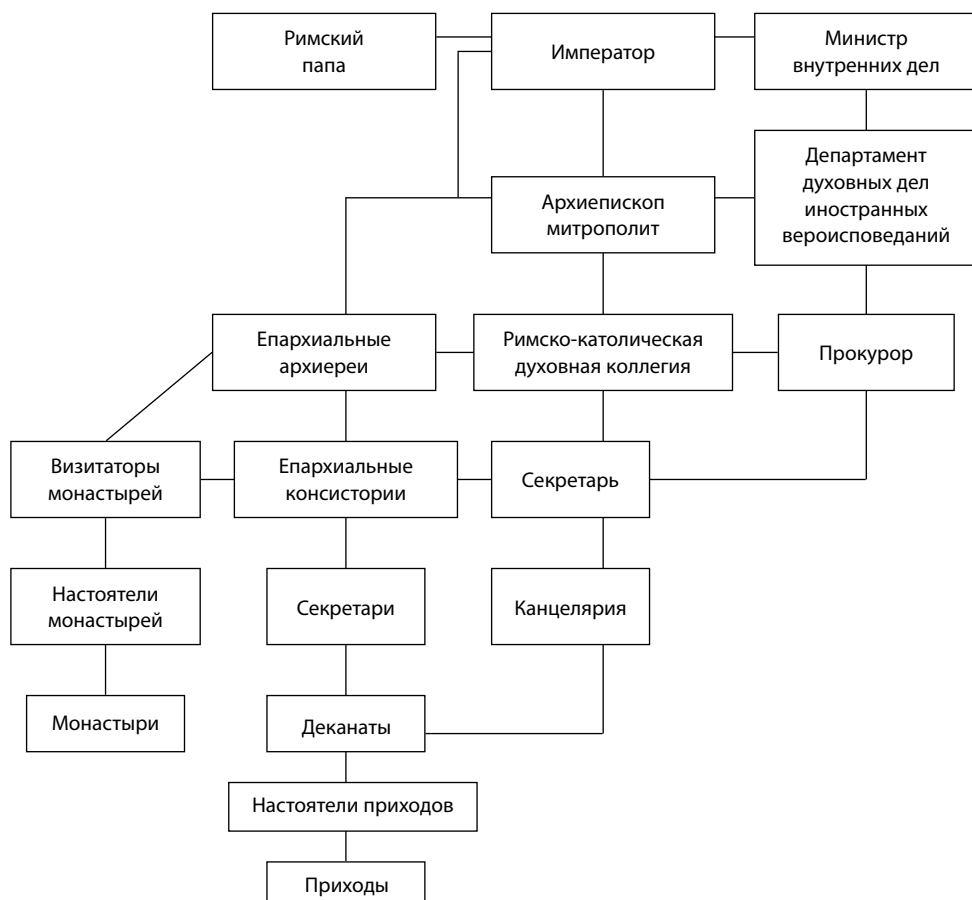

Рис. 3. Структура управления Римско-католической церковью

Обер-Консистории, Консистории, Литовский Евангелический Синод и прочие Евангелические места управления, церкви и приходы, с принадлежащим к ним Духовенством»¹.

На Государственную Евангелическую Генеральную консисторию были возложены функции производства духовных дел, наблюдения за исполнением церковных уставов и деятельностью духовенства. Возглавил Государственную консисторию президент, назначавшийся из числа государственных служащих лютеранского вероисповедания. Первым президентом консистории стал генерал-лейтенант граф К. А. Ливен. Однако попытка правительства объединить все находившиеся в Российской империи евангелические протестантские

¹ Там же. Т. 36. № 27896. С. 315.

церкви оказалась неудачной. Небольшие протестантские общины опасались поглощения Евангелическо-лютеранской церковью.

В 1830-е гг. правительство отказалось от попыток создания единого коллегиального органа управления евангелическими исповеданиями. В соответствии с положением «О порядке управления реформатскими обществами» от 15 июля 1830 г. высшим органом религиозного управления на территории Западных губерний была признана Виленская Евангелическо-реформатская коллегия. Евангелическо-реформатская коллегия состояла из светского президента, духовного вице-президента, трех светских и трех духовных членов коллегии (рис. 4).

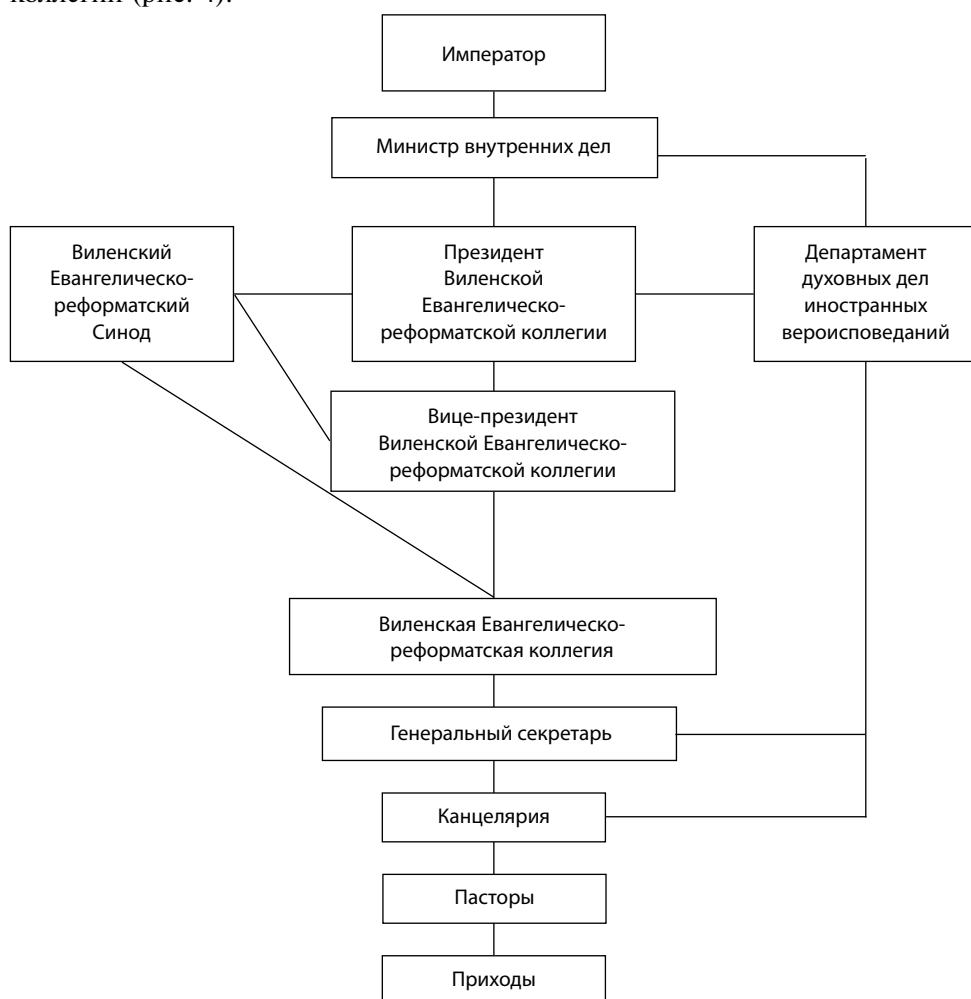

Рис. 4. Структура управления Евангелическо-реформатской церковью в Западных губерниях

В 1831 г. было проведено реформирование Таврического магометанского духовного правления. В состав правления вошли муфтий, кадий-эскер и пять уездных кадиев. Члены Духовного правления избирались представителями духовенства, волостной администрации и мурзами — мусульманским дворянством. Утверждал муфтия и кадия-эскера сам император. Уездные кадии как члены Духовного правления утверждались Правительствующим Сенатом (рис. 5). В ведение Таврического магометанского духовного правления были переданы мечети, духовные училища (медресэ и мектебы), недвижимые имущества (вакуфы), текии (дервишские обители) и денежные капиталы. Духовное правление принимало решения о назначении на духовные должности, выступало в качестве апелляционной инстанции на решения уездных кадиев. Его рассмотрению подлежали дела о порядке богослужения, обрядах, исправлении духовных треб, о заключении и расторжении браков, о спорах по завещаниям. Ежегодно правление представляло в Министерство внутренних дел сведения о количестве прихожан, числе родившихся и умерших, заключенных и расторгнутых браках.

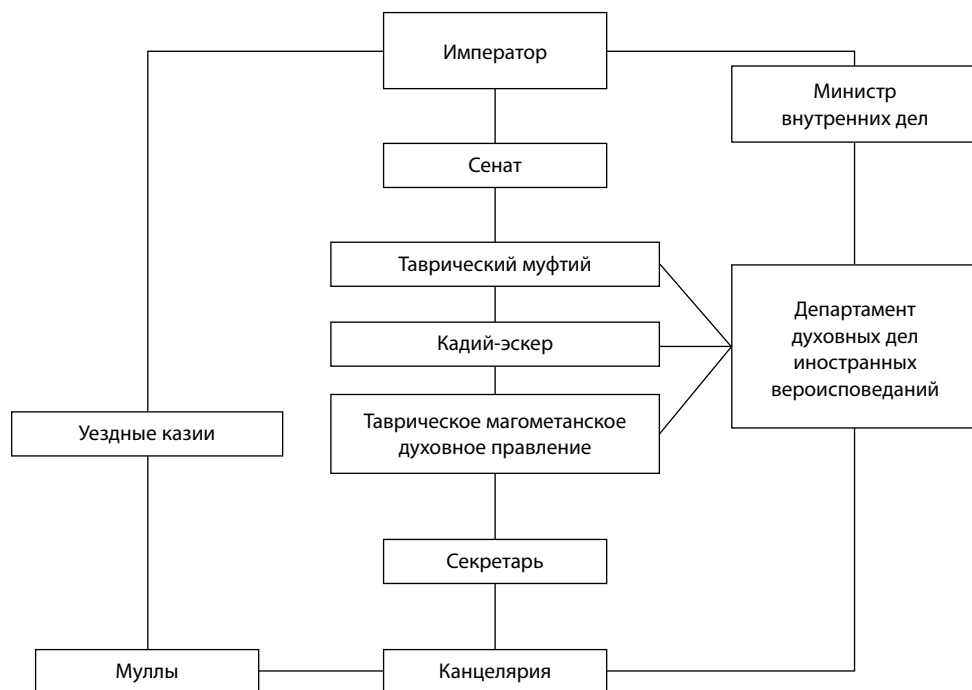

Рис. 5. Структура управления округом Таврического магометанского духовного правления

В 1832 г. была переформатирована Генеральная консистория, которая была преобразована в центральный орган коллегиального управления лютеранской церкви. Генеральную евангелическо-лютеранскую консисторию возглавили светский президент и духовный вице-президент. В состав Генеральной консистории вошли два светских и два духовных члена. Генеральная консистория получила наибольший спектр полномочий из всех высших коллегиальных органов конфессионального управления. Помимо контрольных, надзорных, финансовых, хозяйственных, судебных и административных полномочий, которыми наделялись высшие органы религиозного управления, Генеральная консистория утверждала тексты богослужения. По административным делам Генеральная консистория была подчинена Министерству внутренних дел, а по судебным – Сенату (рис. 6).

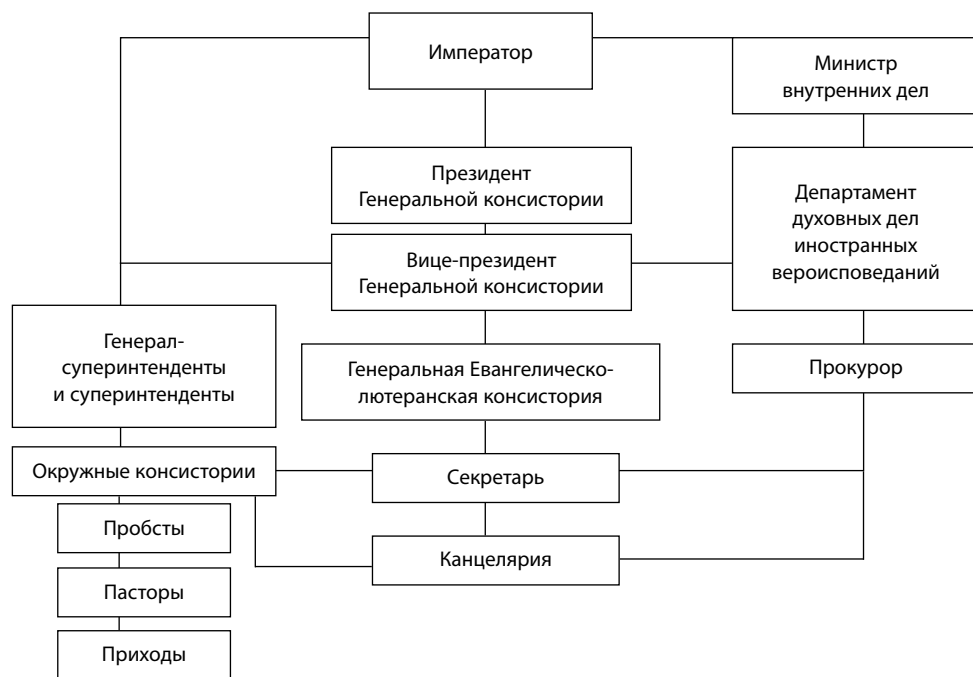

Рис. 6. Структура управления Евангелическо-лютеранской церковью

Таким образом, во второй четверти XIX в. создание коллегиальной системы конфессионального управления было в основном завершено.

М. А. Приходько

Святейший Синод и Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел

Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, учрежденная предположительно в 1719 г., представляла собой центральное вневедомственное государственное учреждение с административно-судебными функциями, действие которого распространялось на территорию Лифляндской губернии (Северная Латвия и Южная Эстония), Эстляндской губернии (Северная Эстония) и Выборгского наместничества (так называемая Старая Финляндия), а также на все протестантские церкви в Российской империи, включая реформатские церкви в Санкт-Петербурге. Деятельность Министерства духовных дел и народного просвещения в 1817–1824 гг. объединила в организационном плане Святейший Правительствующий Синод и Юстиц-коллегию Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел под властью министра духовных дел и народного просвещения.

Ключевые слова: Сенат, Синод, коллегии, министерства, Эстляндия, Лифляндия, Финляндия.

Приходько Михаил Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Michael A. Prikhodko, PhD (Law), Senior Lecturer in the History of State and Law at the Kutafin Moscow State University (MSAL).

mprihod@list.ru

© М. А. Приходько, 2023

Michael A. Prikhodko

Holy Synod and Justices College of Livonia, Estonia and Finnish affairs

The Justice College of Livonia, Estonia and Finland, established presumably in 1719, was a central non-departmental state institution with administrative and judicial functions, which extended to the territory of the Livonia Province (Northern Latvia and Southern Estonia), the Estonia Province (Northern Estonia) and the Vyborg Viceroyalty (the so-called Old Finland), as well as to all Protestant churches in the Russian Empire, including the Reformed Churches in St. Petersburg. The activities of the Ministry of Sacred Affairs and Public Education in 1817–1824 united the Holy Governing Synod and the Justicium of Livonia, Estonia and Finland under the authority of the Minister of Spiritual Affairs and Public Education.

Keywords: Senate, Synod, colleges, ministries, Estonia, Livonia, Finland.

Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел (далее – ЮК ЛЭФ), учрежденная предположительно в 1719 г., представляла собой центральное вневедомственное государственное учреждение с административно-судебными функциями, действие которого распространялось на территорию Лифляндской губернии (Северная Латвия и Южная Эстония), Эстляндской губернии (Северная Эстония) и Выборгского наместничества (так называемая Старая Финляндия), а также на все протестантские церкви в Российской империи, включая реформатские церкви в Санкт-Петербурге¹.

ЮК ЛЭФ не имела единого учредительного документа², вследствие чего компетенция ее не была точно определенной.

В систематизированном виде предметы ведения данной коллегии выглядят следующим образом:

¹ *Dalton H.* Beitr ge zur Geschichte der evangelischen Kirche in Russland. Bd. 2. Gotha, 1889. S. 28–31; *Kahle W.* Aufsdsze zur Entwicklung der evangelischen Gemeinden in Russland. Leiden; Köln, 1962. S. 93.

² Время учреждения ЮК ЛЭФ до сих пор точно не установлено и определено приблизительно (Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель. М., 1992. Т. 2. С. 139).

- руководство церковными и рядом административных установлений в указанных местностях и их личным составом¹;
- рассмотрение жалоб на неправильные действия местной администрации и апелляционных жалоб на решения и приговоры сословных судов²;
- определение и увольнение лютеранских священников при колонистах и охранение церковных обрядов, установление праздничных дней и молебствий³;
- управление протестантскими консисториальными делами⁴;
- дела о браках и разводах лиц протестантского вероисповедания⁵.

Причем, нужно отметить, что юрисдикция ЮК ЛЭФ распространялась главным образом⁶ на учреждения и лица протестантского (лютеранского, реформатского и аугсбургского) вероисповедания⁷.

Структура и порядок делопроизводства ЮК ЛЭФ определялись «Генеральным регламентом» об управлении коллегий от 28 февраля 1720 г.⁸

Штатный состав ЮК ЛЭФ: президент, вице-президент, коллежский советник, надворный советник, ассессор, прокурор, экзекутор, три секретаря, протоколист, два переводчика, регистратор, архивариус — был установлен только штатом от 31 декабря 1801 г.⁹

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (далее — ПСЗРИ-1). Т. 24. № 17830. С. 350–351.

² ПСЗРИ-1. Т. 9. № 6754. С. 534–535; Т. 12. № 8964. С. 140–141; Т. 13. № 9905. С. 536–538.

³ Там же. Т. 9. № 6548. С. 279.

⁴ Там же. Т. 13. № 9905. С. 536–538; Т. 20. № 14748. С. 674–676.

⁵ Там же. Т. 9. № 6485. С. 206–207; Т. 23. № 16955. С. 220–222; Т. 30. № 23319. С. 636.

⁶ Основная масса дел, касающихся учреждений и лиц католического вероисповедания, с 1797 г. была исключена из ведения ЮК ЛЭФ и передана в ведение отдельного от ЮК ЛЭФ Департамента римско-католических юстицких дел (с 1801 г. преобразованного в Римско-католическую духовную коллегию) (Российский государственный исторический архив. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1335. Л. 1–17).

⁷ Вероисповедания, к которому принадлежала основная масса населения Лифляндии, Эстляндии и Финляндии (*Смолич И. К.* История русской церкви. М., 1997. Ч. 2. С. 359).

⁸ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3534. С. 141–160.

⁹ Там же. Т. 44. Ч. 2 к № 20097. С. 4.

Кроме того, при коллегии состояло определенное число (в разное время различное) канцелярских служащих и нижних чинов.

Также к участию в заседаниях ЮК ЛЭФ приглашались представители столичного протестантского духовенства.

Особенностью ЮК ЛЭФ к началу XIX в. было то, что в своей деятельности она руководствовалась прежде всего местным (преимущественно шведским) законодательством XV — начала XVIII в. и церковным правом, а не российским (общеимперским) законодательством.

Делопроизводство в ЮК ЛЭФ велось на немецком языке¹.

Местом пребывания ЮК ЛЭФ был Санкт-Петербург.

Структурными подразделениями ЮК ЛЭФ к 1802 г. были Присутствие и Канцелярия².

Специфика предметов ведения и порядка делопроизводства ЮК ЛЭФ способствовали консервации в значительной степени автономного положения данной коллегии, в стороне от административных преобразований, проводимых в Российской империи и системы центральных государственных учреждений³.

Оставаясь пережитком (после 1802 г.) коллежской системы государственного управления, ЮК ЛЭФ занимала промежуточное положение между центральными и местными государственными учреждениями⁴.

Высшей апелляционной инстанцией для ЮК ЛЭФ был Правительствующий Сенат, этим и определялась как таковая связь между этими учреждениями. (Спорные вопросы разрешались путем переписки со 2-м отделением 3-го (апелляционного) Департамента Правительствующего Сената.)

ЮК ЛЭФ не подчинялась Святейшему Правительствующему Синоду.

На протяжении десятилетий деятельность этих учреждений не пересекалась. (Более того, предположительно ЮК ЛЭФ была учреждена на два года раньше, чем Святейший Синод.)

Но это положение изменилось с образованием в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения⁵.

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 284. Оп. 1. Ч. 1. Л. 2—195.

² Государственность России: словарь-справочник. Кн. 4. М., 2001. С. 465.

³ В этой связи мы не согласны с точкой зрения современного юриста С. В. Кодана о передаче в 1802 г. в Министерство юстиции дел ЮК ЛЭФ (*Кодан С. В.* Министерство юстиции в системе управления Российской империи (XIX — начало XX века) // Российский юридический журнал. 2002. № 4 (36). С. 13).

⁴ Но близкое к центральным государственным учреждениям.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. 32. № 25000. С. 34; № 27106. С. 814—834.

В соответствии с «Учреждением Министерства духовных дел и народного просвещения» от 24 октября 1817 г. Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (далее – ГУДДИИ) и Министерство народного просвещения (далее – МНП) объединялись в новое центральное государственное учреждение – Министерство духовных дел и народного просвещения (далее – МДДиНП), которое подразделялось на Департамент духовных дел (далее – ДДД), Департамент народного просвещения (далее – ДНП) и Главное правление училищ (далее – ГПУ)¹.

Духовные дела Святейшего Синода вошли в компетенцию ДДД, ведавшего духовными делами всех вероисповеданий. Он разделялся на четыре отделения: 1) по делам греко-российского вероисповедания²; 2) по делам римско-католического, греко-униатского и армянского вероисповеданий; 3) по делам всех протестантских вероисповеданий; 4) по делам еврейских, магометанских и других нехристианских вероисповеданий³.

Дела протестантских вероисповеданий, составлявшие значительную часть компетенции Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел (с 1812 г. ЮК ЛЭФ переименована в Юстиц-коллегию Лифляндских и Эстляндских дел (далее – ЮК ЛЭ)), находились в ведении 3-го отделения ДДД МДДиНП.

Тем самым реализовывалась попытка подчинения Святейшего Синода МДДиНП по ряду категорий дел, что в свою очередь поставило в организационном плане в один ряд и Святейший Синод, и ЮК ЛЭ под властью министра духовных дел и народного просвещения.

Столь разительные организационные изменения вызвали противодействие деятельности министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына со стороны православной оппозиции (митрополит Серафим (Глаголевский), архимандрит Фотий (Спасский) и др.) и консервативно настроенной части общества (А. С. Шишков, М. Л. Магницкий и др.), недовольных понижением роли Святейшего Синода и Русской православной церкви.

Краткая история МДДиНП закончилась в 1824 г. ликвидацией этого Министерства и восстановлением прежних центральных государственных учреждений – МНП и ГУДДИИ.

Соответственно была восстановлена прежняя схема подчиненности ЮК ЛЭ, существовавшая до 1817 г., – Правительствующему Сенату

¹ Там же. № 27106. С. 815. § 3.

² То есть духовными делами Святейшего Синода.

³ ПСЗРИ-1. Т. 34. № 27106. С. 815. § 7.

и Министерству юстиции по судебным делам и ГУДДИИ по духовным (консисто­риальным) делам.

Святейший Синод и ЮК ЛЭ продолжили функционировать в обычном режиме.

28 декабря 1832 г. был утвержден Указ «Об упразднении Юстиц-коллегии Лифляндских и Эстляндских дел»¹, положивший конец 113-летней деятельности этого учреждения.

Таким образом, в 1719(?)–1833 гг. ЮК ЛЭФ (с 1812 г. – ЮК ЛЭ), осуществляла свою деятельность в качестве особого, вневедомственного государственного учреждения с административно-судебными функциями, действие которого распространялось на территории Лифляндии, Эстляндии и Финляндии (до 1812 г.), а также на протестантские церкви, учреждения и лиц протестантского вероисповедания в Российской империи.

Несмотря, на подчинение Правительствующему Сенату ЮК ЛЭ сумела фактически сохранить автономное, промежуточное положение в системе центральных и местных государственных учреждений, не подчиняясь Св. Синоду.

Краткий временной отрезок 1817–1824 гг. стал временем организационного объединения предметов ведения Св. Синода и ЮК ЛЭ под властью министра духовных дел и народного просвещения.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. № 5866. С. 941–942.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсов

Министерская реформа и обер-прокуратура Святейшего Синода

При учреждении в 1722 г. должности обер-прокурора Святейшего Синода этот пост входил в общегосударственную систему прокурорского надзора. Согласно первоначальному варианту должностной инструкции синодальный обер-прокурор был подотчетен и подчинялся генерал-прокурору Сената. В 1753 г. инструкция была изменена: обер-прокурор должен был представлять доклады не генерал-прокурору, а монарху. Фактически же до начала XIX в. сохранялся прежний порядок. В ходе министерской реформы существенно изменился статус генерал-прокурора. Некогда высшая должность в империи превратилась в одну из министерских должностей: генерал-прокурором Сената являлся министр юстиции. Обер-прокурор Синода не мог войти в ведение министра юстиции, поскольку он стал относиться к другому ведомству. В 1817 г. обер-прокурор перешел в подчинение министру духовных дел и народного просвещения, а после упразднения этого министерства получил в управление ведомство православного исповедания. Несмотря на свою архаичность, инструкция обер-прокурора оказалась соответствующей новому порядку и сохраняла действие до конца синодального периода.

Бежанидзе Георгий Вениаминович, кандидат богословия, доцент кафедры истории Русской Православной Церкви Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва).

George V. Bezhanidze, PhD (Theology), Associate Professor, Department of Orthodox Church History, St. Tikhon's Orthodox University (Moscow).
georgiib@list.ru

Фирсов Андрей Германович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург).

Andrey G. Firsov, PhD (History), Associate Professor, Department of History, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (St. Petersburg).
agfirsov@mail.ru

© Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсов, 2023

Ключевые слова: церковно-государственные отношения, обер-прокурор Святейшего Синода.

George V. Bezhanidze, Andrey G. Firsov

Ministerial reform and chief prosecutor's office of the Holy Synod

When the post of chief prosecutor of the Holy Synod was established in 1722, this post was part of the nationwide system of prosecutorial supervision. According to the original version of the job description, the synodal chief prosecutor was accountable and subordinate to the prosecutor general of the Senate. In 1753, the instruction was changed: the chief prosecutor was supposed to submit reports not to the prosecutor general, but to the monarch. In fact, until the beginning of the 19th century, the old order was preserved. In the course of the ministerial reform, the status of the Prosecutor General has changed significantly. Once the highest position in the empire, it turned into one of the ministerial positions: the Attorney General of the Senate was the Minister of Justice. The Chief Procurator of the Synod could not fall under the jurisdiction of the Minister of Justice, since he began to belong to another department. In 1817, the chief prosecutor became subordinate to the Minister of Spiritual Affairs and Public Education, and after the abolition of this ministry, he received the department of the Orthodox confession in control. Despite its archaism, the instruction of the chief prosecutor turned out to be in line with the new order and remained valid until the end of the synodal period.

Keywords: Church-state relation, the Chief Prosecutor of the Holy Synod.

Должность обер-прокурора Святейшего Синода была учреждена 11 мая 1722 г.¹ Именно в это время происходит формирование системы надзора за органами управления: в коллегии назначаются прокуроры, возглавляемые генерал-прокурором Сената. Инструкция генерал-прокурору была утверждена двумя неделями ранее — 27 апреля. Для помощи генерал-прокурору по делам Сената в инструкции предусматривается должность обер-прокурора.

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 6. № 4001.

Обер-прокурор Сената, так же как и генерал-прокурор, подлежал суду только самого императора¹. Теперь и в Синод, как высший орган, приравненный к Сенату, тоже назначался обер-прокурор, который, как и обер-прокурор Сената, не подлежал «ничьему суду», кроме монаршего. Но, в отличие от сенатского обер-прокурора, он получил отдельную инструкцию, что можно рассматривать как свидетельство о его самостоятельности в делах Синода. И все же эта должность первоначально задумывалась как часть прокурорской системы: обер-прокурор Синода, в случаях отказа Синода отреагировать на его замечание, должен был остановить дело и немедленно «объявлять генерал-прокурору для доношения Его Императорскому Величеству»². О прочих делах Синода обер-прокурор докладов не делал, в отличие от генерал-прокурора, который отчитывался перед императором при появлении монарха в Сенате, или доносил «помесячно или понедельно»³. Получается, что роль обер-прокурора в синодских делах была менее значимой, чем генерал-прокурора в делах Сената.

В 1753 г. инструкция синодального обер-прокурора была изменена. Обер-прокурор отныне сообщал о незаконных решениях Синода не генерал-прокурору, а напрямую монарху. Кроме того, по образцу инструкции генерал-прокурора, обер-прокурор должен был ежемесячно или еженедельно докладывать самодержцу о текущих делах. В новом тексте инструкции обер-прокурор, так же как и генерал-прокурор Сената, назывался «оком государевым».

Однако до начала XIX в. редкий обер-прокурор Синода удостоивался личных докладов царствующей особе. На практике изменения в инструкции реализовывались следующим образом: обер-прокурор готовил письменные доклады, которые пересылал императору в запечатанном виде. Решения монарха сообщались обер-прокурору при возвращении докладов «от назначенных лиц»⁴. В роли таких «лиц» выступали кабинет-секретари. Так, в 1795 г. обер-прокурор А. И. Мусин-Пушкин, отправляясь в кратковременный отпуск и поручая дела обер-секретарю, однозначно указывает

¹ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3979.

² О первоначальном тексте инструкции и его изменении в середине XVIII века см.: «Повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко...»: Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода. 1722 / Публ., вступ. ст. Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсова // Исторический архив. 2017. № 2. С. 178–184.

³ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3979.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 3. Д. 9968. Л. 29.

ему на состоящего «при собственно Ея Императорского Величества делах» Д. П. Трощинского как на лицо, назначенное для приема «к подписанию Ея Императорского Величества докладов и репортов»¹.

Поручение обер-прокурору права доклада императрице по синодальным делам не привело к полной независимости от генерал-прокурора Сената, выступавшего во второй половине XVIII в. в роли высшего должностного лица империи. О решенных и нерешенных в Синоде текущих делах генерал-прокурору должны были регулярно подаваться ведомости, форма которых была установлена в том же 1753 г.² И отъезд Мусина-Пушкина в отпуск без ведома генерал-прокурора А. Н. Самойлова вызвал недовольство последнего и породил дискуссию о генерал-прокурорских прерогативах, в которой оспаривалось применение эпитета «око государево» к обер-прокурору Синода. Анализируя указы разных лет, Самойлов пришел к выводу: «Из всего означенного видно неравенство должностей и потому название око Государево в рассуждении всяких вообще по государству дел приличествует генерал-прокурору»³.

Таким образом, на протяжении всего XVIII в. должность обер-прокурора оставалась в системе надзора за административными органами, возглавляемой генерал-прокурором Сената. Поручение обер-прокурору докладов по делам Синода в 1753 г. отражало, скорее, независимость Синода от Сената, а не обер-прокурора от генерал-прокурора.

Министерская реформа, начавшаяся в первые годы царствования Александра I, привела к существенным изменениям в системе государственного управления, в их числе были переопределены полномочия Сената и генерал-прокурора. Коллегиальное управление ликвидируется, а вместе с ним исчезает и петровская система надзора, которую возглавлял генерал-прокурор. За деятельностью создаваемых министерств, возглавляемых доверенными лицами монарха, дополнительный контроль не устанавливался.

Сенат и Синод сохраняли коллегиальный характер и не включались в министерскую систему. В них сохранялся тот тип надзора, который был учрежден еще при Петре I: обер-прокуроры сенатских департаментов, возглавляемые генерал-прокурором и обер-прокурором Синода. Но должность генерал-прокурора Сената соединялась с должностью министра юстиции, в чье ведение никак не мог войти обер-прокурор Синода, относящийся к другой отрасли управления — делам Православной церкви. Таким образом,

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 81. Д. 6715. Л. 59.

² Там же. Л. 67.

³ Там же. Л. 16.

административная и функциональная субординация генерал-прокурора Сената и обер-прокурора Синода ликвидировалась.

Но если Сенат в лице генерал-прокурора — министра юстиции имел канал прямой связи с монархом (министр докладывал дела Сената императору), то дела Синода по-прежнему предоставлялись обер-прокурором через доверенных чиновников. В 1802 г. этот порядок был формально закреплён: «дела Синода» официально были поручены Н. Н. Новосильцеву, который с 1801 года состоял при императоре «по особым поручениям»¹.

В 1803 г. пост обер-прокурора Синода занял князь А. Н. Голицын, одновременно пожалованный в статс-секретари. По словам Голицына, это был продуманный шаг Александра I, связанный с его намерением установить формальную прямую связь с обер-прокурором Синода: «Мне бы хотелось, — говорил царь Голицыну, — чтобы преданный мне и мой, так сказать, человек занимал эту важную должность. Я никогда не допускал к себе Яковлева², никогда с ним вместе не работал, а ты будешь иметь дело непосредственно со мною, потому что вместе с тем я назначу тебя и моим статс-секретарем»³.

Реформа государственного управления, которая меняла установленную при Петре I коллежскую систему, не могла не затронуть и церковное управление, также восходящее к преобразованиям Великого реформатора. В продолжение первых полутора десятилетий XIX столетия при разработке проектов министерской реформы так или иначе затрагивался и вопрос устройства церковных дел. Правда, в случае с Синодом коллегиальный принцип управления Церковью не предполагалось менять: авторы всех подобных проектов предполагали сохранение Святейшего Правительствующего Синода и его прерогатив⁴.

Назначение А. Н. Голицына статс-секретарем обеспечивало представление дел Синода на высочайшее рассмотрение и разрешение в бытность его обер-прокурором Синода. Но Синод и церковные дела оказывались исключёнными из формирующейся системы межведомственного взаимодействия

¹ Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1902–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 465.

² А. А. Яковлев — обер-прокурор Святейшего Синода в декабре 1802 — октябре 1803 г.

³ Русская старина. 1884. Т. 41. С. 126–129.

⁴ Бежанидзе Г. В., Фирсов А. Г. Министерская реформа и «Двойное министерство»: попытка создания религиозного ведомства в России в первой четверти XIX в. // Вестник МГУ. Серия 8. 2020. № 1. С. 29–45.

и координации деятельности правительства. Синод не имел своего официального представителя ни в Государственном Совете, ни в Комитете министров, ни в Сенате, да и связь с монархом через Голицына носила неформальный, временный характер. Другой обер-прокурор, не будучи статс-секретарем, не получил бы доступа к императору.

Во всех остальных создававшихся ведомствах эти функции выполнял соответствующий министр, а для Сената — министр юстиции. Возможно, необходимость иметь «куратора» синодальных дел в правительстве следует расценивать как основную предпосылку учреждения министерства Духовных дел в 1817 г.

При создании Министерства духовных дел и народного просвещения предполагалось, что министр по отношению к Синоду занимает положение, подобное положению министра юстиции в отношении Сената. «Хотя дела святейшего Синода и будут присовокуплены к означенному министерству, — говорилось в пояснениях к проекту учреждения министерства, — при всем том министр духовных дел и народного просвещения находиться будет в точно таком же к Святейшему Синоду отношении, в каковом находится министр юстиции к правительствующему Сенату, кроме только дел судных». Статус Синода как высшего органа церковного управления не подвергался сомнению: «Обстоятельство сие необходимо следует изложить с надлежащей ясностью и с большею определенностью, дабы не подать поводу к неправильному заключению, что будто бы Святейший Синод подчиняется министру духовных дел»¹.

Итак, отныне церковные дела в правительстве и перед императором представлял министр духовных дел, а обер-прокурор Синода по-прежнему «наблюдал за порядком и законным производством дел, подлежащих рассмотрению и решению Синода» и имел «в своем ведении и подчиненности канцелярию Святейшего Синода». Так же как когда-то для генерал-прокурора Сената, обер-прокурор регулярно представлял министру «мемории по делам заслушанным в Синоде»². Таким образом, функционал и статус обер-прокурора Синода остался прежним. Его положение соответствовало положению обер-прокурора Сената. Согласно параграфу 159 «Учреждения министерства духовных дел и народного просвещения», «обер-прокурор Синода находится в таком же отношении к министру духовных дел и народного просвещения, в каком обер-прокуроры Правительствующего Сената к генерал-прокурору»³.

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 460. Л. 42 об.

² ПСЗРИ-1. Т. 34. № 27106. С. 831–832.

³ Там же. С. 832.

Но такое положение просуществовало недолго. 15 мая 1824 г. Двойное министерство было упразднено, а «делам Святейшего Правительствующего Синода» определено «до назначения министра духовных дел иметь тоже течение, в каком они находились до учреждения сего министерства 24 октября 1817 года». Доклады по синодальным делам было велено передавать императору в запечатанных конвертах с указанием «Его Императорскому Величеству в собственные руки». Вести синодальными докладами, как ранее Новосильцеву, теперь поручалось А. А. Аракчееву¹.

Министр духовных дел, как известно, так и не был назначен. Но часть его функций перешла к синодальному обер-прокурору, существенно изменив должностной статус этого чиновника. Уже в августе 1824 г. за обер-прокурором Синода было закреплено руководство отдельным правительственным учреждением. В структуре Министерства духовных дел функционировало подразделение, ведавшее делами Православной церкви — Первое отделение департамента духовных дел, «по делам греко-российского исповедания». Теперь это отделение передавалось в ведение синодального обер-прокурора с наименованием «Отделение Духовных дел Грекороссийского исповедания при обер-прокуроре Святейшего Синода». Обер-прокурор был уполномочен участвовать в деятельности Комитета министров, внося свои представления и взаимодействуя с другими ведомствами по решениям Комитета². Отныне обер-прокурор Синода напрямую включался в правительственную деятельность.

В дальнейшем полномочия обер-прокурора в правительстве постепенно расширялись. Дела православной Церкви и структуры, их ведавшие, становятся отдельной отраслью государственного управления под наименованием «ведомства православного исповедания». В начале XX в. обер-прокурор по должности становится членом Государственного Совета и Комитета министров³, т. е. полноценным членом правительства. Но по отношению к Синоду его полномочия не изменились: инструкция обер-прокурора, а вместе с ней и петровская система надзора за церковным управлением оставалась прежней. И возглавлял эту формально самостоятельную и независимую систему управления Святейший Правительствующий Синод.

¹ ПСЗРИ-1. Т. 39. № 29914; РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 9968. Л. 29; *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. С. 50.

² Там же. Т. 34. № 27106. С. 815–816; Т. 39. № 30037; 30060.

³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 24. № 25486.

Литература

- Бежанидзе Г. В., Фирсов А. Г.* Министерская реформа и «Двойное министерство»: попытка создания религиозного ведомства в России в первой четверти XIX в // Вестник МГУ. Серия 8. 2020. №1. С. 29–45.
- «Повинен сидеть в Синоде и смотреть накрепко...»: Инструкция обер-прокурору Святейшего Синода. 1722 / Публ., вступ. ст. Г. В. Бежанидзе, А. Г. Фирсова // Исторический архив. 2017. № 2. С. 178–184.
- Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1902–1917: Библиографический справочник. СПб., 2001. С. 465.

Ю. Е. Кондаков

Святейший Синод при Министерстве духовных дел и народного просвещения

В начале XIX в. государственное устройство империи существенно изменилось. Высшими органами стали Государственный совет и Комитет министров. Сенат превратился в высшее судебное и ревизионное учреждение. В 1804 г. Александр I назначил обер-прокурором Святейшего Синода своего друга А. Н. Голицына, который подготовил и провел реформы религиозной сферы. До войны 1812 г. Голицын получил право вызывать для присутствия в Св. Синод клириков, взял под полный контроль своих подчиненных светских чиновников, учебную часть и некоторые статьи финансов Церкви. Благодаря этому обер-прокурор оказался членом Комитета министров и мог защищать интересы Церкви на самом высоком уровне. После войны 1812 г. Голицын взял в канцелярию обер-прокурора все дела Св. Синода, особо интересовавшие светскую власть и имевшие межведомственное значение. В 1817 г. был сделан еще один шаг и под руководством Голицына были объединены дела всех религиозных конфессий России и народное просвещение. Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения решило целый ряд вопросов, возникших за предыдущее столетие между верховной властью и Св. Синодом, а также в его внутреннем устройстве. Одновременно оно стало воплощением новых религиозных

Кондаков Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Yurij E. Kondakov, Dr (History), Associate Professor, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor.

urakon@rambler.ru

© Ю. Е. Кондаков, 2023

взглядов Александра I, желавшего объединить христианские конфессии перед грядущим Вторым Пришествием.

Формально при Министерстве духовных дел и народного просвещения Св. Синод сохранил свое устройство и статус. На место первоприсутствующего члена Св. Синода Голицын назначил клириков, лояльных к его действиям, — митрополитов Михаила (Десницкого) и Серафима (Глаголевского). Это не помогло министру, его политика вызывала ожесточенную критику представителей всех христианских конфессий. В результате, когда настроения императора поменялись, Министерство духовных дел и народного просвещения было расформировано. При этом многие нововведения Голицына остались без изменений.

Ключевые слова: Святейший Синод, обер-прокурор, Русская православная церковь, конфессии, Министерство духовных дел и народного просвещения, министр, религиозная политика, император.

Yurij E. Kondakov

The Holy Synod under the Ministry of Religious Affairs and Public Education

At the beginning of the 19th century, the state structure of the empire changed significantly. The State Council and the Committee of Ministers became the supreme organs of the empire. The Senate has become the highest judicial and revision institution.

In 1804, Alexander I appointed his friend A. N. Golitsyn, who prepared and carried out reforms in the religious sphere. Before the war of 1812, Golitsyn received the right to summon clerics to attend the Holy Synod, took full control of his subordinate secular officials, the educational part and some articles of the finances of the Church. Thanks to this, the chief prosecutor turned out to be a member of the Committee of Ministers and could defend the interests of the Church at the highest level. After the War of 1812, Golitsyn took to the office of the chief prosecutor all the cases of the Holy Synod, which were of particular interest to the secular authorities and had interdepartmental significance. In 1817, another step was taken and, under the leadership of Golitsyn, the affairs of all the religious denominations of Russia and public education were united. The establishment

of the Ministry of Spiritual Affairs and Public Education resolved a number of issues that arose over the previous century between the supreme power and the Holy Synod, as well as in its internal structure. At the same time, it was the embodiment of the new religious views of Alexander I, who wanted to unite the Christian denominations before the coming Second Coming.

Formally, under the Ministry of Spiritual Affairs and Public Education, the Holy Synod retained its structure and status. In place of the first present member of the Holy Synod, Golitsyn appointed clerics loyal to his policy, Metropolitans Mikhail (Desnitsky) and Seraphim (Glagolevsky). This did not help the minister, his policy provoked fierce criticism from representatives of all Christian denominations. As a result, when the mood of the emperor changed, the Ministry of Spiritual Affairs and Public Education was disbanded. At the same time, many of Golitsyn's innovations remained unchanged.

Keywords: Holy Synod, chief prosecutor, Russian Orthodox Church, confessions, Ministry of Spiritual Affairs and Public Education, minister, religious policy, Emperor.

Термин «Синодальное пленение», часто использующийся в литературе о Русской православной церкви (РПЦ), некорректен. Российские императоры защищали РПЦ, способствовали распространению ее вероучения, стремились улучшить работу церковного управления. В истории Российской империи было три этапа реформ высшего управления РПЦ. На всех трех этапах государственная власть пыталась вписать церковное управление в обновленные государственные структуры. Учреждение Святейшего Синода, основание Министерства духовных дел и народного просвещения и реформы обер-прокурора Н. А. Протасова имеют общие черты. Петр I создал новое высшее управление РПЦ, Александр I попытался включить Св. Синод в новую министерскую систему, Протасов создал внутри Св. Синода подобие министерского департамента. Преобразования Петра I и Александра I сближает то, что сама реформа, вносящая серьезные изменения в государственную жизнь, предшествовала официальному преобразованию. Ликвидация патриаршества и соборности грубо нарушала каноническое право. Учреждение Св. Синода делало высшее церковное управление одним из двух главных и равноправных государственных учреждений. Так же в начале XIX в. обер-прокурор А. Н. Голицын подчинил Св. Синод собственному влиянию, выделил в свое ведение целый ряд дел и возглавил несколько религиозных учреждений. Это было незаконно с точки зрения канонического права. В 1817 г. все эти мероприятия были законодательно закреплены учреждением

Министерства духовных дел и народного просвещения. Новое учреждение восстанавливало утраченное положение высшего управления РПЦ.

Реформа Александра I была второй по значению реформой высшего управления РПЦ после учреждения Св. Синода. В 1824 г. Министерство духовных дел и народного просвещения было расформировано, но важные для светской власти аспекты этой реформы были сохранены. Прежде чем перейти к рассмотрению преобразований первой четверти XIX в., необходимо выяснить, какой властью Св. Синод наделил Петра I и как должен был работать новый орган управления.

Реформа высшего управления РПЦ, проведенная Петром I, состояла из трех частей. Вслед за земскими соборами он прекратил созывать и соборы церковные. После смерти в 1700 г. патриарха Адриана царь расформировал патриаршее хозяйство и назначил местоблюстителя патриаршего престола. Временно Церковный Собор был заменен Освященным Собором, на который собирались представители православного клира, находившиеся в Москве, по выбору царя. Это были продуманные мероприятия. Они были призваны укрепить абсолютизм, устранить конкуренцию патриарха и взять церковное управление под государственный контроль. Второй этап преобразований был спонтанным. Он был вызван участием православных клириков в деле царевича Алексея Петровича. В этот момент Петр I решил перестроить управление РПЦ по примеру протестантских стран и вписать его в обновленные государственные структуры. Была создана Духовная коллегия и написан ее устав, где разъяснялась суть реформы. Коллегия должна была заменить Собор, так как епископам нельзя надолго оставлять свои епархии, и заменить патриарха, так как он составлял конкуренцию царю. На первом заседании коллегии в 1721 г. Петр I изменил свое решение и создал Св. Синод. Этот орган по правам был равен Сенату и подчинялся только императору. Как и в Сенате, в Св. Синоде стояло императорское кресло. От коллегии Св. Синод унаследовал деление своих членов по рангам — архимандриты, епископы, архиепископы, митрополиты. Высший орган РПЦ был коллегиальным, и все вопросы решались общим голосованием, последнее слово оставалось за императором, он мог изменить решение или вынести собственное, обязательное для исполнения. Император по своему усмотрению назначал членов Св. Синода. По замыслу великого преобразования во главе государственного управления теперь стояли два равноправных высших органа — Сенат и Синод. Все важнейшие вопросы они решали на общих конференциях. Таким образом проводилась в жизнь давняя теория симфонии властей. Но уже при Екатерине I симфония была разрушена введением нового высшего органа — Верховного тайного совета.

В 1722 г. в Св. Синоде появился обер-прокурор. В его обязанности входило заведование канцелярией Св. Синода, проведение юридической экспертизы указов и контроль за поведением членов. Обер-прокурор подносил императору на утверждение журнал заседаний Св. Синода. При Петре I и Павле Петровиче обер-прокурор не играл существенной роли, так как эти императоры решали важные вопросы напрямую с членами Св. Синода. При Анне Ивановне пост обер-прокурора был временно упразднен. Одним из главных инструментов влияния обер-прокурора был контроль над делопроизводством Св. Синода. Члены этого органа были не в состоянии вникнуть в суть большинства дел, слушавшихся на каждом заседании, решение принималось по резолюциям канцеляристов.

За время, прошедшее с реформ Петра I, устройство высшего управления Российской империи изменилось. Появились новые органы: Комитет министров, министерства, Государственный совет. В последнем был Департамент гражданских и духовных дел, в ведение которого перешли и дела Св. Синода. Сенат потерял большую часть своих полномочий, ему были оставлены только судебные и ревизионные функции. В новой архитектуре власти чиновники перестали должным образом воспринимать Св. Синод и его членов. В начале XIX в. все межведомственные связи Св. Синода осуществлялись только через его обер-прокурора. Но и он уже не был равен чиновникам министерств и Государственного совета, лишился он и докладов у императора. При Александре I дела РПЦ докладывал императору Н. Н. Новосильцев. В новой ситуации разгорелись конфликты между членами Св. Синода и обер-прокурором в том числе и за контроль над светскими чиновниками в епархиях. С наплывом дел не справлялась канцелярия Св. Синода, некоторые дела ждали своей очереди по несколько лет.

В контексте реформ высшего государственного управления встал вопрос об определении места Св. Синода в новой иерархии высших учреждений и решении его внутренних проблем. Решить все эти вопросы Александр I поручил своему другу князю Александру Николаевичу Голицыну (1773–1844).

21 октября 1803 г. Голицын стал обер-прокурором Св. Синода. Одновременно Голицын был назначен статс-секретарем императора, что позволяло ему делать личные доклады. С приходом Голицына в Св. Синоде прекратилась внутренняя борьба, он быстро наладил работу канцелярий и эффективно защищал высший орган РПЦ от происков других высших государственных учреждений. 13 июля 1805 г. А. Н. Голицын объявил Св. Синоду указ, согласно которому все лица, управляющие епархиями, должны были по одному приезжать в Санкт-Петербург для личной встречи с императором. Такое положение дел давало возможность князю увольнять в епархии

и вызывать для присутствия в Св. Синод епископов по своему усмотрению¹. Среди вызванных в Св. Синод епископов двое задержались в нем надолго и даже стали первоприсутствующими членами. Это были митрополиты Санкт-Петербургские Михаил (Десницкий) и Серафим (Глаголевский). Этим клириков объединяло то, что они в молодости были учениками масонского Дружеского ученого общества, а будущий митрополит Михаил даже принял масонское посвящение. Голицын на высшие должности старался подбирать клириков, отвечавших его сложным религиозным взглядам.

В 1810 г. А. Н. Голицын, в дополнение к другим должностям, стал управляющим Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, соединив в своих руках контроль над всеми конфессиями империи. Он возглавил и Главное управление духовных училищ, взявшее под контроль духовное просвещение и подготовку кадров. В 1816 г. Голицын был назначен исполняющим обязанности министра народного просвещения. Таким образом был заложен фундамент новой реформы духовной сферы России, в ходе которой были объединены ведомства, состоящие под управлением Голицына. Но до этого произошло событие, сыгравшее ключевую роль в жизни Св. Синода. С 1816 г. А. Н. Голицын значительно расширил канцелярию обер-прокурора Св. Синода и передал туда некоторые категории дел из канцелярии Св. Синода. С этого момента только в канцелярии обер-прокурора велись дела:

- о монастырях, архиерейских домах и подворьях, их имуществах и служителях;
- о спорных имуществах монастырей и архиерейских домов;
- о соборах, об имуществах и вещах при оных;
- о церквях, их имуществах и вещах при оных, о молебнах и прочем;
- о спорных имуществах разных соборов и церквей;
- о сношении домов, находящихся вблизи монастырей и церквей;
- о духовных миссиях и обращении к православной вере;
- о расколах;
- о чиновниках и о делах канцелярии по духовному ведомству;
- дела по хозяйственной и счетной части².

К канцелярии обер-прокурора Св. Синода были отнесены дела, связанные с перемещениями и награждениями духовенства, а также прошениями, поданными на имя обер-прокурора. С 1816 г. эти категории дел

¹ Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб., 2014. С. 23.

² Там же. С. 27–28.

были выделены в отдельное производство. Епархиальные архиереи докладывали о них обер-прокурору, а он делал предложения Св. Синоду. В 1817 г., после учреждения Министерства духовных дел и народного просвещения, эти категории дел были переданы в первый департамент, где сохранили те же рубрики. После расформирования министерства эти дела навсегда остались в ведении обер-прокурора и велись под его контролем. В результате этой реформы обер-прокурор из контролера стал руководителем отдельного подразделения Св. Синода, подчиненного только ему. Обер-прокурор руководил отчетами по финансовой деятельности Св. Синода. Он вел дела, связанные с членами императорской фамилии, и от имени Св. Синода сносился с высшими государственными учреждениями. Только через Голицына передавались Св. Синоду императорские указы. В дальнейшем хотя обер-прокурор и не руководил работой Св. Синода, но мог единолично решать все вопросы, интересовавшие светскую власть. На заседание Св. Синода они передавались только для формального утверждения.

Указом 25 июля 1817 г. А. Н. Голицыну было поручено составить проект объединения всех подчиненных ему ведомств. 24 октября 1817 г. был издан манифест «Об учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения».

В Министерство вошли два департамента — духовных дел и народного просвещения, причем первый из них представлял собой нечто совершенно новое.

Параграф 4 указа гласил: «Предмет департамента духовных дел суть вообще дела по части духовной всех религий, как различного вероисповедания христианского, так и прочих всякого рода». Согласно пункту 7, департамент духовных дел разделялся на четыре отделения: «1) по делам Греко-Российского исповедания; 2) по делам Римско-католического, Греко-Униатского и Армянского исповеданий; 3) по делам всех Протестантских вероисповеданий; 4) по делам Еврейской, Магометанской и прочих вер нехристианских».

Первое отделение Департамента духовных дел ведало Св. Синодом. В него входили два стола. Предметы, которыми ведал первый стол, были следующими: «1) Собрание меморий Святейшего Правительствующего Синода; 2) Доклады по части Святейшего Синода и Комиссии Духовных Училищ Государю Императору; 3) Годовые отчеты по Святейшему Синоду и Комиссии Духовных Училищ; 4) Сношения с Министрами и другими главными Начальством имеющими лицами, по препоручениям Святейшего Синода и Комиссии Духовных Училищ; 5) Сношения с Обер-прокурором Святейшего Синода; 6) Сношения с Прокурорами Синодальных Контор; 7) По Духовным

делам исповедующих Греко-Российскую веру в Царстве Польском; о церквах и монастырях, там состоящих; 8) По делам о единоверцах наших в Палестине и иных заграничных местах; 9) По духовным Миссиям в иностранных Государствах; 10) По духовным Миссиям внутри Государства; 11) По делам о вступлении в брак иностранных с Русскими без принятия подданства; 12) О распоряжениях по духовной части касательно перевоза мертвых тел».

К ведению второго стола относились следующие дела:

- «А. По Высочайшим повелениям: 1) Об определении и увольнении Членов Святейшего Правительствующего Синода; 2) О вызове из Епархий Архиереев для временного присутствия в Синоде; 3) О духовенстве и церквах Придворных в обоих Столицах;
- Б. По представлениям Святейшего Синода, Высочайшими повелениями: 4) Об определении и увольнении Присутствующих в Синодальных Конторах.
- В. По представлению Министра: 5) Об определении и увольнении Обер-прокурора и Обер-секретарей Святейшего Синода и Правителя дел Комиссии Духовных Училищ; 6) Об определении и увольнении Прокуроров в Синодальных Конторах;
- Г. По представлениям Начальства: 7) О награждении Духовных особ знаками Монаршей милости; 8) О награждении светских чиновников, по духовной части служащих;
- Д. Общие дела: 9) О происшествиях в церквах. 10) О происшествиях особенной важности в епархиях, до духовной части относящихся; 11) Составление списков чинов по духовному ведомству; 12) Дела, особенной тайне подлежащие»¹.

После учреждения Министерства духовных дел и народного просвещения контроль над делами РПЦ был передан чиновнику в ранге министра. Он входил в высшие органы государственного управления и имел право докладов императору. Эти меры компенсировали те преимущества, которые получал Голицын благодаря своей дружбе с Александром I. Теперь все то же в рамках своих должностных полномочий получал министр. Таким образом, было проведено законодательное утверждение сложившейся практики. Все остальные аспекты учреждения нового министерства не вносили изменений в положение Св. Синода. С появлением министра, ведавшего делами РПЦ, должность обер-прокурора была сведена к функции заведующего канцелярией Св. Синода. В его ведении остались только дела по перемещению

¹ Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003. С. 200–201.

чиновников канцелярии, все остальные дела были переданы в департамент министерства. После этого конфликты внутри Св. Синода прекратились.

На практике отрицательные стороны учреждения Соединенного министерства мало отразились на работе Св. Синода. Несмотря на то, что после учреждения министерства некоторые категории дел православной церкви велись в первом отделении Департамента духовных дел, их утверждение проходило на заседаниях Св. Синода. Сохранилась прежняя процедура прохождения и слушания дел. Все дела Св. Синода утверждались царем, от него же поступали указы. Все перемещения высших клириков утверждал царь. Министр был лишь связующим звеном между светской властью и клиром (до этого эти функции принадлежали обер-прокурору). Директор департамента духовных дел и подчиненные ему чиновники Соединенного министерства не имели возможности вмешиваться в деятельность Св. Синода и могли обращаться в него лишь за справками.

Половинчатость и незавершенность преобразований Александра I были очевидны современникам. Православный клир спокойно воспринял учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения. Но консервативная общественность не могла смириться с общим направлением религиозной политики, проводимой под руководством князя А. Н. Голицына. Деятельности министра противостояла оппозиция, куда входили представители всех христианских церквей и светские чиновники. Наиболее существенной угрозой государственному спокойствию было существование православной оппозиции, считавшей деятельность Министерства духовных дел и народного просвещения нарушением прав РПЦ. Главным толчком к расформированию министерства стало изменение внешнеполитической ситуации. В новом положении Александр I стал тяготиться прежними сотрудниками.

15 мая 1824 г. Александр I подписал указ: «Снисходя на прошение министра духовных дел и народного просвещения действительного тайного советника князя Голицына Всемилостивейше увольняем его от управления двумя министерствами, оставляя его главноуправляющим над почтовым департаментом». 16 мая предписывалось: «Делам Святейшего Правительствующего Синода до назначения министра духовных дел иметь то же течение, в каком они находились до учреждения сего Министерства 24 октября 1817 года»¹. Новый министр назначен не был. 2 июня 1824 г. обер-прокурор объявил Св. Синоду высочайший указ, по которому в его ведение передавалось управление первым отделением греко-российского исповедания,

¹ Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998. С. 178–179.

оставшимся от Соединенного министерства. Новое название этого органа — Отделение духовных дел греко-российского исповедания при обер-прокуроре Св. Синода. Отныне все дела Св. Синода доходили до императора через графа А. А. Аракчеева, через него же давались высочайшие указы. Таким образом высшее управление РПЦ было возвращено к ситуации начала XIX в., но внутри Св. Синода появилось обширное ведомство обер-прокурора, в котором решались дела, важные для государственной власти. Престиж должности обер-прокурора значительно возрос и впоследствии его воспринимали равным министрам. В этом качестве обер-прокурор входил в различные министерские комитеты. Членов Св. Синода привлекали для консультаций, но в деятельности других высших государственных учреждений они участия не принимали. Эту реформу довел до конца обер-прокурор Н. А. Протасов, создавший внутри Св. Синода обширное ведомство, построенное по образцу министерского департамента.

Все последующие обер-прокуроры XIX в. использовали модель управления, введенную А. Н. Голицыным. Она была принята императорами и не вызывала сопротивления членов Св. Синода. Можно признать ее достаточно эффективной. Причина расформирования Министерства духовных дел и народного просвещения находилась не в области управления и делопроизводства, а в сфере идеологии. Современникам этих реформ было очевидно, что за преобразованиями Александра I после Отечественной войны стояла идеология Библейского общества. Ее проявлениями были Священный союз, Министерства духовных дел и народного просвещения и идея сближения и даже объединения христианских церквей. Современники этих событий передавали легенду о том, что во время пожара Москвы Голицын подал Александру I Библию, открытую на странице с предсказанием грядущей победы. В действительности все обстояло гораздо сложнее. Недавно удалось выяснить, какое религиозное учение подтолкнуло Александра I к «Библейской идеологии», — учение Авиньонского общества, среди его последователей были А. Н. Голицын и Р. А. Кошелев. Множество документов общества, сохранившихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), позволяют проследить основные направления деятельности общества — это связь с миром духов и алхимия.

В 70-х гг. XVIII в. общество было основано в Берлине, затем его основатели переехали во Францию, в Авиньон. Там они разработали вероучение, открыли собственный храм и значительно увеличили число членов. Каждый вновь вступающий после проведения сложного обряда получал цифровое имя. С помощью этого цифрового ключа оракулы общества устанавливали связь с Небом и получали оттуда пророчества и ответы на вопросы, для каждого

отдельного лица. Среди членов общества в XVIII в. были приближенные Павла Петровича адмирал С. И. Плещеев и генерал-фельдмаршал Н. В. Репнин. Описание обряда принятия в общество Плещеева и адресованные ему пророчества сохранились. После Французской революции члены общества были вынуждены искать новое пристанище и в начале XIX в. стали перебираться в Россию. В Санкт-Петербурге под руководством графа Л. Тадеуша-Грабянки была создана организация, включавшая свыше 80 человек¹. В общество принимали целые семьи по упрощенному ритуалу. В него вошли и члены масонской ложи «Умиравший сфинкс» во главе с А. Ф. Лабзиным, любовница Александра I М. А. Нарышкина и воспитатель великих князей Николая и Михаила Павловичей П. П. Ушаков. Общество распространяло манифест, в котором объявляло о своей практике связи с миром духов. Деятельность общества привлекла внимание властей. В 1807 г. Грабянка был арестован и еще до вынесения приговора скончался в тюрьме. Других членов общества гонения не затронули. В списке членов общества нет имен Кошелева и Голицына, но воспоминания князя подробно описывают его вхождение в круг последователей Грабянки. Собрания членов Авиньонского общества в окружении Голицына продолжались до самой его смерти. Сегодня известны подробности религиозных практик, в которые оказался вовлечен Александр I. Они опубликованы в книге английского исследователя Роберта Коллиса и его жены Натальи Байе².

В архивах французской полиции исследователи нашли донесения о деятельности еще одного члена Авиньонского общества — Терезы-Маргариты Буш (1759–1822). В 1817 г. она установила связь с Александром I, а осенью 1819 г. по приглашению императора прибыла в Санкт-Петербург. Буш поселилась в гостинице напротив Зимнего дворца. Каждый день она встречалась с Голицыным и Кошелевым, и четыре раза в неделю ее тайно приводили к императору. Во время этих встреч она проводила сеансы связи с Небом. В декабре 1820 г., с разрешения высшего духовенства, в церкви Зимнего дворца Буш провела три литургии: первые две — по православному обряду, а последнюю — по католическому. Первая литургия прошла только для императора, вторая — для Голицына и Кошелева. Затем состоялась церемония, во время которой Буш вручила императору маленькую золотую коробку,

¹ Кондаков Ю. Е. Эзотерическое движение в России конца XVIII — первой половины XIX вв. М., 2018. С. 143.

² Collis R., Bayer N. Initiating the Millennium: The Avignon Society and Illuminism in Europe. Oxford, 2020.

подвешенную на металлической цепочке, в ней, по-видимому, содержался или даже она представляла собой великий секрет (сообщали полицейские агенты)¹.

Естественно, предсказания Буш не оправдались. Император был разочарован. Вернувшись с Лайбахского конгресса в мае 1821 г., Александр I прекратил встречи с Буш. В начале ноября она уехала из Санкт-Петербурга. После этого Александр I на письма Буш не отвечал и не хотел поддерживать с ней общение. В январе 1822 г. Буш умерла. В это время политические симпатии Александра I изменились, начался консервативный этап его деятельности. В новой ситуации Голицын обратился уже к другому религиозному направлению и представил императору архимандрита Фотия (П. Н. Спасского), который и стал главным участником его падения².

Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения произошло в русле преобразования управления Российской империей. Св. Синод, к началу XIX в. утративший заложенное в его деятельность Петром I значение, был включен в структуры министерства. Это решило целый ряд проблем высшего управления РПЦ. Теперь министр устанавливал отношения с другими высшими учреждениями, а конфликты клириков и обер-прокурора прекратились. При этом интересующие государственную власть дела РПЦ стали вестись в министерском департаменте. Чисто формально они проходили утверждение в Св. Синоде. Такая постановка вопроса вызвала критику со стороны клириков РПЦ. Но главной причиной расформирования министерства в 1824 г. стали религиозные взгляды его главы А. Н. Голицына. Проводимая им политика шла вразрез с православным учением. В определенный момент борьба вокруг Министерства духовных дел и народного просвещения стала раздражать Александра I. Расформировав министерство, император сохранил то полезное, что было достигнуто при его создании. За обер-прокурором Св. Синода в его канцелярии остался контроль над самыми важными делами РПЦ. В отношениях с другими ведомствами он получил статус главы отдельного ведомства.

Литература

Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (Спасский). Сочинения и общественная деятельность. М., 2022. 576 с.

¹ Collis R., Bayer N. Initiating the Millennium... P. 206–216.

² Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (Спасский). Сочинения и общественная деятельность. М., 2022. С. 275–332.

Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003. 360 с.

Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998. 223 с.

Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб., 2014. 284 с.

Кондаков Ю. Е. Эзотерическое движение в России конца XVIII – первой половины XIX вв. М., 2018. 670 с.

Collis R., Bayer N. Initiating the Millennium: The Avignon Society and Illuminism in Europe. Oxford, 2020. 264 p.

Н. А. Арчебасова

Святейший Синод как прообраз Министерства просвещения: тогда и сейчас

В течение XIX — начале XX в. в Российской империи происходил процесс централизации и унификации сферы образования. Сохранение множества типов начальных школ было обусловлено целым рядом факторов. Важнейшим из этих факторов мы считаем параллельное руководство сферой образования Святейшим Синодом и Министерством просвещения. Ведомства занимали как единые, так и диаметрально противоположные позиции в стратегии и тактике российской образовательной политики, и, таким образом, оба играли роль Министерства просвещения. Создание единой образовательной системы в стране не было завершено. Идеи всеобщего начального обучения не были реализованы на практике. Ведомственный характер некоторых типов учебных заведений сохраняется в России до сих пор. Проводятся исторические параллели темы исследования с разделением функций управления образованием между Министерством просвещения и Министерством науки и высшего образования в Российской Федерации первой четверти XXI в.

Ключевые слова: Российская империя, XIX век, Святейший Синод, Министерство просвещения, государственное управление, начальное образование, реформы.

Арчебасова Надежда Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент Волгоградского государственного университета.

Nadezhda A. Archebasova, PhD (History), Associate Professor of Volgograd State University.

narchebasova@mail.ru

© Н. А. Арчебасова, 2023

Nadezhda A. Archebasova

The Holy Synod as a prototype of the Ministry of Education: then and now

During the 19th and early 20th centuries, the process of centralization and unification of the sphere of education took place in the Russian Empire. The persistence of many types of primary schools has been driven by a number of factors. We consider the most important of these factors to be the parallel leadership of the sphere of education by the Holy Synod and the Ministry of Education. Two departments occupied both common and diametrically opposed positions in the strategy and tactics of Russian educational policy. As a result, both departments played the role of the Ministry of Education. The unified educational system in the country was not completed. The ideas of universal primary education were not put into practice. The departmental nature of some types of educational institutions in Russia is still preserved. It is possible to draw historical parallels of the research topic with the division of education management functions between the Ministry of Education and the Ministry of Science and Higher Education in the Russian Federation at the 1st quarter of the 21st century.

Keywords: the Russian Empire, 19th century, the Holy Synod, the Ministry of Education, public administration, primary education, reforms.

Святейший Правительствующий¹ Синод (далее — Святейший Синод) являлся высшим государственным органом России по делам Русской православной церкви с 1721 по 1918 г.

В 1817–1824 гг. он входил в состав центрального органа государственной власти — Министерства духовных дел и народного просвещения². Данное министерство прекратило свое существование из-за конфронтации руководства Святейшего Синода с коллегами по министерству по целому

¹ С 1726 по 1730 г. официально назывался Святейшим Синодом. Данное название преимущественно используют в научной литературе для общей характеристики его деятельности.

² См. об этом периоде подробнее: *Приходько М. А.* Синод и Министерство духовных дел и народного просвещения в 1817–1824 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 193–197.

ряду оснований, которые на протяжении всего XIX в. станут характерными для противостояния образовательной политики религиозного ведомства и светских.

Во-первых, это отстаивание статуса высшего государственного органа власти перед центральными (уровень министерств). Подобное пересечение истории Святейшего Синода с историей министерств и ведомств, имевших отношение к сфере образования, прежде всего с Министерством народного просвещения, связано с утвержденной за ним изначально функцией православного и верноподданнического просветителя народов империи.

Во-вторых, возможность влиять на решения императоров и их окружения, с одной стороны, и на консервативно настроенные слои населения периферии Российской империи, с другой стороны. Святейший Синод был наделен правом подготовки государственных законопроектов по церковным вопросам; владел и распоряжался церковным имуществом; получал постоянное государственное и общественное финансирование своей деятельности; распределял награды и пенсии по духовному ведомству и много другое.

Государственной идеологией Российской империи с 30-х гг. XIX в. до начала XX в. стала знаменитая формула теории официальной народности министра народного просвещения С. С. Уварова «Православная Вера. Самодержавие. Народность». Она также закрепляла лидирующую роль православного духовенства в просвещении народов Российской империи и создавала препятствия светским государственным центральным учреждениям на пути реформирования общественного уклада. Распространение по всей территории империи печатных изданий Библии, патриотической и православной литературы, в том числе для детей, было одной из обязанностей Святейшего Синода.

В-третьих, фактическое исполнение обязанностей Министерства народного просвещения до создания последнего. Святейший Синод управлял православным духовенством, которое обладало авторитетом в обществе и властью среди местных чиновников; представляло собой самое большое сообщество обучающихся грамоте и наукам; имело возможности открытия школ при церквях, монастырях, или в своих домах; использовало качественные учебно-методические пособия. Святейший Синод официально управлял духовными учебными заведениями всех уровней от школы грамоты до духовной академии. Постройки церковной инфраструктуры позволяли размещать в них школы и библиотеки.

Святейший Синод осуществлял эффективную обратную связь с регионами. Практика составления пространственных ежегодных сводных отчетов по епархиям страны, включавших сведения о духовных учебных заведениях,

также является важным признаком осуществления функций министерства. Священнослужители вели деятельность, равную по значению деятельности чиновников министерства просвещения, превосходя последних в статусе, часто в компетентности (учебно-воспитательного характера) и мотивационных составляющих профессионального служения.

В состав подразделений Святейшего Синода в разные периоды входили структуры, руководившие учебными делами: Комиссия духовных училищ (1808–1839), Духовно-учебное управление (1839–1867), Учебный комитет (1867–1918)¹, Училищный совет (1885–1917). В них разрабатывали уставы и утверждали штаты всей вертикали духовных учебных заведений; составляли программы преподавания; курировали назначение и награждение преподавателей; координировали финансирование, строительство учебных заведений; занимались попечительством о школьных библиотеках, изданием учебных книг; оформляли отчеты по ревизиям; обсуждали проекты женских духовных училищ и проч.² В них формировался и укреплял свои позиции центр общероссийского руководства сетью духовных начальных школ (церковно-приходских, грамоты, воскресных, начальных школ и классов при духовных семинариях и проч.). Училищный совет Синода в 1895–1918 гг. издавал журнал «Народное образование», в котором священники и учителя публиковали статьи по вопросам методики преподавания, специфики школьной практики в разных населенных пунктах страны и проч.

Таким образом, просвещение народа было вмененной и исполняемой должностной обязанностью православного духовенства Российской империи. Оно получало всестороннюю поддержку и стало основным проводником образовательной политики на протяжении как минимум XVIII–XIX вв. У Святейшего Синода имелись необходимые ресурсы для самостоятельного планирования, организации, руководства и развития сети учебных заведений по всей империи. По специфике выполнения задач все перечисленное выше свидетельствует о том, что Святейший Синод успешно выполнял функции Министерства просвещения как до его создания, так и после (согласованно, параллельно или вопреки), и являлось его прообразом и подобием.

В таких условиях у Министерства народного просвещения (1802–1917) не было шансов на установление лидерства в образовательной сфере, хотя законодательно оно обладало такой возможностью. Это центральное

¹ Учебный комитет при Синоде (Духовно-учебное управление при Синоде) // Российский государственный исторический архив. Ф. 802.

² Высшие и центральные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. С. 134–146.

ведомство управляло всей вертикалью светских общеобразовательных и частично специальных учебных заведений от народного училища до университета; руководило научными обществами и учреждениями, также вело «наблюдение за учебной частью специальных и воспитательных заведений разных ведомств»¹. К разным относились отличающиеся по ведомственной принадлежности, специфике организации и целому ряду других оснований учебные заведения. Например, училища военные (1810–1823), сельские приходские ведомства Министерства государственных имуществ (с 1842 г.), частные, казенные еврейские, женские и другие по всей империи за исключением духовных (с 1879 г.).

Традиция открытия учебных заведений разными ведомствами берет свое начало от свободной конкуренции в сфере образовательных услуг еще с XVIII в., когда каждое ведомство самостоятельно обеспечивало себя образованными кадрами, а детей своих сотрудников школами. Самые яркие примеры ведомственных образовательных достижений: создание широкой сети школ для государственных крестьян в Министерстве государственных имуществ (1830–1840-е гг.); патронаж благотворительных обществ и учреждений женского образования со стороны ведомства учреждений императрицы Марии (1828–1917); открытие железнодорожных и фабрично-заводских училищ на рубеже XIX–XX вв.; создание конкурентоспособной сети частных учебных заведений и пр.

В дальнейшем исторически сложившаяся ведомственная структура профессионального и привязанного к нему начального и общего образования станет отличительной чертой организационной структуры образовательных учреждений Советского Союза и Российской Федерации (РФ). Особенно она заметна в неочевидной ведомственной подчиненности высших учебных заведений. Например, медицинский институт (факультет) может быть частью университета Министерства науки и высшего образования РФ, а может относиться к Министерству здравоохранения РФ.

На протяжении всего периода существования Министерства народного просвещения Российской империи шел процесс реформирования подведомственных ему учреждений, однако полномочий и средств на ведение такого большого хозяйства постоянно не хватало, а ежегодные отчеты о результатах работы были скромнее, чем у других ведомств.

Структурировать основные направления деятельности Министерства народного просвещения сложно, так как его чиновники занимались всеми

¹ Высшие и центральные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 3: Центральные государственные учреждения. СПб.: Наука, 2002. С. 115–144.

образовательными вопросами¹: управлением от Академии наук до горских школ в Терской области; от руководства Санкт-Петербургским и Московским комитетом грамотности до устройства публичных чтений для народа по всей стране; от заведывания метеорологическими обсерваториями до осуществления цензуры всех издаваемых книг; от контроля за протестантскими и католическими школами империи до наблюдения за учебным процессом православных духовных училищ и проч. В результате сложная неоднородная организационная структура и постоянные пересечения в руководстве при сохранении определенной автономии в принятии решений у Святейшего Синода привели к малоэффективному развитию системы государственного образования и появлению множества (для начального обучения — более 60 вариантов на протяжении XIX в.) типов учреждений начального народного просвещения. Можно говорить о дуализме управления народным просвещением в течение XIX в. Анализ образовательных сегментов в структурах Святейшего Синода и Министерства народного просвещения показывает практическое тождество их функций. После реформ 1880-х гг. произошло усиление позиций духовного ведомства в управлении начальными училищами, достижение методической целостности содержания и воспитания в учебной деятельности, учебных пособиях и жизненной практике. Однако преемственность начальной ступени обучения со средней и высшей была нарушена.

Наибольший исследовательский интерес для сравнительного изучения деятельности Святейшего Синода и Министерства народного просвещения представляют, по нашему мнению, архивные материалы 1840—1860-х гг. Этот период предшествовал формализации и централизации отчетной документации, которая в 1860-е гг. затронула весь государственный аппарат России. Сократился документооборот, были унифицированы показатели статистических данных. Однако последние плохо коррелировались и сводились между собою из-за целого ряда причин, а местная специфика перестала доводиться до вышестоящего руководства, приниматься во внимание и корректироваться в процессе дальнейшего реформирования.

До реформирования и форматирования (бланкирования) документооборота в стране духовенство составляло все виды исходящих документов, даже годовые отчеты, в виде пространных и эклектичных по своей сути рассуждений с подробным разбором частных случаев, объяснением причин того или иного состояния дел и проч. Это позволяет увидеть местную специфику

¹ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. 785 с.

истории и культуры повседневности; охарактеризовать членов причта, узнать об основных проблемах общества и проч. Отчеты руководителей светских учебных заведений, чиновников и губернаторов также включали в себя разнообразные интересные фактические данные, высказывания личного мнения, пространственные рассуждения. В результате реформы радикально изменился также порядок архивирования документов: территориально-хронологический принцип был заменен на общегосударственный тематический. Представление о динамике развития регионов страны сменилось статичными статистическими рядами цифр без объяснения причин и путей решения видимых проблем. Последние стали обсуждаться преимущественно в местных периодических изданиях, на страницах земской обязательной отчетности, фиксироваться в хрониках учреждений и документах личного происхождения. Проведение исторических исследований в региональных архивах России до сих пор является хорошей возможностью для введения в научный оборот новых сведений о специфике государственной светской и религиозной образовательной политики и ее местных проводников.

В целом реформы управления в 60-х гг. XIX в. привели к перемещению центра инициатив от высших и центральных органов государственной власти (вертикаль) к региональным, периферийным (горизонталь), усилили позиции земств и закрепили противостояние в управлении учебными заведениями Министерства народного просвещения и Святейшего Синода¹. Эти обстоятельства не позволили Министерству народного просвещения разработать единую стратегию успешного консолидированного образования и просвещения населения, достичь планируемого всеобщего начального обучения и значительного роста числа грамотных людей в Российской империи.

В советский период истории Народный комиссариат просвещения РСФСР (1918–1946) можно рассматривать как противопоставление образу (формирование «антиобраза») Святейшего Синода. Во-первых, за счет мощной антирелигиозной поддержки со стороны коммунистической партии и государственных органов советской власти, утвержденной за ним изначально функции антирелигиозного агитатора. Во-вторых, за возможность руководить революционно настроенными слоями населения периферии бывшей Российской империи. В-третьих, за фактическое исполнение обязанностей бывшего Министерства народного просвещения.

¹ *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб.: Наука, 2003. С. 222–238.

В 1946 г. в России вернулись к министерской структуре центральных органов государственной власти. Однако устоявшейся стратегии развития Министерство просвещения не имеет до сих пор, что объясняет постоянную его трансформацию в РСФСР, с 1991 г. — в Российской Федерации. Особенно это заметно в изменении названий министерства: «просвещения» (1946–1988), «народного образования» (1988–1991), «образования» (1991–1996), «*науки, высшей школы и технической политики*» (1991–1993), «общего и профессионального образования» (1996–1999), «образования» (1999–2004), «образования и науки» (2004–2018), «*просвещения*» (2018 – н. в.), «*науки и высшего образования*» (2018 – н. в.).

Возвращение к дуализму в управлении в 1991 и 2018 гг.¹ закономерно приводит сначала к очередному ведомственному разделу образовательного пространства страны, затем к его объединению по новым правилам. Характерным примером является подчинение педагогических вузов Министерству просвещения Российской Федерации в 2020 г., но распространение концепции «Ядра педагогического образования» в 2020–2022 гг. на оба министерства, перераспределение между ними контрольных цифр приема на педагогические направления подготовки. Министр С. С. Кравцов 26 ноября 2021 г. на заседании коллегии Министерства просвещения Российской Федерации объяснил данное решение следующим образом: «Когда мы говорим о создании „Ядра педагогического образования“, речь идет о том, что нужны некие ориентиры в подготовке учителей, которые могут использовать вузы. Это будет способствовать созданию единого образовательного пространства, в том числе в сфере педагогического образования»². Постановка данной задачи свидетельствует об отсутствии единого образовательного пространства и дуализме управления. Раннее выявление талантов, научное просвещение и поддержка молодежных проектов закономерно могут привести к объединению обоих министерств в новой структуре.

В связи с возвращением в историческую реальность Министерства просвещения представляется полезным использовать накопленный его предшественниками опыт руководства. Разрабатываемые в сотрудничестве

¹ В абзаце выше данные периоды деятельности министерств выделены курсивом.

² На коллегии Минпросвещения России обсудили подходы к развитию педагогического образования [Электронный ресурс] // Минпросвещения России: Официальный интернет-ресурс. 26.11.2021. URL: <https://edu.gov.ru/press/4419/na-kollegii-minprosvescheniya-rossii-obsudili-podhody-k-razvitiyu-pedagogicheskogo-obrazovaniya/>.

с представителями разных конфессий (соборный принцип) программы воспитания детей и молодежи требуют актуализации опыта деятельности Святейшего Синода в сфере просвещения и образования россиян с целью сохранения историко-культурной преемственности.

Источник

Учебный комитет при Синоде (Духовно-учебное управление при Синоде) // Российский государственный исторический архив. Ф. 802.

Литература

Алексеева С. И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб.: Наука, 2003. С. 222–238.

Высшие и центральные учреждения России. 1801–1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. 301 с.

Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С. В. Рождественский. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. 785 с.

Приходько М. А. Синод и Министерство духовных дел и народного просвещения в 1817–1824 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1 (6). С. 193–197.

Н. Г. Зарембо

Синод, петербургское духовенство и иоанниты в 90-е гг. XIX в. — 1914 г.

Рассматриваются основные этапы взаимоотношений Синода, духовенства и миссионеров Санкт-Петербурга и иоаннитов в 90-е гг. XIX в. — 1914 г. Наиболее ревностные почитатели отца Иоанна Кронштадтского, названы прессой того времени «иоаннитами». Постепенно сложилось движение или особое сообщество людей со своим мировоззрением и обрядностью. В статье дана характеристика лидеров движения: Н. И. Большакова, В. Ф. Пустошкина, Порфирии (Матрены) Киселевой, Михаила Петрова, Назария Дмитриева; рассказывается об издании еженедельного журнала «Кронштадтский маяк» — идейном и организационном центре иоаннитов, — о создании и функционировании их приютов или общежитий. Санкт-Петербург оказался центром движения иоаннитов, и православное духовенство вынуждено было принимать меры противодействия ему. Показана особая позиция отдельных церковных деятелей. Представлена история определений Синода 1908 и 1912 гг., направленных против иоаннитов как сектантов. Учение иоаннитов объявлялось «еретическим, кошунственным и богохульным», их издания подлежали уничтожению. Рассматриваются закат движения иоаннитов и усиление его преследования со стороны духовных властей.

Зарембо Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук начальник отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург).

Natalya G. Zarembo, PhD (History), Head of the Department of the Scientific Reference Apparatus of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg).
natalzar@yandex.ru

© Н. Г. Зарембо, 2023

Ключевые слова: Синод, духовенство, иоанниты, Санкт-Петербург.

Natalya G. Zarembo

Synod, St. Petersburg clergy, and Johnites since the 90s of the 19th century to 1914

The article examines the main stages of the relationship between the Synod, the clergy and missionaries of St. Petersburg and the Johnites since the 90s of the 19th century to 1914. The most zealous admirers of Father John of Kronstadt, called by the press of that time “Johnites”. Gradually, a movement or a special community of people with its own worldview and rituals has formed. The characteristics of the leaders of the movement are given: N. I. Bolshakov, V. F. Pustoshkin, Porfiria (Matryona) Kiseleva, Mikhail Petrov, Nazariy Dmitriev. It is said about the publication of the weekly magazine *Kronstadt Lighthouse* – the ideological and organizational center of the Johnites, about the creation and functioning of their shelters or dormitories. St. Petersburg turned out to be the center of the Johnnite movement, and the Orthodox clergy were forced to take measures against it. The special position of individual church leaders is shown. The history of the definitions of the Synod of 1908 and 1912 directed against the Johnnites as sectarians is presented. The doctrine of the Johnnites was declared “heretical, sacrilegious and blasphemous”, their publications were subject to destruction. The decline of the Johnites movement and the strengthening of its persecution by the spiritual authorities are considered.

Keywords: Synod, clergy, Johnites, St. Petersburg.

На рубеже XIX–XX вв. наиболее ревностные почитатели протоиерея настоятеля Андреевского собора в Кронштадте о. Иоанна Кронштадтского были названы «иоаннитами». Считалось, что название «иоанниты» за фанатичными поклонниками закрепила «легковесная периодическая печать»¹. Первые известия об иоаннитах относятся к 90-м гг. XIX в.² Впервые

¹ Булгаков Н. И. Состояние сектантства в Петербурге // Православный путеводитель. 1905. № 1. С. 720.

² О занятиях IV Всероссийского миссионерского съезда в городе Киеве // Прибавление к Церковным ведомостям. 1908. № 30. С. 1407.

официально секта иоаннитов была отмечена в отчете обер-прокурора за 1901 г.¹ В вероучении иоаннитов выделяются два основных постулата. Во-первых, обожествление о. Иоанна Кронштадтского. Иоанниты считали, что он является «жилищем Святой Троицы», сам «Бог вселился в него и дал ему власть»². Во-вторых, ожидание конца света и страшного суда³. Некоторые православные миссионеры считали, что иоанниты возникли под влиянием двух факторов: «хлыстовской пропаганды» и «мошеннической эксплуатации именем о. Иоанна Кронштадтского»⁴. Главные их центры находились в Петербурге, Кронштадте и Ораниенбауме. Постепенно сложилось движение или особое сообщество людей со своим мировоззрением и обрядностью.

При этом иоанниты искренне считали себя православными: «Только от Церкви Христовой учение может нам жизнь и просветление дать»⁵. В социально-политической сфере они придерживались взглядов, близких взглядам Иоанна Кронштадтского. В их публицистике также постоянно присутствуют антисемитские высказывания, негативные оценки интеллигенции и светской культуры⁶. Все это создает ощущение близости к правым партиям, но отношение членов Союза русского народа к иоаннитам в столице было различным. Главный совет Союза русского народа разъяснял, что некоторые его члены, «к прискорбию» руководства, поддерживали иоаннитов, а сама организация с ними не связана⁷. Союз имени Михаила Архангела осуждал иоаннитов как «чрезвычайно вредную секту»⁸. В современных публикациях о правом движении лидеры иоаннитов и их сторонники представлены как полноправные участники монархического движения⁹. Отметим также, что

¹ Из отчета обер-прокурора Св. Синода за 1901 год // Православный путеводитель. 1905. № 1. С. 728.

² *Большаков Н. И.* Правда о секте иоаннитов. СПб., 1906. С. 7–8.

³ *Большаков Н. И.* XX век. О кончине мира и страшном суде. СПб., 1908.

⁴ *Терлецкий В. Н.* Секта «иоаннитов». Полтава, 1910. С. 6.

⁵ *Большаков Н. И.* Правда о секте иоаннитов. С. 17.

⁶ *Большаков Н. И.* XX век. О кончине мира и страшном суде. С. 19, 39.

⁷ Вече. 1909. 23 августа. С. 2.

⁸ Отец Иоанн Кронштадтский / Издание Русского народного союза им. Михаила Архангела. М., 1990. С. 85. Репринт. изд.

⁹ Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский патриотизм: энциклопедия. М., 2003. Воинство Святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2006.

литературное наследие иоаннитов сейчас переиздается как часть литературы об Иоанне Кронштадтском¹.

В среде иоаннитов существовало два типа лидеров: «праведные люди» и «литературные вожди». К первым относились «богородица» (Порфирия (Матрена) Ивановна Киселева), «архангел Михаил» (Михаил Петров), Назарий Дмитриев, называемый «пророком Ильей» или «Иоанном Богословом». Иоаннитские авторы создают образ Порфирии как «подвижницы Христовой»: пришла босая, спала на голом полу, неграмотна, но обладает даром говорить на разных языках². Она жила в Ораниенбауме, и вокруг нее сложился кружок почитателей отца Иоанна и ее. Из этой среды некоторые личности попали под пристальное внимание полиции, которая собрала материалы о предполагаемом наличии шайки вымогателей во главе с П. И. Киселевой и составила заключение: «Секты с определенным вероучением не существует»³. О Киселевой стало известно, что ее посещал отец Иоанн. Киселева принимала посетителей в своей квартире, сидя на троне, над ее головой сиял венец из электрических лампочек. Пришедшие просить о помощи падали перед ней ниц. В «Петербургском листке» появилась публикация о том, что она таким образом выманивала деньги у доверчивых людей⁴. Иоанн Кронштадтский прислал письмо в редакцию газеты. Он потребовал прекратить «нелепое вранье» по отношению к больной женщине, жертвовавшей средства на строительство храмов⁵. После смерти Киселевой в ноябре 1905 г. ее квартира и могила стали местами поклонения.

Вторую группу лидеров иоаннитов составляли, как уже отмечалось, «литературные вожди»: Николай Иванович Большаков (Артамонов) и Василий Федорович Пустошкин. Первый из них издавал и редактировал еженедельный журнал «Кронштадтский маяк» (выходил с 1906 г.), ставший идейным и организационным центром иоаннитов. Крестьянин Смоленской губернии Николай Иванович Большаков (1870–1910) с 13 лет работал в банях

¹ *Большаков Н. И.* Источник живой воды: Жизнеописание св. праведного отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1995. [Репринт. изд.].

² *Пустошкин В. Ф.* Как нужно жить, чтобы богатым быть и чисто ходить. СПб., 1907. С. 11–17.

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2075. Оп. 5. Д. 15. Л. 4–5 об.

⁴ *Духовцев И.* Кронштадтская богородица не покаялась // Петербургский листок. 1905. 22 марта. С. 2.

⁵ *Сергеев И.* Правдивое слово о статье в «Петербургском листке» // Петербургский листок. 1905. 25 марта. С. 2.

на Вознесенском проспекте. Будучи свидетелем исцеления своей жены от неизлечимой болезни по молитвам о. Иоанна Кронштадтского, он стал его приверженцем¹. В 1905 г. Большаков издал свою книгу «В защиту о. Иоанна Кронштадтского» после разрешения о. Иоанна ее печатать. В ней говорилось, что иоанниты — «лишь наиболее близкие к о. Иоанну его духовные дети и ученики»². На страницах «Кронштадтского маяка» помещались произведения о. Иоанна, публиковались рассказы об исцелениях, им совершенных, с указанием имен и адресов участников события³. Выпускались приложения к журналу — брошюры с трудами о. Иоанна Кронштадтского, с произведениями иоаннитских авторов и духовными стихами. «Кронштадтский маяк», приложения к нему, книги, в том числе синодальные издания, веночки, портреты Иоанна Кронштадтского развозили из Петербурга по всей стране иоаннитские книгоноши⁴. В 1908 г. Большаков предпринял попытку официально оформить деятельность книгонош, но разрешения не получил⁵.

Важной чертой движения иоаннитов стало создание приютов, или общежитий. Иоанниты считали, что нужно вести правильный образ жизни в ожидании конца света и лучше делать это совместно. Известным их организатором стал Пустошкин⁶. Повседневная жизнь общин была строго регламентирована. Молитвы продолжались в течение дня и ночью. Пищу употребляли только постную, готовили ее здесь же на всех обитателей общинной квартиры. Всем членам общины запрещалось курение и употребление алкогольных напитков. Дети и девушки занимались изготовлением венков и цветов для украшения икон⁷, которые потом продавали иоаннитские книгоноши, поэтому в дальнейшем приюты иоаннитов часто называли еще и мастерскими. Неоднократно появлялись жалобы на то, что иоанниты уводили детей

¹ *Алексеев И. А.* Некролог Большакову Николаю Ивановичу // Кронштадтский маяк. 1910. № 2. С. 4–5.

² *Большаков Н. И.* В защиту о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1905. С. 1–2.

³ *Большаков Н. И.* Чудеса Божии в наши дни // Кронштадтский маяк. 1907. № 11. С. 2.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2348. Л. 77–78.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 100. Д. 56. Л. 56–59 об., 64 об.

⁶ *Пустошкин В. Ф.* Открытое письмо его превосходительству господину С.-Петербургскому градоначальнику генерал-майору Д. В. Драчевскому от устроителя общежительных мастерских в д. № 4 по Теряевой улице В. Ф. Пустошкина. [СПб.], [1909]. С. 1.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 153, 164.

и взрослых из деревень и городов с собой в Санкт-Петербург¹. В адрес иоаннитов постоянно звучали обвинения в мошенничестве².

Народно-церковная газета «Колокол» регулярно рассказывала о жертвах иоаннитов³. Более развернутые критические статьи помещались в журнале «Миссионерское обозрение»⁴. Сохранилось сообщение о том, что петербургский миссионер Н. И. Булгаков планировал создать общество борьбы с иоаннитами⁵. Затем его место занял имевший более умеренные взгляды Д. И. Боголюбов, что отразилось на отношении к иоаннитам в Петербурге.

Своеобразным описанием внутренней жизни иоаннитов стала, по утверждению петербургского миссионера Булгакова, пьеса В. В. Протопопова «Черные вороны» (1907 г.)⁶. Миссионер написал к пьесе предисловие, в котором, не называя напрямую сектантов, изображенных в пьесе иоаннитами, очень точно подводил к этому читателя и зрителя. Вскоре спектакль был запрещен в Петербурге⁷.

Важным шагом явилось заявление о. Иоанна Кронштадтского о том, что женщины под видом «богомолок», посланных им или Ивановским монастырем, «многих простодушных вводят в обман», но не имеют к нему и обители никакого отношения» (речь шла об иоаннитских книгоношах. — *Н. З.*). Протоиерей высказал предположение, что полиция займется ими⁸.

Перед Православной Церковью стоял вопрос об отношении к движению иоаннитов. На IV миссионерском съезде (1908 г.) в Киеве комиссия подготовила доклад об иоаннитах. После его обсуждения «общее собрание подавляющим большинством голосов признало их сектою, родственною с хлыстовством»⁹. Редактор «Кронштадтского маяка» Большаков обратился к председателю съезда Антонию, архиепископу Волынскому и Житомирскому,

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 100. Д. 55. Л. 1—4; Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 24—33 об.

² Там же. Оп. 97. Д. 60. Л. 1—1 об., 4—4 об.

³ Появление иоаннитов // Колокол. 1907. 6 ноября; К истории иоаннитства (Письмо в редакцию) // Колокол. 1907. 17 ноября.

⁴ Булгаков Н. И. Правда о секте иоаннитов // Миссионерское обозрение. 1907. № 10. С. 1487—1490.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 100. Д. 55. Л. 2 об.

⁶ Протопопов В. В. Черные вороны. СПб., 1907.

⁷ Петровская И. Ф., Сомина В. В. Театральный Петербург начало XVIII — октябрь 1917 года. С. 306.

⁸ Вести и заметки // Русский паломник. 1907. № 33. С. 526.

⁹ О занятиях IV Всероссийского миссионерского съезда в городе Киеве // Прибавление к Церковным ведомостям. 1908. № 30. С. 1410.

с письмом, в котором содержалась просьба защитить иоаннитов¹. Затем ему было направлено еще одно письмо от Пустошкина и Большакова.

Решение IV миссионерского съезда об иоаннитах стало основой для определения Синода от 4–11 декабря 1908 г. Учение иоаннитов было объявлено «еретическим, кощунственным и богохульным». Православных христиан предостерегали от сотрудничества с «Кронштадтским маяком», а Петербургскому духовному цензурному комитету поручали следить за журналом. Пункты 4 и 5 определения рекомендовали духовенству при совершении над иоаннитами христианских таинств требовать от них отречения от главных заблуждений их учения и предостерегать отправляющихся к Иоанну Кронштадтскому о «возможности различных злоупотреблений со стороны вожаков иоаннитов». Иоаннитов можно было отлучать от церкви. Синод посчитал ненужными очередные обличения иоаннитов со стороны Иоанна Кронштадтского².

Особое отношение руководителей Петербургской епархии к иоаннитам выявляется в ходе анализа епархиальных отчетов за 1907–1908 гг. Эти документы объявляют иоаннитов «православными, только монашествующими людьми»³, утверждают, что они «неразвиты духовно» и испуганы современной жизнью⁴. На IV миссионерском съезде с особым мнением выступил петербургский епархиальный миссионер Боголюбов и предложил иную оценку иоаннитов: «Нет оснований считать иоаннитов сектой хлыстовской, так многие черты иоаннитства свойственны и православию»⁵. В своей статье «О бессмысленности наименования сектантствующих людей „иоаннитами“» он предлагал называть поклонников о. Иоанна «пустоверами» по имени одного из лидеров движения Пустошкина и доказывал, что иоанниты — заблуждающиеся люди, сбиваемые с истинного пути такими «обольстителями», как Пустошкин и Большаков⁶. В 1909 г. Боголюбов в брошюре «О так

¹ *Большаков Н. И.* IV миссионерский съезд и современные ревнители православия. СПб., 1908. С. 17–18.

² Определение Синода от 4–11 декабря 1908 года № 8814 по поводу постановлений Киевского Миссионерского съезда о т. н. иоаннитах и адвентистах // Церковные ведомости. 1908. № 51–52. С. 377–378.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2290. Л. 240.

⁴ Там же. Д. 2229. Л. 259.

⁵ О занятиях IV Всероссийского миссионерского съезда в городе Киеве // Церковные ведомости. 1908. № 30. С. 1408.

⁶ *Боголюбов Д. И.* О бессмысленности наименования сектантствующих людей «иоаннитами» // Церковные ведомости. 1908. № 9. С. 432–433.

называемых иоаннитах в русском народе» разбирал вопрос о том, можно ли считать иоаннитов сектантами хлыстовского толка¹. По его мнению, в догматах веры и форме устройства общин они не отступают от православия, то есть не могут считаться сектантами².

Важным шагом властей Санкт-Петербурга стало закрытие в июле 1909 г. детских приютов иоаннитов по пяти адресам «за открытие их без испрошения на то надлежащего разрешения»³. Забрав оттуда 120 детей, городская администрация поместила их в другие приюты. В защиту иоаннитов выступил деятель правого толка Н. Н. Жеденов, разославший свое заявление в Министерство внутренних дел и другие официальные инстанции⁴. В изданиях «Кронштадтский маяк» и «Гроза» появился ряд публикаций с критикой действий администрации и в защиту иоаннитов. Содержатель приюта и лидер иоаннитов Пустошкин выпустил по этому поводу брошюру⁵.

В августе 1909 г. представители иоаннитов обратились с прошением к П. А. Столыпину⁶. На протяжении последующих месяцев 1909 г. периодическая печать и публицистика постоянно обращались к истории с закрытием приютов⁷. Возвращаясь к родителям-иоаннитам, дети рассказывали о якобы имевших место в тех приютах, куда их поместили после того, как забрали из квартир, издевательствах⁸. Редактор «Колокола» В. М. Скворцов поместил в своем издании статью с осуждением сочинений Боголюбова и отношения столичной миссии к иоаннитам в целом⁹. Он подчеркивал, что, несмотря на определение Синода, осуждавшее иоаннитов, борьбу с их приютами вела только полиция. Статья также называла имена конкретных лиц, потворствовавших иоаннитам: цензор архимандрит Александр (Григорьев), миссионер Боголюбов и игумен Арсений. Первый из них разрешил напечатать фототи-

¹ *Боголюбов Д. И.* О так называемых иоаннитах в русском народе. СПб.: тип. Алекс.-Нев. о-ва трезвости, 1909. 29 с.

² Там же. С. 8.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 15–17 об., 51–51 об.

⁵ *Пустошкин В. Ф.* Открытое письмо его превосходительству господину С.-Петербургскому градоначальнику...

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 20. Д. 344. Л. 273–274.

⁷ *М.* Об иоаннитах // Россия. 1909. 7 (20) июля. Возвращение матери ребенка // Гроза. 1909. 3 октября. С. 3.

⁸ Возвращение детей // Гроза. 1909. 4 октября. С. 4.

⁹ *Скворцов В. М.* Иоаннитские трущобы и миссионерское столпотворение // Колокол. 1909. 4 июля.

пию «Свет России» с изображением Иоанна Кронштадтского в окружении народа и надписью «Пою Богу моему»¹. Эта фраза, по замечанию Скворцова, «иоаннитами комментируется, что „поет“ — каждый из возлежащих „Богу моему“, то есть о. Иоанну». Он обвинял Боголюбова и игумена Арсения² в том, что они подготовили брошюры, популярные у иоаннитов-книгонош, а духовного цензора архимандрита Александра — в том, что он разрешил их публикацию. В докладной записке на имя митрополита Антония архимандрит Александр вынужден был дать подробные объяснения³. В объяснительной записке по поводу той же статьи глава миссионерского совета епископ Никандр подчеркнул, что борьба с иоаннитами в столице не остановлена, а книга «О так называемых иоаннитах в русском народе» не оправдывает сектантства последних⁴. В случае же мошенничества иоаннитов следовало обращаться к гражданской судебной власти⁵. Духовенство столицы продолжало разоблачать иоаннитские заблуждения. По средам проходили беседы против иоаннитов в церкви Апостола Матфея на Петербургской стороне. Миссионерский совет выпустил тринадцатый миссионерский листок «Слово жизни» ко дню полугодовщины со дня смерти о. Иоанна Кронштадтского в количестве 16 000 экземпляров для бесплатной раздачи с критикой иоаннитов⁶.

Иоанниты вели активную издательскую и общественную деятельность. В. Ф. Пустошкин выпустил прекрасно оформленную книгу «Мысли последователей о. Иоанна Кронштадтского (иоаннитов)»⁷. Подчеркивались верноподданнические взгляды иоаннитов, разбирались традиционные обвинения в их адрес, анализировались их отношения к православной вере, браку, мясоедению и т. д. В сочинение был включен также очерк об иоаннитских приютах с фотографиями. Порфирия, Назарий, Петров назывались сподвижниками Иоанна Кронштадтского⁸. Пустошкин утверждал, что Синод еще

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 79. Отд. 2. Ст. 3. Д. 333. Л. 26.

² *Игумен о. Арсений*. Открытое письмо редактору-издателю журналов «Кронштадтский маяк», «Свет России» Н. И. Большакову и беседа б. синодального миссионера и главного учредителя союза русского народа о. Арсения. СПб., 1909. В данной брошюре содержится похвала Большакову и иоаннитам.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 79. Отд. 2. Ст. 3. Д. 333. Л. 11 об.—12.

⁴ Там же. Л. 7 об.

⁵ Там же. Л. 7 об.—8.

⁶ Там же. Л. 2, 7.

⁷ *Пустошкин В. Ф.* Мысли последователей о. Иоанна Кронштадтского (иоаннитов). СПб., [1909].

⁸ Там же. С. 42—48.

не решил, как следует относиться к последователям о. Иоанна Кронштадтского¹. Вторая половина 1909 г. отмечена активными действиями по организационному оформлению иоаннитов: было организовано Иоанновское братство и начался выход газеты «Гроза», издателем и редактором которой являлся Н. И. Большаков. Иоанновское братство создавали с «целью прославления памяти о. Иоанна Кронштадтского путем составления и издания его жизнеописания устройством просветительных благотворительных учреждений его имени». Членами братства могли стать только «православные русские», верные царю и отвергающие «лжеучения материалистов, социалистов, революционеров и масонов»². Собрания братства начались 9 сентября 1909 г. в помещении на Лиговке. Помимо учредителя общества директора Петергофского тюремного комитета Б. А. Васильева, там выступали Большаков, Жеденов и игумен Арсений³. Журнал «Кронштадтский маяк» и газета «Гроза» публиковали объявления о предстоящих собраниях и сообщения о деятельности братства. На собрания братства пропускали сначала всех желающих без ограничения возраста, пола, материального положения и социального статуса. Взносы стали собирать позднее. Часто Арсений начинал собрания молебном⁴.

Газета «Колокол» на открытие общества откликнулась статьей «Иоаннитская неразбериха», в которой говорилось, что создание Иоанновского братства — «легализация общины иоаннитов-сектантов»⁵. 11 сентября 1909 г. правление Иоанновского братства предложило ее издателю Скворцову выйти на «публичные словопрения» по вопросу о сектантстве иоаннитов и отдельных деятелей братства⁶. 23 ноября 1909 г. Санкт-Петербургское особое городское по делам об обществах присутствие приняло решение братство закрыть, так как оно уклонилось от положений устава⁷.

В октябре 1909 г. Большаков начал выпускать ежедневную газету «Гроза», которая была объявлена литературно-политическим и общественным изданием. Вскоре она стала защитницей иоаннитов, а также помещала известия о деятельности Иоанновского братства. В первой половине октября 1909 г.

¹ Там же. С. 25.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 52.

³ Кронштадтский маяк. 1909. № 41. С. 2—4.

⁴ Собрание Иоанновского братства // Гроза. 1909. 3 октября. С. 4.

⁵ Иоаннитская неразбериха // Колокол. 1909. 11 сентября.

⁶ Васильев Б. А. Первое письмо В.М. Скворцову // Гроза. 1909. 1 октября.

⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 206. Л. 138.

в семи из 13 номеров содержались публикации об Иоанновском братстве¹. Велась полемика «Грозы» с издателем газеты «Колокол» и миссионерским деятелем Скворцовым². В октябре 1909 г. в ответ на критику «Колокола» «Гроза» поместила статью «Фарисеи», в которой оправдывала иоаннитов и защищала Пустошкина³. 18 июля 1910 г. «Гроза» перешла в собственность Н. Н. Жеденова, который и являлся «главным вдохновителем» всех публикаций в газете⁴. У газеты часто менялись редакторы, и все они несли наказания за критические или даже скандальные статьи и заметки. В конце 1909 г. «Миссионерское обозрение» выступило с обвинениями иоаннитов в хлыстовстве и критикой их защитников. В числе публикаций была статья чиновника Синода Н. М. Гринякина «Адвокаты иоаннитства как свидетели его еретичества»⁵.

Особое место во взаимоотношениях деятелей Православной церкви и иоаннитов занимает прошение 27 петербургских иоаннитов на имя Антония, митрополита Петербургского. Оно было направлено 4 ноября 1909 г. и содержало утверждение, что иоанниты — «православно-церковные христиане» и готовы перейти под контроль Санкт-Петербургского миссионерского совета. Среди его авторов были «вожаки» иоаннитов Большаков и Пустошкин. В «Прибавлении к Церковным ведомостям» появилась статья «Знаменитое прошение представителей „иоаннитства“ на имя высокопреосвященного Антония», посвященная этому событию. В ней положительно оценивались действия петербургской миссии, которая не клеймила иоаннитов, а стремилась очистить их взгляды от всего еретического. Приводился текст прошения петербургских иоаннитов с утверждением, что они считают Иоанна Кронштадтского угодником, а не Христом, и не почитают всяких «богородиц», «христов» и «пророков»⁶. В декабре 1909 г. епархиальное начальство поручило священнику Вознесенской церкви при Адмиралтейских слободах Николаю Покровскому наблюдение за иоаннитами и духовное руководство ими⁷.

¹ Гроза. 1909. 1, 3, 6, 7, 13, 14, 15 октября.

² РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д. 1885. Л. 1.

³ Фарисеи // Гроза. 1909. 16 октября.

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д. 1885. Л. 166.

⁵ Гринякин Н. М. Адвокаты иоаннитства, как свидетели его еретичества // Миссионерское обозрение. 1909. № 11. С. 1789.

⁶ К. И. Н. Знаменитое прошение представителей «иоаннитства» на имя высокопреосвященного Антония // Прибавление к Церковным ведомостям. 1909. № 51–52. С. 2431.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 194. Д. 1143. Л. 10 об.

Сразу же на описанные выше события откликнулся «Колокол». Его редактор В. М. Скворцов заявил, что главарям иоаннитов нельзя верить¹. В январе – феврале 1910 г. завязалась полемика между «Миссионерским обозрением» и «Колоколом», с одной стороны, и «Церковными ведомостями» с другой стороны, так как прошение иоаннитов вызвало недоверие именно в миссионерских кругах. В номере № 8 за 1910 г. «Прибавление к Церковным ведомостям» разместило целую подборку материалов, связанных с иоаннитским прошением. Авторы редакционной статьи возмущались, что Гринякин поместил свою обличительную статью в газете «Колокол», а не предложил ее «Прибавлениям к Церковным ведомостям». В помещенной в том же номере «Прибавления» статье Гринякин высказал сомнение в искренности иоаннитов и посчитал, что духовные власти не проявили должной строгости². В том же номере поместили открытое письмо «Чему и как мы веруем?», которое было ответом лидеров иоаннитов на все обвинения³. Письмо подписали Василий Пустошкин, Михаил Уткин, Федор Саломатов, Александр Коренин и Илья Ладыгин. К нему прилагалась статья из «Кронштадтского маяка», в которой содержались клятвы верности православию и сообщение о том, что журнал начал проходить цензуру Санкт-Петербургского епархиального миссионерского совета⁴.

В январском номере журнал «Миссионерское обозрение» за 1910 г. опубликовал статью неутомимого борца с иоаннитами херсонского миссионера Ф. Кирики. Он считал, что в Петербурге иоанниты специально продолжают «шумиху», добиваясь от духовной власти признания их православными. Статья этого же автора появилась в марте 1910 г. в «Колоколе»⁵. В апрельском номере «Миссионерского обозрения» Гринякин возмущился тем, что редакция «Прибавления к Церковным ведомостям» публиковала в официальном органе Синода оправдательные материалы об иоаннитах⁶.

¹ Скворцов В. М. Иоаннитский кошмар // Колокол. 1909. 15 ноября.

² Гринякин Н. М. Невольные сомнения (По поводу иоаннитского прошения высокопреосвященному митрополиту Антонию) // Прибавление к Церковным ведомостям. 1910. № 8. С. 364–367.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2407. Л. 174.

⁴ О некоторых иоаннитах // Прибавление к Церковным ведомостям. 1910. № 8. С. 368.

⁵ Кирика Ф. Верую В. Ф. Пустошкина и К° // Колокол. 1910. 6 марта.

⁶ Гринякин Н. М. Столичные иоанниты и «Церковные ведомости» (По поводу «иоаннитского прошения» и комментария к нему «Церк[овных] ведомостей») // Миссионерское обозрение. 1910. № 4. С. 633.

2 января 1910 г. умер один из лидеров движения иоаннитов и редактор журнала «Кронштадтский маяк» Н. И. Большаков. В 1911 г. журнал уже утратил размах и былую оригинальность, в 1912 г. перешел под руководство священника А. А. Алексеева, затем его выпуск прекратился.

Активным защитником иоаннитов продолжала оставаться газета «Гроза». В заметке «Странно» ее автор, назвавший себя «читателем», посчитал удивительным представление членов Синода о том, что «Гроза» «служила целям пропаганды для иоаннитов»¹. Статья «Колокольные вымогатели» говорила о том, что «Колокол» и близкие к нему миссионеры ожидают взятки за прекращение нападков на иоаннитов в размере 2 тыс. рублей². За публикации «Колокольные вымогатели» и «Странно» в апреле 1912 г. газету оштрафовали на 500 рублей за каждую публикацию³. Жалобы редактора газеты Н. И. Щеглова министру внутренних дел и в Сенат результата не имели⁴.

Важным шагом в борьбе Православной Церкви с иоаннитским движением стало определение Синода от 13–21 апреля 1912 г. В определении подчеркивалось, что из существующих в России мистических сект «особенно заметное распространение в народе» получили иоанниты. В нем говорилось о главных сподвижниках Порфирии: Назарии Димитриеве, Матфее Болящем Псковском, Пустошкине и Михаиле Петрове⁵. Во всех официальных документах иоаннитов следовало называть «хлыстами киселевского толка» или просто «хлыстами-киселевцами» по имени главной основательницы секты Матрены (Порфирии) Ивановой Киселевой, которая умерла еще в 1905 г. Среди главных распространителей секты был назван покойный Н. И. Большаков. От Димитрова, Пустошкина и Петрова потребовали отказаться от своих сектантских заблуждений.

Журнал «Кронштадтский маяк», а также книги Пустошкина и Большакова определение Синода предавало осуждению. Обер-прокурор обращался к министру внутренних дел с просьбой об изъятии иоаннитской литературы из лавок и библиотек. Особое при Синоде совещание по вопросам внутренней и внешней миссии должно было собрать материалы, свидетельствующие об осуждении киселевцев Иоанном Кронштадтским. Синод обратился к православной пастве Российской империи с посланием о «лжеучении

¹ *Читатель*. Странно // Гроза. 1909. 19 апреля. С. 2.

² «Колокольные» вымогатели // Гроза. 1912. 20 апреля. С. 2.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 9. Д. 1885. Л. 238–238 об.

⁴ Там же. Л. 58–60, 61–62, 236 об.–237

⁵ Там же. Ф. 797. Оп. 79. Отд. 2. Ст. 3. Д. 159. Л. 80 об.

хлыстов-киселевцев»¹. В ноябре 1912 г. в Петербургской консистории состоялся духовный суд над В. Ф. Пустошкиным. После его отречения от заблуждений был составлен акт, подписанный духовными судьями и самим обвиняемым². В Воронцовском Благовещенском монастыре Псковской епархии власти обнаружили секту иоаннитов. Пустошкин вместе со своими сторонниками строил там храм. Духовные власти посчитали, что благотворители совращали в сектантство местных православных жителей. По определению Синода от 3 июля — 4 августа 1912 г. обер-прокурору следовало обратиться к светским властям для начала уголовного преследования³.

Осенью 1912 г. скончался один из известных иоаннитов Назарий Дмитриев.

Следующим важным шагом духовных властей стала борьба с публицистическим наследием иоаннитов. В августе 1912 г. обер-прокурор Синода обратился к министру внутренних дел с предложением о закрытии журнала «Кронштадтский маяк» и изъятии из обращения брошюр духовного содержания. Этот вопрос по закону был передан на рассмотрение Санкт-Петербургского комитета по делам печати. Решение о закрытии периодического издания принимал суд⁴. В январе 1913 г. Санкт-Петербургский комитет по делам печати обнародовал список изданий иоаннитов, против которых были возбуждены уголовные преследования и наложен арест.

В определении Синода от 11–27 ноября 1913 г. были перечислены репрессивные меры, принятые гражданскими властями против иоаннитских изданий. 8 мая 1914 г. Петроградский окружной суд принял решение об уничтожении приложений к номерам № 2, 4, 30 и 33 журнала «Кронштадтский маяк» за 1908 г., также подлежали уничтожению стереотипы⁵. В июне 1913 г. в «Прибавлении к Церковным ведомостям» появилась статья, в которой излагалась история иоаннитского движения с точки зрения церковной власти и называлось количество иоаннитов — 2 тыс. человек⁶.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 79. Отд. 2. Ст. 3. Д. 159. Л. 80–84 об.; Божьей милостию Святейший Правительствующий Всероссийский Синод возлюбленным во Христе чадам Православной Российской Церкви // Церковные ведомости. 1912. № 24. С. 243–249.

² Краткая летопись церковной и общественной жизни. Духовный суд над Пустошкиным // Кронштадтский пастырь. № 48. С. 798–799.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 79. Отд. 2. Ст. 3. Д. 159. Л. 92–93 об.

⁴ Там же. Ф. 776. Оп. 9. Д. 345. Л. 48–48 об.

⁵ Монолитная печатная форма, копия с типографского набора или клише.

⁶ *Левашев В. П.* Несколько слов к характеристике деятельности вожаков Киселевской секты и о том, как на самом деле относился к ним в Бозе почивший протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1913. № 23. С. 1087–1096.

Движение иоаннитов отличали фанатичное почитание о. Иоанна Кронштадтского и вера в скорый конец света. Иоанниты создали особый тип личности и своеобразный вид общины. Движение имело собственный журнал «Кронштадтский маяк». Синод и многие православные миссионеры воспринимали иоаннитство как отход от официального православия. За растворение иоаннитов в рамках официальной церкви выступали отдельные миссионеры и некоторые представители духовенства, отчасти поддержанные Петербургскими епархиальными властями. В 1912–1914 гг. мнение о необходимости репрессивных мер против иоаннитов как сектантов-хлыстов восторжествовало и на уровне Синода, и на уровне петербургского духовенства и миссионеров.

К. В. Ковырзин

Деятельность Святейшего Синода по реорганизации епархиального управления в условиях «церковной революции» 1917 г.

Статья посвящена анализу мероприятий Святейшего Синода в сфере нормативно-правового регулирования деятельности органов епархиального управления Российской Православной Церкви, проводившихся до созыва Поместного Собора в контексте «церковной революции» весны и лета 1917 г. Их результатом стало введение выборного начала при замещении церковных должностей и привлечение клириков и мирян к участию в церковном управлении на епархиальном уровне, включение новых церковно-общественных элементов — епархиальных советов — в сформировавшуюся в синодальный период структуру епархиального управления.

Ключевые слова: Святейший Синод, епархиальное управление, церковная реформа, церковное законодательство.

Ковырзин Константин Владимирович, кандидат исторических наук, старший специалист Научно-исследовательского отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Konstantin V. Kovyrzin, PhD (History), Senior Specialist of the Research Department of the Modern History of the Russian Orthodox Church of the St. Tikhon's Orthodox University.

kvk1983@yandex.ru

© К. В. Ковырзин, 2023

Konstantin V. Kovyrzin

Reorganizing diocesan administration: the reform activities of the Holy Synod against the backdrop of the “church revolution” of 1917

The article analyses the legal regulatory measures concerning diocesan administration of the Russian Orthodox Church, undertaken by the Holy Synod in the context of the “church revolution” in the spring and summer of 1917, before the Local Council was convened. These measures resulted in introducing the electoral principle, the involvement of clergy and lay members of the Church in diocesan administration, as well as implementing diocesan councils: a new church-public element in the established structure of the diocesan administration that had been formed during the Synodal period.

Keywords: Holy Synod, diocesan administration, church reform, church law.

После Февральской революции 1917 г. во многих епархиях Российской Православной Церкви происходил сложный и местами болезненный процесс трансформации сложившейся в синодальный период системы церковного управления и разрешения обострившихся в предреволюционные годы внутрицерковных социальных проблем. В марте 1917 г. в ряде епархий возникли общественные организации духовенства и мирян, стремившиеся поставить под свой контроль епархиальную администрацию. Прошедшие в марте – мае 1917 г. в большинстве епархий съезды духовенства и мирян вырабатывали свои проекты реорганизации епархиального управления, предполагавшие замену духовных консисторий выборными епархиальными советами. В деятельности съездов отчетливо прослеживается тенденция к ограничению епископской власти. В некоторых местах предпринимались попытки явочным путем реорганизовать органы церковного управления на демократических началах, не дожидаясь санкции высшей церковной власти¹. Уже современниками эти события были названы «церковной революцией». В масштабах

¹ См.: *Леонтьев П. Я.* Революция в Церкви: съезды духовенства и мирян в 1917 году // *Церковь в истории России.* М., 1998. Сб. 2. С. 214–248.

всей Российской Церкви ее проявления отличались большими контрастами. Во многих регионах процесс выстраивания взаимоотношений между правящим архиереем, духовной консисторией и вновь возникавшими епархиальными или епископскими советами развивался конструктивно и без серьезных конфликтов. Однако в ряде епархий (например, в Тверской, Орловской, Екатеринославской) он принял радикальный характер, сопровождаясь нарушением церковной дисциплины, открытым противостоянием части духовенства и активных мирян с церковной иерархией, напряженной борьбой различных церковных групп¹. Высшая церковная власть в лице Святейшего Синода пыталась взять под свой контроль процесс «церковной революции» и нормативно отрегулировать низовое реформаторское правотворчество духовенства и мирян на местах. В то же время деятельность Святейшего Синода можно рассматривать как реализацию государственной церковной политики Временного правительства, которая проводилась революционной синодальной обер-прокуратурой. Еще 7 марта на заседании правительства обер-прокурор В. Н. Львов представил свою программу правительственной политики в церковной сфере. Суть программы состояла в том, чтобы, не изменяя в корне сложившейся системы церковно-государственных отношений до Поместного Собора и Учредительного собрания, провести внутреннюю реформу церковной организации. Выслушав доклад обер-прокурора, члены правительства поручили ему подготовить несколько законопроектов, включая и законопроект о «переустройстве епархиального управления на церковно-общественных началах»². В своей дальнейшей деятельности В. Н. Львов опирался на публичную поддержку прогрессивно-обновленческой церковной общественности, рупором которой стала с 7 апреля общецерковная синодальная газета «Всероссийский церковно-общественный вестник». На ее страницах публиковались материалы, авторы которых пропагандировали тезис о том, что после революции в церковном управлении повсеместно необходимо провести демократические (в понимании прогрессистов — соборные) начала. Например, профессор Киевской духовной академии П. П. Кудрявцев называл прежний церковный строй «сколком» рухнувшей политической системы, полагая, что полнота церковной власти

¹ См.: *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1: Март — апрель 1917 года. М., 2001. С. 43.

должна принадлежать не Святейшему Синоду и епископату, а всему духовенству и мирянам¹. Таким образом, реформаторскую деятельность Святейшего Синода нужно рассматривать с учетом влияния двух взаимосвязанных факторов – стихийного низового правотворчества на местах и правительственной церковной политики, направленной на внутреннее реформирование церковной организации.

Подготовку епархиальных реформ начал еще дореволюционный состав Святейшего Синода под председательством митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), однако чрезмерное давление и авторитарный стиль руководства обер-прокурора В. Н. Львова привели к конфликту, который разрешился 14 апреля роспуском членов зимней синодальной сессии и назначением нового состава Святейшего Синода². В него были включены представители епископата и белого духовенства, готовые к конструктивному взаимодействию с обер-прокурором В. Н. Львовым. Были вызваны экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский), архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский), епископы Уфимский Андрей (Ухтомский) и Самарский Михаил (Богданов), настоятель Успенского собора в Москве протопресвитер Н. А. Любимов, профессор Петроградской духовной академии протоиерей А. П. Рождественский, депутаты Государственной думы протоиереи А. В. Смирнов и Ф. Д. Филоненко. Из прежнего синодального состава на летнюю сессию оставили лишь архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского).

29 апреля было опубликовано программное послание нового состава Святейшего Синода, составленное протоиереями А. П. Рождественским и А. В. Смирновым и отредактированное архиепископом Сергием (Страгородским). В нем в числе основных задач предстоящей работы высшего церковного управления наряду с подготовкой к созыву Поместного Собора декларировалась необходимость осуществления преобразований, которые упорядочат начавшееся на местах низовое реформаторское движение. В послании были сформулированы основные принципы готовящихся изменений. Во-первых, говорилось о том, что «издревле господствующее в Православной Церкви выборное начало должно быть проведено во все доступные для него формы церковного управления». Во-вторых, подчеркивалось, что основой церковного устройства должно стать «широкое участие всех

¹ См.: *Кудрявцев П.* Старый строй в церкви // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 2. С. 2.

² Церковные ведомости. 1917. № 16/17. С. 83.

членов Церкви в делах церковных, при нерушимости присвоенных каждому прав и обязанностей»¹.

В целях реализации намеченного плана Святейший Синод предпринял ряд мероприятий с целью стабилизировать ситуацию в области епархиального управления. При этом использовались материалы и проекты документов, подготовленные ранее действовавшей под председательством архиепископа Арсения (Стадницкого) особой синодальной комиссией. В определении Святейшего Синода о «мерах к ограждению церковного порядка» от 26–29 апреля было разъяснено, что «правительственные и церковные учреждения, относительно которых не состоялось упраздняющего или отменяющего их постановления нового правительства, должностные лица, не уволенные законным порядком от своих должностей, остаются при отправлении своих обязанностей»². Таким образом, высшая церковная власть объявила незаконными попытки явочным порядком упразднить существующие органы церковного управления.

1–5 мая было принято определение о «привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении». В его основу был положен проект, выработанный ранее упомянутой комиссией прежнего состава Святейшего Синода. В преамбуле определения подчеркивалось, что до отмены действующих законов об органах епархиального управления и создания Поместным Собором нового строя церковной жизни все вновь устанавливаемые положения носят временный характер и не должны противоречить действующим законам. В частности, Святейший Синод благословил епархиальных архиереев предоставить право церковно-епархиальным советам (где они имелись) участвовать, посредством трех представителей с правом совещательного голоса, в заседаниях духовной консистории при решении дел, причем если члены совета признают необходимым, то дело могло быть передано на решение совета. При благочинных учреждались выборные благочиннические советы. Благочиннические, уездные и епархиальные съезды духовенства и выборных представителей от прихожан получали право избирать с последующим утверждением церковной властью местных благочинных, штатных членов духовных консисторий и членов других епархиальных учреждений³. В синодальное определение были включены составленные архиепископом Сергием (Страгородским) «Временные положения о церковно-епархиальных и благочиннических советах», регламентировавшие их

¹ Там же. № 18/19. С. 101.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 111–113.

деятельность. Анализ первого из этих нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод о том, что канонические права и полномочия епархиального архиерея были ограничены. Так, церковно-епархиальный совет, председателем которого он являлся, состоял из представителей духовенства и мирян, избираемых на три года епархиальным съездом в количестве, определенном по усмотрению съезда. При этом дела в совете решались простым большинством голосов, и лишь при их равенстве голос председателя-епископа становился решающим. В случае своего несогласия с принятым в совете решением архиерей должен был, не подписывая резолюции, передать дело в Святейший Синод. В случае несогласия совета с решением консистории именно совет (а не епархиальный архиерей единолично) имел приоритетное право принять собственное решение (руководствуясь ст. 329 и 330 Устава духовных консисторий)¹. Следует сделать замечание о том, что принципиально иная рабочая схема взаимодействия архиерея и органов епархиального управления была принята Святейшим Синодом по предложению архиепископа Сергия (Страгородского) 28 апреля в ходе приема радикально настроенной делегации чрезвычайного съезда духовенства и мирян Тверской епархии. Съезд принял постановление о немедленном упразднении духовной консистории и передачи всей полноты власти епархиальному совету, в котором архиепископу как председателю совета не было предоставлено никаких преимуществ голоса, а в случае разногласий с советом дело передавалось Святейшему Синоду как вышестоящей инстанции. Очевидно, что при реализации такого постановления епархиальный архиерей утрачивал полноту своей предусмотренной канонами административной власти. Стремясь избежать этой опасности, Святейший Синод принял компромиссное решение: Тверская духовная консистория не упразднялась, но ее постановления прежде их исполнения должны были рассматриваться в епархиальном совете и лишь затем направляться на утверждение епархиального архиерея². Этот принцип было решено применить в общецерковном масштабе, и в таком духе был разработан проект синодального определения³. Однако 5 мая по предложению обер-прокурора В. Н. Львова в текст документа было внесено существенное изменение: решения духовной консистории должны были передаваться не на заключение (как это предусматривалось изначально), а на окончательное решение

¹ См.: Церковные ведомости. 1917. № 18/19. С. 114.

² См.: Любимов Н. А., *протопресв.* Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918). М., 1995. С. 23–25.

³ Там же. С. 40–41.

епархиального совета. Это было мотивировано тем, что его председателем состоит епархиальный архиерей¹. Вместе с тем следует отметить, что по общему смыслу синодального определения предметом рассмотрения в церковно-епархиальном совете должны были стать лишь некоторые вопросы епархиальной жизни. Очевидно, что те решения духовной консистории, по которым присутствовавшие в ее заседаниях представители совета не усматривали затруднений, поступали на непосредственное утверждение епископа.

Определение Святейшего Синода от 16–18 мая о «некоторых изменениях в существующей ныне организации епархиального управления» стало развитием и дополнением предшествующего определения от 1–5 мая. Во-первых, Святейший Синод разрешил епархиальным съездам духовенства и мирян избирать в члены духовных консисторий вместе с лицами пресвитерского сана также диаконов, псаломщиков и мирян в числе, не превышающем лиц пресвитерского сана, и избранных членов представлять в установленном порядке на утверждение Святейшего Синода. Во-вторых, епархиальным архиереям тех епархий, где не были учреждены церковно-епархиальные советы, было поручено председательствовать в присутствии духовной консистории на тех же основаниях, какие предоставлены им «Временным положением о церковно-епархиальном совете»².

В дальнейшем, вероятно, под влиянием критики и общего поправления церковных кругов, Святейшим Синодом было принято новое определение от 10–12 июля 1917 г. «по делу об утверждении членов духовных консисторий, избранных епархиальными съездами». Рассмотрев представленных епархиальными архиереями выборных кандидатов на должности членов духовных консисторий, Святейший Синод указал на несоответствие многих избранных лиц непресвитерского сана и мирян законным требованиям в отношении образовательного и нравственного ценза. Кроме того, формальным препятствием для их утверждения в должности являлась ст. 280 Устава духовных консисторий, согласно которой членами этих учреждений могли быть только лица в пресвитерском сане. Инициировать вопрос об отмене в законодательном порядке данной правовой нормы Святейший Синод посчитал нецелесообразным ввиду близости начала работы предстоящего Поместного Собора, в связи с чем постановил утвердить в должностях членов духовных консисторий избранных и переизбранных епархиальными съездами лиц пресвитерского сана. Не утверждая в должности лиц, избранных из числа диаконов, псаломщиков и мирян, Святейший Синод предписал епархиальным

¹ Там же. С. 54.

² См.: Церковные ведомости. 1917. № 22/23. С. 141.

архиереям провести новые выборы лиц пресвитерского сана, с соблюдением условий, предъявляемых к кандидатам существующими узаконениями¹. Процесс кадрового обновления состава духовных консисторий на выборной основе продолжался вплоть до середины декабря 1917 г., все избранные епархиальными съездами кандидаты в обязательном порядке проходили процедуру утверждения в должности Святейшим Синодом².

Высшим церковным управлением было санкционировано применение выборного начала в отношении епархиальных епископов³. Первоначально инициатива при создании регламента выборов на вакантные кафедры принадлежала местному духовенству и церковному активу. Например, правила выборов Петроградского епархиального архиерея были выработаны столичным духовенством и утверждены Святейшим Синодом⁴. В мае и июне 1917 г. состоялось утверждение результатов первых архиерейских выборов в Чернигове, Петрограде и Москве⁵. На основании опыта этих выборов были разработаны и приняты 5 июля общие для всех епархий «Правила избрания епархиальных епископов». Согласно им, право избрания своего архипастыря предоставлялось специальному епархиальному собору духовенства и мирян. Делегаты собора избирались в два этапа: сначала по приходам, а затем по благочиниям. В соборе в обязательном порядке участвовали все епархиальные и викарные епископы церковного (митрополичьего) округа⁶. При помощи записок намечались несколько кандидатов. Избранным считался кандидат, который получил при общей баллотировке более половины голосов выборщиков. Если же никто из кандидатов такого большинства не получал, то допускались два дополнительных тура голосования. При равенстве голосов исход выборов определялся жребием. Избранного на соборе кандидата утверждал

¹ Церковные ведомости. 1917. № 30. С. 234–235.

² См.: Церковные ведомости. 1917. № 31. С. 249–250; № 38/39. С. 333–335; № 40/41. С. 361–362; № 43/45. С. 404; № 46/47. С. 424–425; № 48/49. С. 434; 1918. № 1. С. 7–8.

³ Викарные епископы по-прежнему назначались непосредственно Святейшим Синодом.

⁴ См.: Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 17. С. 3–4.

⁵ См.: Церковные ведомости. 1917. № 22/23. С. 148; № 28. С. 199.

⁶ Определением Святейшего Синода от 26–28 июня 1917 г. все епархии были временно распределены на 16 округов с целью обсуждения назревших вопросов в рамках подготовки созыва Поместного Собора.

Святейший Синод¹. В августе 1917 г. были утверждены результаты выборов во Владимирской, Харьковской, Орловской, Тульской, Саратовской епархиях². Состоявшиеся в Рязани и Екатеринбурге выборы вследствие острых внутриепархиальных конфликтов не были утверждены высшей церковной властью, епархиальные архиереи на эти кафедры были непосредственно назначены Святейшим Синодом³. Как свидетельствуют документы, практика выборов епархиальных архиереев продолжала действовать в первой половине 1918 г., были утверждены результаты выборов в Финляндской, Херсонской, Енисейской, Киевской, Тамбовской епархиях⁴.

В конечном счете суть и итог осуществленных Святейшим Синодом временных преобразований заключались в том, что в каркас сложившейся в императорский период прежней системы епархиального управления ведомства православного исповедания были включены новые церковно-общественные элементы (церковно-епархиальные и благочиннические советы). Церковно-епархиальные советы под председательством епархиального архиерея становились высшим органом управления в епархии по отношению к духовной консистории как государственному учреждению. На всех уровнях епархиального управления было проведено выборное начало. При этом необходимо подчеркнуть, что Устав духовных консисторий оставался действующей правовой базой епархиального управления, а существование вновь возникших учреждений, санкционированных синодальными определениями, никак не было закреплено юридически на государственном уровне.

Проводимые Святейшим Синодом епархиальные церковные реформы получили неоднозначную оценку в церковной среде. Они были поддержаны близкими к синодальному ведомству официозными публицистами и представителями церковной общественности. Высшие церковные иерархи воздерживались от публичных протестов, не желая обострять отношения с революционной властью, однако изучение их личной переписки позволяет судить об отрицательном отношении части консервативного епископата к проводимой новым церковным руководством политике. Так, епископ Пермский Андроник (Никольский) усматривал вину обер-прокурора В. Н. Львова в его отрицательном отношении к епископату и поддержке деструктивного, по его мнению, пресвитерианского течения, поддержанного «Всероссийским

¹ См.: Церковные ведомости. 1917. № 29. С. 219–221.

² См.: Там же. № 34. С. 282; № 35. С. 295; № 38/39. С. 331.

³ Там же. № 46/47. С. 421.

⁴ Там же. 1918. № 3/4. С. 22; № 7/8. С. 37–38; № 21/22. С. 163.

церковно-общественным вестником»¹. Эту же пессимистическую точку зрения разделял архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), по мнению которого, благодаря пропаганде подконтрольной обер-прокурору общецерковной газеты, он «достиг главной цели разрушения Церкви – розни между архиереями и духовенством», вследствие чего «пожар анархии в церковном управлении и жизни принимает столь грозные размеры, что не погасить будет и самому Собору церковному»². Следует отметить, что в некоторых епархиях изменения в епархиальном управлении, санкционированные синодальными определениями, не были признаны в полной мере. Например, образовавшийся при московском епархиальном архиерее совет священников (пресвитериум) признал синодальные правила о епархиальных советах неприемлемыми в своей деятельности, мотивировав это тем, что они «коренным образом подрывают власть епископа в деле епархиального управления, передавая ее в руки этого совета», и принял постановление о том, чтобы считать пресвитериум только «совещательным органом при епископе»³.

Начавший свою работу в августе 1917 г. Поместный Собор вынужден был заняться ревизией результатов деятельности высшего церковного управления в период «церковной революции». 25 августа действовавшее в рамках Собора Совещание епископов обсуждало, в связи с обращениями многих архиереев, вопрос об образовании следственной комиссии при Соборе, «для рассмотрения деятельности прежнего и нынешнего Синода, обер-прокурора и жалоб преосвященных, уволенных без суда и следствия»⁴. В дальнейшем критика работы бывшего синодального обер-прокурора В. Н. Львова и Святейшего Синода стала одной из основных тем заседаний Совещания епископов. Это вынудило протопресвитера Н. А. Любимова от лица членов Святейшего Синода выступить 7 октября на пленарном заседании Собора с апологетической речью, в которой, опровергая обвинения в адрес синодалов в «рабочем лепетстве» перед обер-прокурором, оратор среди прочего заявил, что Святейший Синод стремился привести к единообразию и легализовать те изменения в церковном устройстве, которые проводились духовенством и мирянами

¹ См.: Письмо епископа Андроника (Никольского) архиепископу Арсению (Стадницкому) 16 апреля 1917 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 550. Оп. 1. Д. 232. Л. 158–160 об.

² Письмо архиепископа Арсения (Стадницкого) протоиерею П. И. Соколову 31 мая 1917 г. // ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 442. Л. 3.

³ Любимов Н. А., протопресв. Дневник... С. 64–65.

⁴ Арсений (Стадницкий), митр. Дневник: На Поместный Собор: 1917–1918. М., 2018. С. 66.

на местах, действуя убеждением, а не с помощью бесполезных в сложившихся обстоятельствах прещений¹. Осенью 1917 г. на заседаниях Совещания епископов неоднократно ставился вопрос об упразднении действовавших с синодальной санкции епархиальных советов. Так, 8 октября с заявлением о необходимости обсудить и дать каноническую оценку временных мероприятий, введенных в епархиальную жизнь распоряжениями летней сессии Святейшего Синода и отменить их как вызывающих нестроения и анархию в епархиальной жизни обратился епископ Якутский Евфимий (Лапин)². 11 октября митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), архиепископ Тверской Серафим (Чичагов), архиепископ Владивостокский Евсевий (Никольский), епископ Забайкальский Мелетий (Заборовский) и некоторые другие иерархи вновь поставили вопрос о восстановлении действия в полном объеме Устава духовных консисторий и об отмене всех синодальных постановлений революционного времени, «как противных канонам и духу церковного законодательства», причем в первую очередь предлагалось упразднить церковно-епархиальные советы, которые «в одних епархиях не признаются и самим духовенством, а в других в состав их вошли люди неблагонадежные, неграмотные, антицерковные и даже женщины, от которых ожидать помощи епархиальному архиерею в деле управления невозможно»³. Решение этого вопроса решили отложить ввиду ожидавшегося в скором времени принятия Собором нового устава епархиального управления. Митрополит Арсений (Стадницкий) отметил, что большинство епископов не поддержало предложения собратий, опасаясь, что «синодальное аннулирование без санкции соборной повело бы к большим осложнениям и обострениям»⁴. Вместе с тем Совещание епископов приняло принципиальное решение удовлетворить ходатайства архиереев властью Святейшего Синода в том случае, если Собор по каким-либо причинам не рассмотрит или не утвердит соответствующий доклад⁵. В дальнейшем члены Совещания епископов обсуждали вопрос об упразднении епархиальных советов дважды — 18 октября 1917 г. и 31 января 1918 г. Однако распускать существовавшие на местах епархиальные советы так и не стали, поскольку их вскоре должны были сменить новые органы

¹ См.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. М., 2015. С. 393–403.

² Там же. С. 46–47.

³ Там же. С. 50.

⁴ *Арсений (Стадницкий), митр.* Дневник... С. 100.

⁵ Документы Священного Собора... Т. 4. С. 50.

епархиального управления, созданные на основе определений Собора. В соответствии с постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода в соединенном присутствии с Высшим Церковным Советом от 21 февраля (5 марта) 1918 г. предполагалось, что избрание новых членов епархиальных советов и переизбрание членов действовавших советов должно было быть проведено не позднее 1 (14) июля того же года¹. Очевидно, что в обстановке набиравших силу антицерковных гонений досрочный роспуск советов грозил новыми конфликтами на епархиальном уровне, что явно не способствовало бы консолидации церковного сообщества.

Завершая наше исследование, мы можем сделать заключение, что в условиях «церковной революции» 1917 г. Святейший Синод стремился сохранить контроль за ситуацией в епархиях и, удовлетворяя справедливые требования сторонников умеренных реформ из числа духовенства и мирян, придать законные рамки епархиальному церковно-общественному движению и нормативно отрегулировать низовое правотворчество духовенства и мирян на местах. Применительно к реалиям 1917 г., связанным с общим кризисом власти и системы государственного управления в стране, следует подчеркнуть, что Святейший Синод должен был опираться в своей деятельности не столько на государственный административный аппарат принуждения, сколько на общественное доверие и поддержку тех представителей духовенства и активных мирян, которые были сторонниками канонических церковных реформ. Основные мероприятия Святейшего Синода в сфере епархиального управления — введение выборного начала при замещении различных церковных должностей, привлечение приходского духовенства и активных мирян к церковному управлению, легализация епархиальных советов и определение порядка их взаимодействия с духовными консисториями — имели своей целью стабилизировать ситуацию в епархиях в период подготовки к созыву Поместного Собора. Существенным недостатком принятых Святейшим Синодом определений следует признать то, что они ограничивали полноту канонической власти епархиальных епископов. Вместе с тем они имели положительный эффект, поскольку смогли понизить накал революционных страстей в церковной среде, легализовали участие представителей духовенства и мирян в церковном управлении, придали новым епархиальным структурам церковного управления общественный характер. Несмотря на то, что проводимые Святейшим Синодом мероприятия получили неоднозначную оценку епископата и церковной общественности, а в дальнейшем подверглись критике на открывшемся в августе 1917 г. в Москве Поместном

¹ См.: Тульские епархиальные ведомости. 1918. № 11/12. Офиц. отдел. С. 139—141.

Соборе, сформировавшаяся в результате деятельности Святейшего Синода «переходная» система епархиального управления просуществовала до упразднения духовных консисторий новой советской властью и начала деятельности новых органов епархиального управления, созданных на основании постановлений Поместного Собора 1917–1918 гг.

Литература

- Арсений (Стадницкий), митр.* Дневник: На Поместный Собор: 1917–1918. М., 2018. 480 с.
- Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 4, 5. М., 2015.
- Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1: Март – апрель 1917 года. М., 2001. 447 с.
- Леонтьев П. Я.* Революция в Церкви: съезды духовенства и мирян в 1917 году // Церковь в истории России. М., 1998. Сб. 2. С. 214–248.
- Любимов Н. А., протопресв.* Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (12 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918). М., 1995. С. 15–120.
- Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. 303 с.

Е. А. Агеев

Ликвидация Святейшего Синода в 1918 г. и передача его функций высшему церковному управлению

Согласно решениям Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. Святейший Синод был преобразован в орган высшего церковного управления во главе с патриархом, состоявший из Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Анализируется ликвидация Святейшего Синода, связанная как с его преобразованием, так и с отделением церкви от государства. Описывается передача полномочий новым органам в обстановке революционных изменений и возникавшие при этом конфликты как с должностными лицами, так и с новыми советскими властями, вопросы материального обеспечения синодальных служащих.

Ключевые слова: Святейший Синод, ликвидация, декрет об отделении церкви от государства, высшее церковное управление.

Агеев Евгений Анатольевич, священник, кандидат теологии, клирик Урюпинской епархии Русской Православной Церкви.

Evgeniy A. Ageev, priest, PhD (Theology), cleric of the Uryupinsk Diocese.
evageev@yandex.ru

© Е. А. Агеев, 2023

Evgeniy A. Ageev

Liquidation of the Holy Synod in 1918 and transfer of its functions to the Supreme Church Administration

According to the decisions of the All-Russian Local Council of 1917–1918 the Holy Synod was transformed into the Supreme Church Administration headed by the Patriarch, consisting of the Holy Synod and the Supreme Church Council. The liquidation of the Holy Synod, connected both with its transformation and with the separation of the church from the state, is analyzed. It describes the transfer of powers to new bodies in the context of revolutionary changes, the conflicts that arose at the same time, both with officials and with the new Soviet authorities, issues of material support for synodal employees.

Keywords: Holy Synod, liquidation, Decree on Separation of Church and State, Supreme Church Administration.

Последние месяцы работы Святейшего Синода и проблемы, связанные с его ликвидацией и передачей полномочий новым органам высшего церковного управления, возможно изучить с использованием публикаций документов Синода в газете «Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительственном Синоде», хранящимся в Президентской библиотеке в Санкт-Петербурге, а также по документам Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., публикуемым Новоспасским монастырем с 2013 г. Документы органов высшего церковного управления за 1918 г. хранятся в соответствующих фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и пока не опубликованы.

В августе 1918 г. Святейший Синод переехал из Петрограда в Москву, где в праздник Успения Пресвятой Богородицы открылся Всероссийский Поместный Собор. Все члены Святейшего Синода были членами Собора по должности. Кроме того, многие чиновники синодального ведомства стали членами Собора, поскольку были назначены членами Предсоборного Совета, а этот орган полностью вошел в состав Собора.

Последний состав Святейшего Синода, который был назначен Временным правительством в апреле 1917 г.¹:

Платон (Рождественский), митрополит Тифлисский и Бакинский, экзарх Кавказский, первоприсутствующий;

Сергий (Страгородский), архиепископ Финляндский и Выборгский (в начале года, в июле был избран на Владимирскую кафедру);

Агафангел (Преображенский), архиепископ Ярославский и Ростовский;

Михаил (Богданов), епископ Самарский и Ставропольский;

Андрей (князь Ухтомский), епископ Уфимский и Мензелинский;

протопресвитер Николай Александрович Любимов, настоятель Успенского собора в Кремле;

протоиерей Александр Петрович Рождественский, профессор Петроградской духовной академии;

протоиерей Александр Васильевич Смирнов, депутат Государственной думы и профессор Петроградского университета;

протоиерей Феодор Дмитриевич Филоненко, депутат Государственной Думы.

Летом 1917 г. должность обер-прокурора была упразднена и его полномочия перешли к министру исповеданий Временного правительства, которым с августа 1917 г. был назначен профессор А. В. Карташёв². Поместный Собор был открыт 15 августа 1917 г. в Москве в соответствии с Грамотой Святейшего Синода³. После открытия Собора министр вернулся в Петроград, впоследствии был арестован вместе с другими министрами и практически не принимал участия в работе первой сессии Собора. На Соборе и, очевидно, на заседаниях Синода его представлял товарищ министра профессор С. А. Котляревский. Также членами Собора стали управляющий синодальной канцелярией П. В. Гурьев, директор хозяйственного управления А. А. Осецкий, юрисконсульт при обер-прокуроре В. В. Радзимовский, помощник управляющего синодальным контролем С. Г. Рункевич, правитель дел Учебного комитета В. Н. Самуилов, директор Департамента по делам Православной Церкви Министерства исповеданий, член Государственного совета В. И. Яцкевич.

В то время как Всероссийский Поместный Собор обсуждал основополагающие вопросы организации церковной жизни в новых условиях, Святейший Синод в период работы с августа 1917 по январь 1918 г. продолжал

¹ Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1917. 22 апреля. № 16–17. С. 1.

² Там же. 26 августа. № 34. С. 2.

³ Там же. С. 1–2.

рассматривать текущие вопросы церковного управления, входившие и ранее в его полномочия. После избрания Патриарха указы Святейшего Синода стали оформляться как указы Святейшего Патриарха и Святейшего Синода. О восстановлении патриаршества было объявлено обычным порядком: Святейший Синод своим определением от 18 декабря 1917 г. повелел прочитать в церквях «Грамоту Святейшего патриарха Тихона по случаю вступления его на патриарший престол»¹. Во время вооруженного противостояния в Москве в конце октября — начале ноября 1917 г. первоприсутствующий член Святейшего Синода митрополит Платон активно участвовал в переговорах соборной делегации с новыми властями. До начала боев Синод работал в помещениях Московской синодальной канцелярии в Кремле, после этого собирался уже в Епархиальном доме (Лихов переулок, 6).

Приняв в конце октября решение о восстановлении патриаршества в Российской Церкви и избрав в ноябре Святейшего Патриарха, Поместный Собор продолжил разрабатывать положение о высшем церковном управлении (ВЦУ) вплоть до конца первой сессии. Только на последних заседаниях первой сессии, 7–9 декабря 1917 г., был избран персональный состав новых органов ВЦУ — Священного Синода и Высшего Церковного Совета². Однако эти органы не приступили немедленно к исполнению своих обязанностей ввиду объявленного перерыва в заседаниях Собора.

Из последнего состава Святейшего Синода в число членов Священного Синода вошли митрополиты Платон, Агафангел и Сергей. Протопресвитер Николай Любимов был избран членом Высшего Церковного Совета. Состав органов ВЦУ значительно расширился, радикально изменился порядок его формирования, постоянные члены должны были избираться Поместным Собором на трехлетний срок. Были избраны также заместители, замещающие постоянных членов, в случае если они выбывали. Временные члены, которые должны были представлять пять групп епархий, объединенных по географическому признаку, вызывались для присутствия на один год.

Во время перерыва между первой и второй сессиями Поместного Собора Святейший Синод продолжал заседать в Москве. В официальном отделе газеты «Церковные ведомости», которая издавалась в январе — мае 1918 г., вплоть до последних номеров продолжали публиковаться определения Святейшего Синода, принятые в декабре 1917 и январе 1918 г. Среди

¹ Там же. 1918. 5 января. № 1. С. 1–4.

² Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3: Протоколы Священного Собора. М., 2014. С. 225–237.

постановлений о назначениях, увольнениях, перемещениях, награждениях есть и определения по наиболее злободневным вопросам того времени:

«По поводу декрета народных комиссаров о передаче церковных и монастырских земель с имуществом в распоряжение волостных земельных комитетов» от 18–20 декабря 1917 г.¹;

«По поводу насильственного захвата Петроградской синодальной типографии» от 11–15 января 1918 г.²;

«По поводу обращений к православному духовенству о повенчании лиц, сочетавшихся гражданским браком» от 29 января 1918 г.³

Передача полномочий от Святейшего Синода новым органам ВЦУ состоялась уже после начала второй сессии Собора, в начале февраля 1918 г. Поместный Собор 31 января 1918 г. принял решение о вступлении⁴ Священного Синода и Высшего Церковного Совета к своему служению, с передачей в их ведение дел и учреждений Святейшего Синода⁵. Определение Святейшего Синода «О передаче дел Святейшего Синода Святейшему Патриарху, Священному Синоду и Высшему Церковному Совету» состоялось на следующий день 1 (14) февраля 1918 г. Первое совместное заседание новых органов ВЦУ было собрано 3 (16) февраля 1918 г. в Епархиальном доме (Соборной палате)⁶. Таким образом, именно 1 (14) февраля 1918 г. следует считать датой прекращения деятельности Святейшего Синода.

Несмотря на то, что члены Святейшего Синода и часть его канцелярии находились в Москве, в Петрограде оставался основной аппарат Синода.

В феврале директор Хозяйственного управления Синода А. А. Осецкий отказался подчиняться новым органам ВЦУ и исполнять их решения. Его доклад на имя Святейшего Патриарха от 17 февраля (2 марта) 1918 г. рассматривался на совместном заседании органов ВЦУ 21 февраля (6 марта) 1918 г.⁷ Свое неповиновение он мотивировал тем, что был назначен на свою должность государственной властью, и, поскольку решения Собора об учреждении новых органов ВЦУ не были утверждены в законном порядке государственной властью, будет оставаться в своей должности до такого решения.

¹ Церковные ведомости... 1918. 5 января. № 1. С. 5.

² Там же. 31 января. № 3–4. С. 22.

³ Там же. 2 (15) марта. № 7–8. С. 2.

⁴ Так в документе.

⁵ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3: Протоколы Священного Собора. М., 2014. С. 282–285.

⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–8.

⁷ Там же. Д. 19. Л. 23–24.

Из доклада Осецкого понятно, что советскую власть он не считал законной. Хозяйственное управление было чрезвычайно важно для обеспечения деятельности Собора и ВЦУ. ВЦУ предупредило Осецкого о необходимости подчинения его решениям, причем в мотивационной части был признан переход государственной власти в стране к Совету народных комиссаров, а также невозможность исполнения Святейшим Синодом и его бывшими подразделениями своих полномочий после вступления в силу декрета об отделении церкви от государства. После повторного заявления Осецкого о неподчинении распоряжениям из Москвы, ВЦУ 2 (15) марта отстранило директора Хозяйственного управления от должности, передав его полномочия находившемуся в Москве начальнику отделения Петровскому¹.

Очевидно, в феврале 1918 г. члены нового ВЦУ были плохо осведомлены о том, что происходит с аппаратом Святейшего Синода в революционном Петрограде. Только 13 (26) марта 1918 г. совместное присутствие ВЦУ рассмотрело сообщение оставшегося после увольнения Осецкого старшим должностным лицом в Петрограде начальника архива и библиотеки Синода К. Я. Здравомыслова от 22 февраля (7 марта) 1918 г. о том, что Синодальный архив и библиотека захвачены комиссаром по ликвидации Синода, и просьбу «преподать указания о мерах к охране архивного и библиотечного имущества». В Петроград был командирован В. И. Яцкевич в качестве представителя ВЦУ и Поместного Собора².

В Петрограде удалось выяснить, что непосредственно после публикации декрета об отделении церкви от государства в петроградскую канцелярию Святейшего Синода был назначен комиссар по ликвидации духовного ведомства. Явившись в присутствие, комиссар изъясил всю имевшуюся наличность, помещения опечатали и служащих в них не допускали. Таким образом, деятельность всех петроградских синодальных органов, в отличие от московских, прекратилась. Изъятая комиссаром сумма была незначительна, так как основные средства Святейшего Синода к тому времени находились в государственных ценных бумагах, обращение которых было прекращено советской властью еще раньше. В результате действий советской власти стала невозможной передача из Петрограда ВЦУ в Москве текущих дел, в частности всех бракоразводных, служебных, пенсионных дел³. Позднее, в мае — июне 1918 г., была достигнута договоренность о передаче из синодального здания текущей

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 19. Л. 41–41 об.

² Там же. Л. 46–46 об.

³ Там же. Л. 93–93 об.

документации¹. Вернуть типографию в ведение Церкви оказалось уже невозможным, в отличие от книжных складов Учебного комитета и Училищного совета, большая часть которых была передана Церкви, однако уже не понадобилась в связи с прекращением духовного и церковного образования.

Кроме того, В. И. Яцкевич смог добиться от советских властей документов на получение синодальными служащими расчетных сумм, которые были выплачены по дореволюционным нормам — за период до ликвидации синодальных учреждений, поскольку никаких выплат из казначейства не производилось уже в ноябре — декабре 1917 г., а также за полтора месяца после ликвидации — до 2 марта 1918 г. Петроградская контора Святейшего Синода была ликвидирована постановлением ВЦУ от 24 марта (6 апреля) 1918 г., большинство служащих уволено, за исключением тех немногих, которые переехали в Москву для работы в канцеляриях ВЦУ².

Постановлением от 11 (24) апреля ВЦУ образовало ликвидационную комиссию в Петрограде (под председательством П. И. Исполатова), которой поручило всю работу по ликвидации синодальных учреждений³. Однако через четыре месяца деятельность этой комиссии была признана неправильной (из-за самовольной выплаты самим себе наградных сумм к празднику Пасхи), и она была также упразднена⁴.

Таким образом, хотя сам Святейший Синод передал свои полномочия ВЦУ вполне правомерно и организованно, передача текущих дел вызвала значительные трудности в связи с революционным хаосом в столице. Тем не менее советская власть признала деятельность синодальных учреждений прекращенной с момента издания декрета об отделении церкви от государства и всем синодальным служащим были выплачены причитавшиеся суммы жалования и выходного пособия, хотя и с опозданием.

¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 19. Л. 131—131 об.

² Там же. Л. 62—63.

³ Там же. Л. 93—93 об.

⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 20. Л. 103—104.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЗА РУБЕЖОМ

УДК 94(470) + 271.2

А. Ю. Полунов

Самодержавие, бюрократия и деятельность Императорского Православного Палестинского общества в 1880-е – начале 1900-х гг.

Деятельность Императорского Православного Палестинского общества стала важной страницей общественно-политической жизни Российской империи. Учреждение Общества в 1882 г. было связано с осознанием недостаточной эффективности работы правительственных органов в культурной, образовательной и духовной сферах на международной арене. Возглавлявшееся братом Александра III великим князем Сергеем Александровичем Общество стремилось дистанцироваться от официальных бюрократических структур, однако пользовалось покровительством высокопоставленных сановников. Несмотря на то, что с течением времени самостоятельность Императорского Православного Палестинского общества снижалась, до конца своего существования оно сохраняло черты автономной организации, далеко не всегда следовавшей в фарватере правительственной политики.

Ключевые слова: Палестина, Императорское Православное Палестинское общество, Русская духовная миссия, бюрократия, церковь, самодержавие, Министерство иностранных дел, Святейший Синод.

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Alexander Yu. Polunov, PhD (History), Professor, Head of the Department of Interethnic and Interdenominational Relations Management, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University.

polunov@spa.msu.ru

© А. Ю. Полунов, 2023

Alexander Yu. Polunov

Autocracy, bureaucracy and the activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society in the 1880s – early 1900s

The activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society became an important part of the social and political life of Russian Empire. The establishment of the Society in 1882 was engendered by the understanding of government structures low effectiveness in the cultural, educational and spiritual work on the international arena. Headed by the brother of Alexander III, Grand Duke Sergei Alexandrovich, the Society sought to distance itself from official bureaucratic structures and enjoyed the patronage of high-ranking dignitaries. Despite the fact that over time the independence of the Imperial Orthodox Palestinian Society decreased, until the end of its existence it retained the features of an autonomous organization, which did not always follow the official governmental policy.

Keywords: Palestine, Imperial Orthodox Palestine Society, Russian Ecclesiastical Mission, bureaucracy, Church, autocracy, Ministry of Foreign Affairs, Holy Synod.

В системе государственных институтов, церковных и общественных организаций позднеимперской России Императорское Православное Палестинское общество (ИППО) занимало особое место. Про него вполне можно было сказать, что это — учреждение «с необычным и нелегко уловимым характером». Именно такую структуру, по мнению известного церковного деятеля архимандрита Антонина (Капустина), высказанному еще в 1868 г., следовало учредить в Святой Земле для укрепления здесь духовного, культурного и политического влияния России¹. Формально не относясь к числу государственных органов, Общество во многих случаях фактически осуществляло официальные функции, отстаивало государственные интересы

¹ Письмо Антонина Н. П. Игнатьеву от 19 августа 1868 г. // Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым. 1865—1893. М.: Индрик, 2014. С. 119.

в стратегически важном библейском регионе и даже подчиняло в ходе этой деятельности своему влиянию некоторые бюрократические структуры. Само учреждение ИППО в 1882 г. во многом было связано с осознанием недостаточной эффективности работы правительственных органов на тех направлениях внешнеполитической деятельности, где требовалось проявление самостоятельности, инициативы, учет этнокультурной специфики отдаленных земель. Возникла, говорилось в официальном юбилейном издании ИППО, «настойчивая потребность в учреждении такого частного общества, которое, не будучи связано служебным своим положением и вытекая из запросов церковно-общественного самоопределения, могло бы действовать более свободно и иметь более подвижный и многочисленный состав своих сотрудников и деятелей на месте и, одновременно, по примеру инославных частных обществ и братств, могло бы привлекать частную благотворительность на нужды Святой Земли»¹.

Понимание необходимости более гибкой, во многих отношениях неформальной деятельности в регионах, обладавших повышенным идеологическим и символическим значением, складывалось в российских общественных, правительственных и церковных кругах постепенно. Значительный вклад в этот процесс внес упомянутый выше архимандрит Антонин, возглавлявший с 1865 г. Русскую духовную миссию (РДМ) в Иерусалиме — учреждение, во многом явившееся предшественником ИППО. На посту начальника миссии Антонин вел обширную деятельность, зачастую без санкции официальных властей, а иногда и вопреки им, в частности приобретал обширные участки земли в Иерусалиме и его окрестностях для учреждения здесь церковных институтов (храмов, приютов для паломников). Начинания архимандрита находили отклик у высокого покровителя — посла в Константинополе графа Н. П. Игнатьева, славившегося пренебрежением к официальным формальностям и стремлением к проведению самостоятельной, иногда весьма рискованной политики на международной арене. В письмах к Антонину граф заявлял о своей готовности отстаивать его запросы «перед несносным петербургским чиновничеством», улаживать конфликты между русскими учреждениями в Иерусалиме, «поставленными канцеляриями в ненормальном отношении друг к другу». «Безличная ответственность, соединенная с чисто бюрократическим направлением, упорно противодействует мнениям, не сходным с основной мыслью канцелярской деятельности», — утверждал

¹ Православное Палестинское общество на служении Церкви и русскому народу. По поводу XXXV-летия деятельности Общества в Святой Земле (1882–1917) // Православный Палестинский сборник (далее — ППС). Вып. 108. М.: Индрик, 2012. С. 57.

Игнатъев¹. Архимандрит отвечал своему покровителю в сходном духе — призывал не бояться натиска Европы, «перед которой с таким страхом преклоняются и департаменты, и коллегииумы, и пароходства, и посольства»².

Усиление роли неформального, личностного фактора в сфере церковно-государственных отношений и внешней политики проявлялось, разумеется, не только в ходе сотрудничества Антонина и Игнатъева. Значительную личную поддержку церковным учреждениям за рубежом оказывала супруга Александра II Мария Александровна. Когда в 1879 г. официальные власти, прежде всего Министерство иностранных дел, которые давно раздражала самостоятельность Антонина, настояли на ликвидации РДМ, императрица смогла добиться от мужа отмены уже состоявшегося высочайшего повеления. Заметную роль в подготовке данного демарша сыграл известный мореплаватель, государственный и общественный деятель граф Е. В. Путятин, отличавшийся глубокой религиозностью и проявлявший интерес к церковным учреждениям России за рубежом. Адмирал оказал поддержку и активисту-общественнику, чиновнику министерства финансов В. Н. Хитрово, который в конце 1870-х гг. выступил с инициативой создания общественной организации, призванной действовать в Палестине, и сыграл решающую роль в ее появлении.

Следует отметить, что и проект учреждения общественной структуры для осуществления образовательных, культурных и благотворительных начинаний в Святой Земле возник не на пустом месте: еще с 1840-х гг. подобная идея циркулировала в обществе и правительственных верхах. Предложения о создании Палестинского общества выдвинули в 1846 г. А. Н. Муравьев и А. С. Норов — видные сановники, литераторы и публицисты, авторы популярных книг о паломничестве в Святую Землю. В 1857 г. с подобным проектом выступил первый начальник РДМ архимандрит Порфирий (Успенский), в 1868 и 1875 гг. — Антонин. План создания общества разрабатывался в 1860-е гг. в окружении императрицы Марии Александровны³. На данные

¹ Письмо Н. П. Игнатъева Антонину от 12 сентября 1869 г. См.: *Дмитриевский А. А.* Граф Н. П. Игнатъев как церковно-политический деятель на Православном Востоке (по неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии о. архимандриту Антонину (Капустину)) // А. А. Дмитриевский. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.; СПб.: ИППО — Изд-во Олега Абышко, 2009. С. 524.

² Письмо Антонина Н. П. Игнатъеву от 17 октября 1869 г. // Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатъевым. С. 144.

³ *Дмитриевский А. А.*: 1) Епископ Порфирий (Успенский) // А. А. Дмитриевский. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 170—171; 2) Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшие четверть века:

наработки во многом опирался В. Н. Хитрово. «Многое в Палестине невозможно сделать прямым вмешательством правительства и легко достигнуть частному Обществу или правительству через подобное Общество», — писал он обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву, еще одному влиятельному сановнику, чье содействие сыграло немалую роль в учреждении ИППО¹. Само учреждение, состоявшееся в мае 1882 г., во многом отразило дух новой эпохи, характеризовавшейся значительным усилением религиозно-консервативных настроений и в обществе, и в правительственных верхах после гибели от руки террориста Александра II.

Вступление на престол 1 марта 1881 г. Александра III — ученика К. П. Победоносцева, отличавшегося повышенным вниманием к церковным вопросам и историческим традициям России, — способствовало складыванию обстановки, благоприятствовавшей реализации замысла В. Н. Хитрово. Обращение к религии стало важнейшим компонентом духовных исканий, охвативших консервативные круги общества после трагедии царевубийства. В мае 1881 г. братья царя великие князья Сергей и Павел Александровичи и двоюродный брат самодержца великий князь Константин Константинович совершили паломничество в Святую Землю в память об Александре II и скончавшейся в 1880 г. Марии Александровне. К этому времени благодаря поддержке Путятина и Победоносцева Хитрово смог завязать отношения с влиятельными лицами из окружения Сергея Александровича: полковником М. П. Степановым, бывшим воспитателем великого князя адмиралом Д. С. Арсеньевым — и выдвинул идею пригласить князя стать председателем Палестинского общества. Сергей Александрович принял приглашение, инициатива Хитрово была одобрена царем. Это решение открывало путь учреждению Общества, открытие которого состоялось 21 мая — в канун второй годовщины со дня кончины Марии Александровны и в день прибытия великих князей в Святую Землю в 1881 г.

Будучи порождением частной инициативы, Общество, в значительной степени опиравшееся на сеть неформальных связей в правительственных и придворных верхах, с самого начала подчеркнуто дистанцировалось от

1882–1907. М.; СПб.: ИППО — Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 84, 190; *Антонин (Капустин), архим.* Из Иерусалима: Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. М.: Индрик, 2010. С. 114; *Смирнова И. Ю.* Митрополит Московский Филарет (Дроздов) и русская церковная политика на православном Востоке // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. С. 177.

¹ *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество... С. 239.

официальных бюрократических структур. Подобный мотив прослеживается в выступлениях активистов ИППО на протяжении всего периода его существования. «Несостоятельность наших наличных учреждений в Святой Земле и их дореформенных канцелярских приемов выяснилась до очевидности и вызвала учреждение Палестинского Общества» — описывал в 1895 г. ситуацию пятнадцатилетней давности видный деятель ИППО М. П. Соловьев¹. Общество «потому и возникло, что русское консульство и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме одни, без поддержки широких общественных кругов, не могли справиться с теми задачами, которые ставили перед ними постепенно развивавшееся паломническое движение в Св(ятой) Земле и русские интересы на турецком Востоке» — подчеркивал в 1916 г. управляющий подворьями Общества в Иерусалиме П. И. Ряжский². Разумеется, без определенной официальной поддержки новая структура, при всем антибюрократическом пафосе ее руководителей, существовать бы не смогла. Однако такую поддержку, особенно поначалу, эти руководители стремились заполучить не путем установления неких формализованных связей с тем или иным бюрократическим органом, а через опору на личный почин отдельных видных чиновников, известных своим интересом к вопросам религии и просвещения.

Так, первым председателем Отдела ученых изданий и исследований ИППО стал Дмитрий Фомич Кобеко, крупный чиновник Министерства финансов, известный историк, библиограф, с 1902 г. — директор Публичной библиотеки в Петербурге. Вице-председателем Общества в 1884—1895 гг. состоял Федор Петрович Корнилов — член Государственного совета, управляющий делами Комитета министров в 1861—1875 гг., брат известного деятеля народного просвещения в Западном крае И. П. Корнилова. Очень большой вклад в работу ИППО внес видный педагог Николай Милюевич Аничков, один из руководителей Министерства народного просвещения, в 1896—1898 гг. — товарищ министра³. Наконец, ярким воплощением личного почина и самостоятельной инициативы был фактический основатель Общества Хитрово, занимавший вначале пост помощника председателя,

¹ *Соловьев М. П.* Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество. М.: Индрик, 2012. С. 62.

² Взаимодействие и отношения Императорского Православного Палестинского Общества и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме по неизвестным документам АВПРИ // ППС. Вып. 108. С. 117.

³ *Дмитриевский А. А.* Н. М. Аничков // А. А. Дмитриевский. Палестинское общество и русские школы на Востоке: Статьи, очерки, отчеты. М.; СПб.: ИППО — Изд-во Олега Абышко, 2014. С. 94—202.

с 1889 г. — секретаря ИППО. Во многих случаях Василий Николаевич сам выступал инициатором тех или иных предприятий Общества, добивался их утверждения на Совете Общества, а затем играл решающую роль в их реализации. «Его упорной настойчивости в преследовании задач, положенных в основание деятельности общества и, главное, его горячей до фанатизма, непоколебимой преданности этим задачам общество почти всецело обязано своим развитием», — отмечалось в 1903 г. в некрологе Хитрово¹.

Создавая ИППО, его учредитель прекрасно понимал, что такого рода структура не сможет существовать без поддержки на самом высшем уровне, со стороны одного из членов императорской семьи, и его предвидение полностью оправдалось. Пост руководителя ИППО отнюдь не был для Сергея Александровича формальностью. Августейший председатель Общества сыграл значительную роль в его защите от натиска со стороны Министерства иностранных дел (МИД), которое крайне болезненно реагировало на создание новой структуры, воспринимая это как вторжение в сферу его компетенции. Сергей Александрович добился в 1888 г. смещения консула в Иерусалиме Д. Н. Бухарова, вступившего в конфликт с Палестинским обществом и РДМ. Спустя год Обществу была передана Палестинская комиссия — формально межведомственное, на фактически состоявшее в ведении МИД учреждение, занимавшееся обеспечением материальных потребностей паломников в Святую Землю. Общество в связи с этим получило титул «Императорское». В 1891 г. на пост консула в Иерусалиме было назначено доверенное лицо Сергея Александровича — С. В. Арсеньев, племянник воспитателя великого князя. По словам советника министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа, ИППО в этом году даже подало царю записку с предложением назначать консулов в Иерусалим и другие города региона только с согласия Общества². Рескрипты великого князя на имя епархиальных архиереев способствовали успешному созданию местных отделов Общества, начавшемуся в 1893 г. Важную роль в начинаниях ИППО играла и поддержка со стороны Победоносцева, который в 1860—1870-е гг. входил в окружение Марии Александровны и пользовался симпатиями как Александра III, так и Сергея Александровича (был преподавателем у них обоих). Внимание, которое обер-прокурор оказывал ИППО, определялось не только личными симпатиями, но и тем,

¹ Годовое общее собрание ИППО 4 ноября 1903 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества (далее — СИППО). 1903. Т. XIV, ч. 1. № 3. С. 157.

² Ламздорф В. Н. Дневник. 1891—1892. М.; Л.: Academia, 1934. С. 93—94 (запись от 12 апреля 1891 г.).

что данная структура до известной степени служила воплощением его представлений относительно принципов, которые следовало положить в основу организации системы государственного управления.

Стремление к организации церковно-государственных начинаний, внешнеполитической деятельности общественных структур на неформальных, небюрократических началах было близко обер-прокурору. Он полагал, что именно широкое внедрение подобных принципов в политическую систему России обеспечит царю свободу власти и распоряжения, восстановит истинный смысл монархии, во многом искаженный к концу XIX в. воздействием бюрократии. Одним из очагов свободной, живой деятельности и виделось Палестинское общество. «Поистине скажу, — писал обер-прокурор Александру III в 1888 г. относительно деятельности ИППО, — что в иерусалимском деле, имеющем для нас большую важность, только Палестинское общество принялось делать и делает настоящее дело... потому что взялось за дело не по-чиновничьи». Задачу сохранения на Ближнем Востоке источника нравственной силы России, «незаметно для глаз, но существенно привлекающей к нам сочувствие местного населения», нельзя было, по мнению Победоносцева, решить «формальным действием бюрократических властей», а созданная Хитрово структура являла альтернативу такому действию¹. Рассматривая Палестинское общество как основу для широкого развития небюрократических начинаний, обер-прокурор стремился использовать его активистов в качестве одного из инструментов неформального управления в церковно-государственной сфере. Хитрово фактически стал личным доверенным советником Победоносцева по делам Палестины, выполнял его ответственные поручения по осмотру русских учреждений в Святой Земле, обсуждал с ним важные государственные вопросы, в частности о назначении консулов.

Улавливая интерес обер-прокурора к обществу и, видимо, догадываясь об идеологических мотивах, лежавших в его основе, деятели ИППО стремились максимально использовать этот интерес для реализации своих целей. К бывшему наставнику царя обращались с проблемами, решить которые обычным путем было очень сложно. «Если Вы отказываетесь от этого дела, если государь император ничего не может сделать, то кто же может? — писал Хитрово Победоносцеву в 1887 г. по поводу быстрого распространения в Палестине католичества, виной чему, с его точки зрения, было пренебрежение к пастве со стороны греческого Иерусалимского патриархата. — Возьмите дело в Ваши

¹ Письмо от 4 августа 1888 г. // Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. 2. М.: Новая Москва, 1926. С. 188–189.

руки, руководите им и мною, все мое знание и всю мою любовь к нему всецело передаю в Ваше распоряжение»¹. Покровительство Победоносцева, как и поддержка Сергея Александровича были критически важны для Общества в ходе его противостояния с МИД². Последнее, по мнению активистов Общества, было чересчур сковано в своей деятельности формализмом, стремлением угодить «европейскому концерту». Задачи же организации идеологически окрашенных начинаний в церковной сфере, в области образования и культуры — направлениях, без развития которых было невозможно обойтись в Святой Земле, — ему были чужды по определению. «В деле чисто духовном, религиозном, распорядителем является — Министерство иностранных дел, занятое совсем иным делом и для которого вопросы эти представляются не более как лишней перепиской», — раздраженно писал Хитрово Победоносцеву по этому поводу в 1882 г.³

Разумеется, противостояние ИППО с официальными структурами — при всей поддержке, которую оказывали Обществу высокопоставленные покровители в верхах и при всем искусстве использования неформальных связей, — бесконечно продолжаться не могло. Обстановка исканий в духе «небюрократического самодержавия», порожденная особыми обстоятельствами начала 1880-х гг., рано или поздно должна была смениться возвращением к традиционным принципам управления. Что касается Общества, то за свой высокий статус оно чем дальше, тем больше должно было платить компромиссами с существующими правительственными структурами. Еще в 1883 г. Общество было вынуждено согласиться с тем, что его контакты с уполномоченными на местах будут осуществляться только с ведома МИД⁴. Передача Обществу дел и имуществ Палестинской комиссии сопровождалась введением в его Совет представителей МИД и Синода. Вице-председателя

¹ Письмо Хитрово Победоносцеву от 1 апреля 1887 г. // К. П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. М.; СПб.: Индрик, 2017. С. 297.

² Детали этого противостояния подробно раскрыты в дневнике советника министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа. См.: *Ламздорф В. Н. Дневник В. Н. Ламздорфа. 1886—1890.* М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 123, 202—203, 348 (записи от 7 февраля 1889 г., 21 и 24 марта 1889 г., 25 ноября 1891 г.). *Ламздорф В. Н. Дневник. 1891—1892.* С. 55—57, 93—94 (записи от 27 февраля и 12 апреля 1891 г.).

³ Письмо Хитрово Победоносцеву от 16 октября 1882 г. // К. П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 88.

⁴ Отчет Православного Палестинского общества за 1883—1884 гг. СПб., 1884. С. 89.

ИППО стал утверждать император, на рассмотрение последнего вносились ежегодные сметы и отчеты организации. Дела, ранее находившиеся в ведении Палестинской комиссии, не подлежали обсуждению общего собрания ИППО. В 1898 г. в Совет Общества вошел и представитель Министерства народного просвещения.

Хотя ИППО официально считалось общественной организацией, основу его средств составляли не членские взносы и доходы от имуществ, а так называемый Вербный сбор, осуществлявшийся в церквях на праздник Входа Господнего в Иерусалим по распоряжению Синода. Это само по себе предопределяло тесную связь Общества с духовным ведомством. С начала 1900-х гг. ИППО все сильнее стало зависеть напрямую от государственного бюджета — выдававшихся государством кредитов, а затем и прямого финансирования. Подобная ситуация была связана как с расширением масштабов образовательной, благотворительной и религиозной деятельности в Святой Земле, так и с постепенным падением Вербного сбора после начала Русско-японской войны и особенно революции 1905—1907 гг.¹ Подобное нарастание государственного финансирования служило дополнительным фактором, способствовавшим усилению зависимости Общества от правительства. И тем не менее до конца существования ИППО сохраняло черты автономной структуры, деятельность которой в значительной степени основывалась на самостоятельном почине ее активистов и не всегда совпадала с указаниями государственных ведомств. Сам замысел создания ИППО и многие аспекты его деятельности явились отражением особой атмосферы, сложившейся в правительственных верхах и консервативных кругах общества в 1880—1890-е гг. —

¹ С 1900 г. ИППО начало получать ежегодно 30 тыс. руб. из государственного бюджета, а в следующем году ему из сумм МИД был выдан крупный единовременный кредит — 500 тыс. На погашение данного займа ежегодно перечислялись назначенные в 1900 г. 30 тыс., но с 1906 г. правительство освободило ИППО от данных выплат. С 1905 г. Обществу ежегодно перечислялось по 75 тыс. из сумм так называемых «преклоненных имений» в Бессарабии (считавшихся владением Иерусалимской патриархии, но секвестрированных российским правительством). Наконец, с 1909 г. для поддержания системы школ Обществу ежегодно выделялось 60 тыс., благодаря чему с ИППО, по словам его руководства, были «сняты бременем лежавшие на его бюджете расходы». См.: *Никонова А. И.* Бюджеты Министерств иностранных дел в Западной Европе и в России на благотворительные и учебно-воспитательные заведения в Палестине и Сирии // СИППО. 1911. Т. 22, вып. 2. С. 241—248; Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества 28 апреля 1913 г. // СИППО. 1913. Т. 24, вып. 2. С. 213.

стремления оживить религиозные начала, лежащие в основе консервативных воззрений, придать динамичность самодержавной форме правления, очистив ее от изъянов бюрократизма. Разумеется, далеко не все замыслы создателей Палестинского общества удалось воплотить в жизнь. Однако и то, что было сделано, способствовало тому, что начинания общества стали важной страницей духовной и общественно-политической жизни России поздней имперского периода.

Литература

- Антонин (Капустин), архим.* Из Иерусалима: Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. М.: Индрик, 2010. 511 с.
- Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшие четверть века: 1882–1907. М.; СПб.: ИППО – Изд-во Олега Абышко, 2008. 640 с.
- Дмитриевский А. А.* Палестинское общество и русские школы на Востоке: Статьи, очерки, отчеты. М.; СПб.: ИППО – Изд-во Олега Абышко, 2014. 413 с.
- Дмитриевский А. А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.; СПб.: ИППО – Изд-во Олега Абышко, 2009. 704 с.
- К. П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. М.; СПб.: Индрик, 2017. 535 с.
- Ламздорф В. Н.* Дневник В. Н. Ламздорфа. 1886–1890. М.; Л.: Госиздат, 1926. 408 с.
- Ламздорф В. Н.* Дневник. 1891–1892. М.; Л.: Academia, 1934. 408 с.
- Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым. 1865–1893. М.: Индрик, 2014. 479 с.
- Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. 2. М.: Новая Москва, 1926. С. 188–189.
- Православное Палестинское общество на служении Церкви и русскому народу. По поводу XXXV-летия деятельности Общества в Святой Земле (1882–1917) // Православный Палестинский сборник. Вып. 108. М.: Индрик, 2012. С. 55–84.
- Смирнова И. Ю.* Митрополит Московский Филарет (Дроздов) и русская церковная политика на православном Востоке // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. С. 164–180.
- Соловьев М. П.* Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество. М.: Индрик, 2012. 247 с.

В. В. Цысь, О. П. Цысь

Роль секретаря Императорского Православного Палестинского общества В. Н. Хитрово в подготовке и издании литературы для Палестинских чтений

В статье рассматривается деятельность секретаря Императорского Православного Палестинского общества В. Н. Хитрово (1834–1903) по подготовке и изданию литературы для Палестинских чтений, организовавшихся в конце XIX — начале XX в. региональными отделами данной общественно-религиозной организации. Отмечена ключевая роль В. Н. Хитрово в отборе и редактировании всех трех видов палестинских изданий «для народа»: «чтений», «бесед» и «листочков».

Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, доцент профессор кафедры истории России и документоведения Нижневартовского государственного университета.

Valery V. Tsys, Dr (History), Associate Professor, Professor of the Department of Russian History and Documentation of Nizhnevartovsk State University.

tsysv@rambler.ru

Цысь Ольга Петровна, кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России и документоведения Нижневартовского государственного университета.

Olga P. Tsys, PhD (History), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation of Nizhnevartovsk State University.

tsyso@rambler.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-41001.

© В.В. Цысь, О.П. Цысь, 2023

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское общество, его региональные отделы, В. Н. Хитрово, В. Д. Юшманов, Палестинские чтения, издательская деятельность, издания для народа.

Valery V. Tsys, Olga P. Tsys

The role of the Secretary of the Imperial Orthodox Palestinian Society V. N. Khitrovo in the preparation and publication of literature for Palestinian Readings

The article examines the activities of the Secretary of the Imperial Orthodox Palestinian Society V. N. Khitrovo (1834–1903) in the preparation and publication of literature for Palestinian readings organized in the late 19th – early 20th century by regional departments of this socio-religious organization. The key role of V. N. Khitrovo in the selection and editing of all three types of Palestinian publications “for the people”: “readings”, “conversations”, and “leaflets” are noted.

Keywords: Imperial Orthodox Palestinian Society, its regional departments, V. N. Khitrovo, V. D. Yushmanov, Palestinian readings, publishing, publications for the people.

Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) – известный общественный деятель, инициатор создания и фактический руководитель организованного в 1882 г. Православного Палестинского общества (в 1889 г. ставшего Императорским, далее – ППО, ИППО). Его энтузиазм, энергия, искренняя вера в правильность выбранного пути на протяжении первых двух десятилетий существования направляли работу ИППО. Сложно сказать, в каких сферах не проявились бы таланты В. Н. Хитрово: в организационной, финансовой, научной, пропагандистской, дипломатической. Облеченный высоким доверием членов царской семьи, опираясь на круг деятельных помощников, он сумел в короткие сроки превратить созданную им организацию в эффективный инструмент по укреплению российского гуманитарного присутствия на

Ближнем Востоке и значимый фактор общественной жизни внутри нашей страны.

Изучаемая нами тема затрагивалась как в работах, посвященных научной и издательской деятельности ИППО¹, так и в рамках сюжетов об одном из его основателей — В. Н. Хитрово². Однако внимание авторов, как правило, привлекала публикация результатов исследований прошлого Святой Земли, включавшихся в «Православные Палестинские сборники». Роль секретаря ИППО в подготовке литературы «для народа», на наш взгляд, остается недооцененной.

Нужно отметить, что Василий Николаевич обладал большим опытом публичных выступлений и мог подать пример любому в деле подготовки правильно, логически выстроенного, эмоционально убедительного текста. Достаточно вспомнить вызвавшее огромный резонанс в петербургском обществе прочитанное им в течение двух вечеров, 23 и 30 марта 1880 г., в зале Императорского Географического общества сообщение, «среднее между докладом и публичной лекцией», — «Православие в Святой Земле»³. Этот материал был позднее опубликован отдельной книгой и в дальнейшем широко использовался в ходе просветительской работы по разъяснению целей и задач ППО.

В записке В. Н. Хитрово 1882 г. отмечается значение издательской деятельности ППО. Автор указывает на необходимость обращаться к различным

¹ См.: *Зими́на О. Г.* Издательская деятельность Православного Палестинского Общества в 1882–1917 годах (Фонды библиотеки Эрмитажа) // Пилигримы: Историко-культурная роль паломничества: сборник научных трудов: к XX Международному конгрессу византинистов, Париж, 19–25 августа 2001 г. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2001. С. 178–183; *Пумпя́н Г. З.* Издательская деятельность и публикации Императорского Православного Палестинского Общества (1881–2007) // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества, 1881–2007. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Альфарет, 2009. С. 360–438; *Чернышова Н. К.* Императорское Православное Палестинское общество: издательская и культурно-просветительская деятельность сибирских отделов // Традиции и современность. 2002. № 1. С. 77–85; *Капустина В. И.* Издательская деятельность Императорского Православного Палестинского общества в XIX — начале XX века // Книга в современном мире: проблемы чтения и чтение как проблема: материалы международной научной конференции, 25–27 февраля 2014 года. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2014. С. 86–91.

² См.: *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: Индрик, 2006. С. 178–180.

³ Там же. С. 166.

слоям читающей публики, приходит к заключению, что следует удовлетворить разнообразные вкусы путем издания «Вестника Общества» (прообраз будущих «Сообщений ИППО»), а также в виде приложений к нему — «книги для народного чтения... русские путешествия и более значительные ученые сочинения и исследования»¹.

Сам же В. Н. Хитрово, несмотря на то, что являлся своего рода «мотором» деятельности ИППО и был поглощен множеством обязанностей по занимаемой им должности секретаря, находил время для публичных выступлений на палестинскую тематику. Так, можно отметить его речь на общем собрании, состоявшемся несколько дней спустя после открытия Полтавского отдела ИППО, — первое «чтение», которое должно было не только сообщить присутствующим о предыстории создания и текущих задачах организации, но и показать образец подобного рода выступлений будущим лекторам. В тексте «чтения» автор умело сочетает различные риторические приемы, чередует перечисление фактов с описанием эмоционально ярко окрашенных событий из жизни русских паломников и православного населения Палестины². «То, что говорят книги, мы изучали в течение почти 18 веков, но то, что говорят камни, мы начали изучать едва ли в последние полстолетия»³, — сообщал В. Н. Хитрово о научных задачах ИППО.

Торжественное открытие Полтавского отдела произошло 16 мая 1899 г. Можно со всей уверенностью сказать, что произнесенное В. Н. Хитрово «чтение» не могло не произвести впечатления на слушателей и стало основой для аналогичных выступлений. Как отмечалось на страницах местного губернского издания, «Общество ставит первую задачею своей деятельности возможно широкое распространение в русском народе сведений как о прошлых судьбах, так и о современном состоянии Палестины и ее обитателей. Собирая же от русского народа материальные пожертвования и распоряжаясь по указанному выше назначению, Общество считает долгом знакомить жертвователей и всех сочувствующих его деятельности как со способами исполнения возложенной на него миссии вообще, так и в частности с употреблением идущих чрез его руки пожертвований. Для достижения той и другой цели устраиваются, между прочим, повсеместно, где существуют Отделы Общества, чтения

¹ См.: *Дмитриевский А. А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907 / Вступ. ст. и послесл. Н. Н. Лисового. М., 2008. С. 270.

² См.: *Хитрово В. Н.* Речь на открытии Полтавского отделения Императорского Православного Палестинского общества. Рукопись // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (далее — АВ ИВР). Ф. 120. Оп. 1. Д. 185.

³ Там же. Л. 7 об.

о Святой земле и деятельности Палестинского Общества. Полтавский Отдел сего Общества руководствуется теми же соображениями, открывая, по благословению Преосвященнейшего своего Председателя, Владыки Иллариона, такие чтения в Полтаве, Кременчуге, Переяславе, Лубнах и Ромнах»¹.

Талантливый организатор являлся не менее одаренным публицистом. Его перу принадлежит выдержавший за 20 лет 13 изданий² «Рассказ старого паломника» — стилизация под речь простого крестьянина, одобренная для использования в учебных заведениях тремя учебными комитетами: при Св. Синоде, при Министерстве народного просвещения и при Военном министерстве³. В современной отечественной историографии высказывается мнение о «лубочности» языка «Рассказа...» и чуть ли не примитивной «мистификации»⁴. С этой оценкой вряд ли можно согласиться, ее опровергают и чрезвычайная популярность названной книги, доступность, простота и ясность ее содержания.

Разумеется, один В. Н. Хитрово не мог закрыть потребность в популярных брошюрах «для простого народа». Объективная необходимость в них возникла почти сразу же после появления в середине 1890-х гг. сети региональных отделов ИППО. Развертывание широкой культурно-просветительской работы на местах было вряд ли возможным без наличия небольших по объему текстов, которые лекторы могли бы использовать при подготовке к Палестинским чтениям.

Всего в течение очень короткого времени было выпущено 74 «палестинских чтения» и еще 30 «бесед». В разное время они переиздавались, иногда сборниками⁵, а также публиковались в журналах.

¹ А. В. К открытию чтений о Святой земле и о деятельности Императорского Православного Палестинского Общества // Полтавские губернские ведомости. 1900. № 45. С. 2.

² См.: Лисовой Н. Н. В. Н. Хитрово — основатель Императорского Православного Палестинского Общества // В. Н. Хитрово. Собрание сочинений и писем. СПб.: изд-во О. Абышко, 2011. Т. 1. С. 29.

³ См.: Хитрово В. Н. К Животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника. СПб., 1884. 121 с.

⁴ См.: Чач Е. А. Христианский Восток в изданиях для народа в России конца XIX — начала XX в.: к постановке проблемы // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 132—133.

⁵ См., например: Девять бесед на Святой земле Архим. о. Иоанна Верюжского. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1898. [2], 78 с.; Пять бесед о Святой Земле. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1910. 46 с. и др.

Как показывают источники личного происхождения (в частности, переписка членов Совета ИППО с представителями региональных отделов, научного сообщества, выявленная в АВ ИВР РАН, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки), в вопросах подборки авторов, содержания изданий для народа ключевую роль играл именно В. Н. Хитрово. Несколько брошюр подготовил он сам: «чтения» № 38–44 под обобщенным названием «Русские паломники Святой Земли»¹.

Секретарь ИППО также внимательно отслеживал выпускающиеся по близкой к палестинской тематике работы, если проявлял заинтересованность, то к авторам обращался с соответствующими просьбами, о чем свидетельствует следующее письмо известному филологу, литературоведу, академику А. Н. Пыпину от 18 апреля 1896 г.:

«Милостивый Государь, Александр Николаевич. В Августовской книге Вестника Европы помещен Ваш труд: Паломничество и путешествия в старой письменности. Императорское Православное Палестинское Общество занято ныне изданием целого ряда чтений о Св. Земле было бы в высшей степени желательно украсить это издание свое Вашим трудом, исключив из него лишь те путешествия, которые относятся до Индии и запада (Стр. 750–756). Ввиду этого я как секретарь общества позволю себе обратиться к Вам... с покорнейшей просьбою разрешить обществу напечатать Ваш труд в чтениях, издаваемых обществом, и в случае Вашего на то согласия почтите мое уведомление, сообщив одновременно и... на которые Вам будет право дать свое разрешение»².

Согласие от А. Н. Пыпина было получено, автор провел необходимую редакторскую правку, получил пять экземпляров этого труда³ и глубокую благодарность «за предоставленное Вами ему [ИППО] право воспользоваться ценным Вашим трудом»⁴.

¹ См.: *Хитрово В. Н.* 1) Русские паломники Святой Земли. 38-е чтение. Путь до Иерусалима. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1896. 36 с.; 2) Русские паломники Святой Земли. 39-е чтение. Иерусалим и его ближайшие окрестности (I). СПб.: тип. В. Киришбаума, 1896. 46 с. и др.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 621. Оп. 1. Д. 948. Письмо В. Н. Хитрово от 18.04.1896 г.

³ См.: *Пыпин А. Н.* 1) Древнерусское паломничество. 36-е чтение (I). СПб.: тип. В. Киришбаума, 1896. 80 с.; 2) Древнерусское паломничество. 37-е чтение (II). СПб.: тип. В. Киришбаума, 1897. 68 с.

⁴ ОР РНБ. Ф. 621. Оп. 1. Д. 948. Письмо В. Н. Хитрово от 19.01.1897.

Более детально характеристика вопросов, связанных с процессом работы секретаря ИППО над текстами чтений, переговоры с авторами отражены в его письмах непосредственно к секретарю канцелярии ИППО В.Д. Юшманову.

29 мая 1899 г.: «Я Вам выслал, добрейший Владимир Дмитриевич, 22 вып. чт. о Св. 3.[емле] Соловьева, следом высылаю 23, 24, 25 вып. Их можно с богом печатать и соответствующие картины заказать. Ветхозаветной истории его остается у меня еще на четыре выпуска 26, 27, 28 и 29¹. Это я пришлю Вам в июне. Кроме Соловьевских чтений я прислал Вам еще два чтения о Синае² в оригинале...»³.

12 июля 1901 г.: «Чтения 67 и 68 не успел просмотреть. Сделал сокращение в статье Грекова⁴. Я ее прочитал внимательно и затем уже сделал сокращение»⁵.

2 августа 1901 г.: «Посылаю Вам, добрейший Владимир Дмитриевич... 2-е чтение Елеонского⁶. Как писал Вам в последний раз, второе и последующие его чтения, нужно печатать также как напечатано первое чтение. Нельзя одно чтение печатать в одном виде, а его продолжение в другом»⁷.

Приведенная выше переписка со всей очевидностью показывает, что В. Н. Хитрово принадлежала ключевая роль в отборе и отчасти подготовке материалов для народных чтений о Святой Земле.

Более объемные «чтения» предназначались преимущественно для лекторов, образованной публики. Для продажи по минимальной цене (2–3 коп.) использовались «беседы», в которых, опять же по решению В. Н. Хитрово, число страниц должно было составлять от 8 до 16.

¹ Речь идет о подготовке изданий для палестинских чтений (были выпущены под № 9–30), подготовленных кафедральным протоиереем из г. Зарайска, Рязанской губернии Владимиром Семеновичем Соловьевым.

² Вероятно, упоминаются чтения № 51 и 52 В. Г. Добронравова «Богосшественная гора Синайская. Описание ее», изданные в 1899 г.

³ АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 75. Л. 9.

⁴ Речь идет о подготовке издания: Места страданий, смерти и воскресения Спасителя Ф. К. Грекова (Палеолога). 67-е чтение. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1901. 24 с.

⁵ АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 75. Л. 35.

⁶ См.: Описание Святой Земли по протоиерею Н. А. Елеонскому. Общее понятие о Святой Земле. 1-е чтение. 3-е изд. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1901. 32 с.; Описание Святой Земли по протоиерею Н. А. Елеонскому. Горы Святой Земли (I). 2-е чтение. 3-е изд. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1901. 58 с.; и др.

⁷ АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 75. Л. 40.

Здесь деятельность секретаря ИППО была не менее, а иногда и более интенсивной. Так, ему пришлось серьезно отредактировать все семь «Бесед о Святой Земле» священника Н. Панова¹. Не менее значительной правке подверглась «Беседа о содействии Православным в Святой земле» епископа Смоленского и Дорогобужского Никанора (Каменского).

В ряде случаев В. Н. Хитрово предлагали свои лекции для публикации представители региональных отделов, в основном приходские священники и преподаватели духовных учебных заведений. Так, в письме 10 апреля 1901 г. делопроизводитель Томского отдела ИППО А. М. Курочкин обратился к В. Д. Юшманову:

«Милостивый Государь, Владимир Дмитриевич... На общем собрании читал доклад „Святая Земля и значение дела, совершаемого в ней Императ. Правосл. Палест. Общ-вом“, составленный на основании изданных Обществом книг и брошюр... Доклад имеется у меня в черновике. Если бы вы нашли в сем докладе, что-либо достойное внимания Его Превосходительства Василия Николаевича Хитрово, то я с удовольствием представил бы его переписанным набело»². В следующем письме от 30 мая того же года А. М. Курочкин сообщил, что «с любезного разрешения Вашего, высказанного в письме ко мне от 30 апреля, при сем препровождаю на Ваш просмотр составленное мною чтение для общего собрания отдела 25 марта 1901 года. При составлении его я имел ввиду вкратце собрать доводы в пользу того, что дело общества высокополезно для всего русского народа и для каждого из нас в отдельности. Я полагаю, что в обобщенном изложении таких доводов есть немалая нужда... Покорнейше прошу Вас, в случае, если что-либо полезное найдете в этой тетради, пожалуйста, поступайте с нею по своему усмотрению, сокращайте, изменяйте, дополняйте!.. Пусть на первом плане будет польза нашего Общества; с точки зрения ее Вам виднее будет как поступить с посланною тетрадью»³.

В ответном письме, датированном 19 сентября 1901 г. В. Д. Юшманов сообщил: «Ваш доклад, читанный на общем собрании, В. Н. [Хитрово] одобрил и поместил в № 25 издаваемых Обществом бесед о Св. Земле. В чтения нельзя было его поместить, ибо не подберешь подходящих картин, печатать же без картин мы теперь не будем ни одного чтения. Авторские экземпляры и гонорар одновременно с сим препровождаем Вам, как слабое выражение благодарности за выдающееся сочувствие Ваше деятельности Общества

¹ См.: Там же. Л. 15–15 об.

² Письмо А. М. Курочкина от 10 апреля 1901 г. // АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 32.

³ Там же.

и глубокое понимание целей и призвание его. В. Н. был бы искренно обрадован, увидев в печати (в изданиях Общества) и другие труды ваши по Палестине, если бы таковые Вы признали возможным нам доставить»¹.

Подобно работе А. М. Курочкина, поступила из провинции, была благосклонно оценена В. Н. Хитрово и впоследствии издана «Беседа о земной жизни Иисуса Христа и Святой Земле Палестине» одесского священника В. И. Бабуры. «Просмотрев эту беседу... В. Н. признал возможным поместить ее под № 19 издаваемых Обществом бесед о Св. Земле», — писал В. Д. Юшманов уполномоченному ИППО в Одессе М. И. Осипову².

В. Н. Хитрово определял формат, содержание и третьего вида изданий «для народа»: бесплатно раздававшихся слушателям чтений «Палестинских листков» объемом в 2—4 страницы. Ранее для сходных целей Троице-Сергиевской лаврой выпускались так называемые «Троицкие листки», посвященные краткому описанию христианских праздников, обрядов, содержавшие поучения религиозно-нравственного содержания и т. п. В. Н. Хитрово считал возможным не дублировать, а дополнять новыми темами и сюжетами уже имеющиеся издания. «Их нужно все печатать одинаково, в одном формате, где есть с рисунками, где нет — без рисунков. Как печатать я показал на № 1 Пал. лист. <...> Пал. листки желательны преимущественно описание событий и местностей. Этого Троицкие листки не дадут ... Но кроме этого нужны поучительные на события слова и беседы и эти последние дадут Троицкие листки», — сообщал 23 июня 1900 г. В. Н. Хитрово В. Д. Юшманову³. Он также производил правки, сокращения в текстах «листков», подбирал для них иллюстрации и стихотворения.

Почти до самого конца, находясь под прессом тяжелой болезни, В. Н. Хитрово продолжал вести редакторскую и корректорскую работу. В последнем письме секретарю канцелярии ИППО от 2 февраля 1903 г. он просил: «если будет корректура присылайте ее, это еще единственное что могу делать»⁴. Преждевременная кончина секретаря ИППО 5 мая 1903 г. оставила

¹ Письмо В. Д. Юшманова от 19 сентября 1901 г. // АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 32. Следует отметить, что работы А. В. Курочкина выпускались в форме как «чтений», так и «бесед».

² АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 44. Л. 47—48.

³ Там же. Д. 75. Л. 20—20 об.

⁴ Там же. Почерк В. Н. Хитрово в этом письме меняется, становится менее разборчивым, текст выходит за пределы строк, что, на наш взгляд, отражает состояние его здоровья.

нереализованными ряд его замыслов, связанных, в частности, с подготовкой протоиереем В. С. Соловьевым популярного изложения Нового Завета для очередных выпусков «чтений».

Осознание того, какой огромный объем работы выполнял В. Н. Хитрово, пришло только после его смерти. «Никогда при последнем неутомимом умном труженике (т. е. В. Н. Хитрово. — *В. Ц., О. Ц.*) мне не приходилось писать для Общества столько, как после него, когда его не стало», — отмечал член Совета ИППО, член Государственного Совета Н. М. Аничков в письме товарищу председателя ИППО, генерал-лейтенанту М. П. Степанову летом 1905 г.¹

В другом письме Н. М. Аничков назвал секретаря ИППО «главным маховым колесом, которым приводится в движении вся машина... Со стороны может казаться, что все идет по старому, но мы сами сознаем, что души в деле нет, и нам никогда не дорасти до силы духа, оживлявшего наше дело при Вас[илии] Ник[олаевиче]... мы не погубим нам вверенного, даже не умалим, но оно у нас едва ли процветет, усилится и разовьется»².

Эти пессимистические высказывания сбылись не в полной мере. Хотя прежней интенсивности в публикации изданий «для народа» не наблюдалось, но в этом, вероятно, и не было острой необходимости, так как созданный В. Н. Хитрово задел был очень значительным и по объему, и по качеству выпущенной литературы. То, с чем справлялся секретарь ИППО один, теперь легло на плечи нескольких: профессора Киевской духовой академии В. П. Рыбинского, нового секретаря ИППО А. А. Дмитриевского, секретаря канцелярии В. Д. Юшманова. Тем не менее заслуги В. Н. Хитрово как редактора и издателя палестинских «чтений», «бесед» и «листочков» не могут быть не оценены очень высоко. Пожалуй, он даже брал на себя слишком много разнообразной работы, что не только подрывало его силы, но и в какой-то степени сковывало инициативу подчиненных, привыкших во всем полагаться на компетенцию секретаря ИППО.

¹ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 43. Л. 52.

² Письмо от 17 марта 1903 г. // Там же. Б. н.

Ю. П. БардILEVA

Просветительская, миссионерская и социальная деятельность православного духовенства Кольского Севера на рубеже XIX–XX вв.

В статье уделяется внимание ключевым направлениям деятельности Русской православной церкви на Кольском Севере в конце XIX — начале XX столетий — просветительской, миссионерской и социальной. Охарактеризована деятельность церковно-приходских школ, народных чтений, взаимодействие с лютеранскими общинами норвежских и финляндских колонистов, попечительская работа церкви.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Кольский Север, церковно-приходские школы, народные чтения, миссионерская деятельность, попечительство.

БардILEVA Юлия Петровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и права Мурманского арктического государственного университета.

Yulia P. Bardileva, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of History and Law of the Murmansk Arctic State University.

bardileva_murman@mail.ru

© Ю. П. БардILEVA, 2023

Yuliya P. Bardileva

Educational, missionary and social activity of the orthodox clergy in the Kola North at the turn of the 19th and 20th centuries

The article focuses on the educational, missionary and social activities of the Russian Orthodox Church in the Kola North in the late 19th – early 20th centuries. The activities of church parish (parochial) schools, educational and educative readings for adult population, interaction with the Lutheran communities of Norwegian and Finnish colonists, the Church's trusteeship work had been characterized in the article.

Keywords: Russian Orthodox Church, Kola North, church parish schools, educational and educative readings, missionary activity, trusteeship.

В XIX в. на Кольском Севере образовались три церковных округа (благочиния). Первый охватывал северную половину края (центр – г. Кола, с 1899 г. – Александровск), второй включал Терский берег (центр – с. Варзуга, Кузомень), третий – Кандалакшско-Ковдское поморье. К 1917 г. на территории Кольского Севера находились 23 прихода, состоявших из 53 церквей и 28 часовен¹. По сравнению же с количеством храмов и часовен численность самого духовенства была относительно невелика. Представители этого сословия в 1913 г. составляли лишь 1,73% от всего населения Кольского Севера².

В 1897 г. в Кольском уезде насчитывалось 9183 человека, среди которых, несмотря на пестрый национальный состав, большинство были православными. Из финских и норвежских поселенцев и колонистов в 1900 г. – 1048, в 1902 г. – 1500 человек принадлежали к лютеранскому вероисповеданию³.

¹ Ушаков И. Ф. Храмы Кольского Севера. Предварительные сведения // Мурманский вестник. 1995. 13 октября. С. 3.

² Ушаков И. Ф. На переломе. Кольский Север в 1914–1917 годах. Накануне лихолетья // Мурманский вестник. 1997. 15 июля. С. 3.

³ Ушаков И. Ф. Церковь на Кольском Севере в досоветский период // Региональные программы основных и дополнительных курсов по религиоведению. Мурманск, 1994. С. 129, 141.

Архангельская духовная консистория опасалась инославного влияния на местное лопарское и русское православное население. Если учесть, что, например, в Мурманско-Колонистской волости в 1905 г. число колонистов-лютеран явно преобладало над православными (966 человек против 668), то можно понять тревоги духовенства, когда встал вопрос об открытии самостоятельного лютеранского прихода в Ура-губе и г. Александровске. В 1874 г. в колонии Ура-Губе, населенной преимущественно финнами и норвежцами, возникла лютеранская часовня, а в 1905 г. на Мурмане был открыт особый евангелическо-лютеранский приход во главе с пастором Андреем Густавом Вуотилой, приехавшим из Финляндии на постоянное местожительство в г. Александровск. Открытию кирхи в немалой степени способствовало решение Архангельской духовной консистории от 2 (15) марта 1900 г. на основе отчета благочинного отца Алексея Шилова о том, что открытие лютеранского прихода не нанесет православной вере вреда. При этом подчеркивалось, что любая проповедническая или иная миссионерская работа лютеранских священников среди православных недопустима¹.

Большая часть священников, привлеченных к обсуждению вопроса об открытии лютеранского прихода (протоиереи Георгий Терентиев, Алексей Шилов, Александр Попов, игумен Трифоно-Печенгского монастыря Ионафан), склонялась к положительному решению вопроса об открытии лютеранского прихода для колонистов из Финляндии и Норвегии, объясняя, что это приведет их образ жизни в соответствие с нормами христианской морали, прикрепит к новому для части из них отечеству. Однако отец Константин Щеколдин из Пазрецкого прихода полагал, что, так как симпатии к России переселенцы не испытывают, часто выступают против решений местных властей, открытие прихода может привести к стеснению жизни русских людей на Мурманском берегу. Да и власти в Варде, сообщал он, тоже не спешат с открытием прихода для проживающих там православных².

Тревогу епархиальных властей вызывало и ослабление религиозных чувств среди православных в конце XIX в. В 1899 г. в отчете Кольского благочиния отмечалось, что четвертая часть прихожан нерадива в религиозно-нравственном отношении, что, несмотря на достаточно частые посещения

¹ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. И-8. Оп. 1. Д. 194. Л. 1, 1 об., 54; Ф. И-34. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 17; Ф. И-20. Оп. 1. Д. 133. Л. 82, 83; ГАМО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 72. Л. 11; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 218. Л. 1, 1 об.; *Ушаков И. Ф.* Церковь на Кольском Севере... С. 141; Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 812. Л. 3 об.

² ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 889. Л. 6, 6 об., 11, 11 об., 24–26.

мещанами и крестьянами богослужений, они смотрят на призыв к исполнению христианского долга равнодушно¹.

В ответ на такое положение дел из Архангельской духовной консистории в приходы Кольского Севера стали направлять специальные предписания. Так, в январе 1901 г. причтам Териберского и Варзужского приходов рекомендовалось проводить с прихожанами чтения о приготовлении к исповеди и причастию, устраивать беседы с верующими, произносить в церкви святоотеческие поучения, побуждать нерадивых к исполнению христианского долга через их близких и родных, не прибегая ни в коем случае к «полицейским строгим мерам». Советовали также посещать на дому упорно не желавших приступать к исповеди и причастию, предварительно упомянув о них по окончании службы как о нерадивых в исполнении христианского долга. Указ-предписание из Архангельской духовной консистории от 9 ноября 1904 г. подчеркивал: «...пастырям церкви вместе с настойчивым осуждением праздничного разгула, следует учить народ истинному, благочестному, Богу угодному препровождению установленных Святой церковью праздников». Самим же священникам вменялось благоговейное исполнение богослужений, отзывчивость на религиозные нужды прихожан, повышение своего уровня путем самообразования².

Еще одной проблемой в распространении вероучения в губернии становилась проблема раскольников. К маю 1911 г. в Архангельской губернии насчитывалось более 11 тыс. старообрядцев различных толков. И хотя для Кольского края проблема эта остро не стояла, все же епархиальные власти сочли необходимым напомнить о мерах по укреплению православия. Предложено было открывать в приходах библиотеки-читальни для народа с книгами, брошюрами, журналами миссионерского содержания, с церковных кафедр раскрывать в проповедях и внебогослужебных собеседованиях пагубность раскола и более подробно уяснять истины православной веры, устраивать религиозно-нравственные беседы по деревням, создавать кружки ревнителей православия и т. п.

Духовенство Кольского края помимо богослужений и миссионерской работы вело среди прихожан и активную просветительскую деятельность. Десятки церковно-приходских школ помогали местным жителям овладевать грамотой, расширяли их кругозор, давали первоначальное образование.

Долгое время ведение занятий с детьми зависело от личной инициативы отдельных пастырей. С 1884 г. по распоряжению правительства стали

¹ Ушаков И. Ф. Церковь на Кольском Севере... С. 142.

² ГАМО. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 194. Л. 1, 1 об.; Ф. И-34. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 17.

повсеместно создаваться церковно-приходские школы с двухлетним сроком обучения (с 1899 г. — трехлетним). «Школы сии, — гласил указ, — имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». В учебный план входили следующие предметы: «1) закон Божий, а именно: а) изучение молитв; б) священная история и объяснение богослужения; в) краткий катехизис (изложение основ вероучения в форме вопросов и ответов); 2) церковное пение, 3) чтение церковной и гражданской печати и письмо; 4) начальные арифметические сведения». Правительство больше заботилось о воспитании верноподданных христиан, нежели об их образовании. Церковно-приходские школы, согласно § 9 Устава, «нераздельно с церковью должны внушать детям любовь к церкви и богослужению, дабы посещение церкви и участие в богослужении соделалось привычкой и потребностью сердца учащихся. В воскресные и праздничные дни учащиеся должны присутствовать при богослужении, а способные, по надлежащей подготовке, должны участвовать в церковном чтении и пении»¹.

К началу 1892 года в Кольском крае было открыто 11 церковно-приходских школ, в которых обучались 137 мальчиков и 48 девочек.

Из 9183 жителей Кольского уезда в конце XIX в. грамотными были 2624 человека. Значительная часть населения научилась читать и писать в церковно-приходских школах. Часть духовенства занималась с детьми с увлечением, другая относилась к учению нерадиво и вызывала нарекания родителей.

Процесс организации учебного заведения при приходе был сложен. Местное население приветствовало открытие школ, но не в силах было помочь с помещением, литературой, кадрами. Так, в конце XIX в. некоторые школы не имели постоянного собственного помещения, что становилось периодически причиной их временного закрытия (например, Ковдская школа во втором полугодии 1904 г., Печенгская школа в 1890 г.). В то же время, например, Баркинская школа находилась на попечении Печенгского монастыря, предоставлявшего ей помещение и финансы; а благодаря

¹ Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, о Высочайше утвержденных в 13 день июня 1884 года «Правилах о церковно-приходских школах» // Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке: биографическая база данных и собрание материалов. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/92/0a/920a0459-9d20-4920-8633-7216a7e1a68c.pdf?ysclid=19wpo34h94527542378> (дата обращения: 15.09.2021).

пожертвованиям обер-прокурора К. П. Победоносцева и русского консула в Норвегии Д. Н. Островского свой дом получила Пазрецкая школа. В большинстве школ ощущалась нехватка принадлежностей для письма, наглядных и учебных пособий. Ситуация стала меняться лишь в 1910-е гг. Собственные здания получили Териберская и Тетринская церковно-приходские школы. По оснащенности они практически ничем не уступали светским городским и сельским училищам¹.

В 1913 г. на территории Александровского уезда работали 14 церковно-приходских школ, в которых обучалось 348 детей. Несмотря на ограниченность получаемых учащимися знаний, эти школы способствовали распространению грамотности и повышению нравственности прихожан². Практически во всех них занятия по Закону Божию вели священники или псаломщики местных приходов, на которых иногда возлагалась обязанность и по проведению уроков арифметики, чтения, письма. Однако следует отметить, что в начале XX в. даже в церковно-приходские школы, не говоря уже о школах Министерства народного просвещения, стали стараться приглашать профессиональных учителей, оставляя за Церковью лишь вопросы духовного, религиозного воспитания. Так, в Чапомском, Умбском, Тетринском приходах занятия со школьниками вели выпускники женских епархиальных училищ Анна Синцова, Ольга Галактионова, Татьяна Подоксенова, имевшие звание «домашние учительницы»³. В Кашкаранском приходе работал Петр Лысков, окончивший Воскресенское двухклассное училище со званием учителя⁴. Но в колониях на побережье зачастую обходились без нанимаемых учителей. Например, в Териберке в местной школе грамоты учителем более 15 лет был псаломщик Федор Иванов, а законоучителем — священник отец Лавр Сперанский⁵.

За работу по распространению грамотности многие священники и псаломщики получали вполне заслуженные награды. Священник Печенгского прихода отец Василий Спасский получил в 1900 г. архипастырское благословение и грамоту, а спустя семь лет — серебряную медаль на Александровской ленте по народному образованию за усердное обучение детей в школе.

¹ ГАМО. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 32. Л. 6; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 об.; Ф. И-19. Оп. 1. Д. 156. Л. 4; Ф. И-17. Оп. 2. Д. 7. Л. 8; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 285. Л. 87.

² Ушаков И. Ф. Церковь на Кольском Севере... С. 129.

³ Ушаков И. Ф. По Терскому берегу // Советский Мурман. 1992. 3, 15, 16 июля. С. 3.

⁴ ГАМО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 129. Л. 4—5.

⁵ Там же. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

Псаломщик Кузоменского прихода Ваюшин был награжден в 1912 г. за усердное обучение детей в Понойской церковно-приходской школе грамотой епископа Михея¹.

Наиболее известными просветителями местного, в том числе лопарского, населения на рубеже XIX–XX вв. стали священники отец Георгий Терентиев и отец Константин Щеколдин. Помимо преподавательской деятельности, они много времени отдавали изучению истории края, сбору этнографического, фольклорного материала, а также защите интересов лопарского (саамского) населения, попечительской деятельности в вверенных им приходах.

При Нотозерской церкви Г. К. Терентиев создал школу, в которой обучал лопарских мальчиков русской грамоте. Отец Георгий нес свою пастырскую службу в разных приходах Кольского Севера: в Нотозерском, Ловозерском, Печенгском, в г. Коле. Он всесторонне изучил быт населения полуострова и написал содержательные краеведческие работы «Начало и развитие рыбных промыслов на Мурманском берегу», «О русской колонии в Лапландии» (история Колы), «О колонизации Мурманского берега», которые получили высокую оценку исследователей Севера. Г. Терентиев регулярно посылал корреспонденции в «Архангельские епархиальные ведомости», губернский статистический комитет, на этнографические выставки в Архангельске и Москве².

На протяжении всей жизни Г. К. Терентиев решительно отстаивал интересы лопарей, защищал их от притеснений. 26 февраля 1862 г. он сообщил в Архангельскую палату государственных имуществ о незаконных поборах с лопарей Вороньинского, Ловозерского и Семиостровского погостов «по 12 копеек с каждой души» якобы «на поминание» умершей царицы Александры Федоровны, затеянных писарем Лопинцевым и старшиной Сорвановым. Виновные понесли наказание.

Показательна борьба отца Георгия с кольским купцом Мартемьяном Андреевичем Базарным, который обирал нотозерцев и довел их «до крайней бедности». Это был ловкий и сильный хищник. В молодости, во времена откупной системы, М. А. Базарный служил кабацким поверенным в Поное — селении, имевшем большие доходы от добычи семги, тюленьего жира и кож морских зверей. Скопив на спаивании промышленников капитал, Базарный купил две мореходные шхуны, поселился в Коле, занялся скупкой семги и пушнины, еще больше разбогател, нещадно эксплуатируя трудовой люд, особенно лопарей. Он платил за них государственные подати,

¹ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 313. Л. 40–41 об.; Ф. И-67. Оп. 1. Д. 3. Л. 30 об.

² Ушаков И. Ф. На Кольской земле. 2. Духовные // Советский Мурман. 1992. 29 декабря. С. 3.

ссужал деньгами и товарами, а расплачивались лопари с Мартемьяном, отдавая ему семгу по 50 копеек за пуд, тогда как вольная цена ей в Коле равнялась 2 рублям, а в Архангельске — 6–8 рублям за пуд. Закабаленные Базарным нотозерцы никогда не выходили из долгов и служили ему «своим трудом зиму и лето». У лопарей бытовало даже своего рода заклинание или молитва: «Господи, избави оленей наших от волка, а нас, грешных, от Мартемьяна».

По настоянию Г. К. Терентиева, в 1866 г. окружной начальник Козьмин отменил кабальный договор Базарного с нотозерцами и распорядился впредь отдавать туломское угодье с торгов тому, кто даст наивысшую плату. Арендатором стал керетский крестьянин Савин, который, кроме уплаты податей за лопарей, давал за семгу по 1 рублю 70 копеек за пуд. В результате нотозерцы стали получать часть платы наличными на руки, чего прежде не бывало.

Г. К. Терентиев предложил открыть лопарское отделение в Кольском училище и содержать его на общественный счет. Окрестные лопари согласились оплачивать обучение своих детей. В 1871 г. поступило в школу пять мальчиков. Начинание отца Георгия поддержал член-корреспондент Комитета грамотности К. А. Шабунин, который за свой счет обеспечил детей пособиями и школьными принадлежностями. За 120 дней занятий в 1871 г. дети «успели научиться читать бегло, довольно порядочно по гражданской печати», а двое освоили и письмо.

Благоприятный опыт колян способствовал тому, что многие родители хотели открыть школы в своих зимних погостах. На волостном сходе, состоявшемся 19 февраля 1874 г., лопари заявили мировому посреднику Панафидину «о необходимости завести в своем обществе приходские школы для обучения своих мальчиков грамоте и общую (с колянами) школу скиперских курсов для приготовления моряков».

В феврале 1875 г. Г. К. Терентиев был переведен на службу в Ловозеро, а в октябре 1882 г. — в Печенгу. Он постоянно содействовал делу просвещения лопарей. При его участии в 1893 г. открылась при Печенгском монастыре Баркинская школа. С 1897 г. в ней стали обучаться не только мальчики, но и лопарские девочки. Это нововведение, сказано в отчете школы, сделано «от священника Терентиева нашего прихода, который явно и ясно объясняет лопарям пользу учения»¹.

Священник Константин Прокопьевич Щеколдин в Пазрецком приходе открыл первую русскую школу для лопарских детей на Мурмане, причем такую, в которой они могли заниматься в ней на протяжении 4–5 лет без

¹ Ушаков И. Отец Георгий // Комсомолец Заполярья. 1991. 18, 25 мая. С. 3.

отрыва от своих родителей (в зимнем погосте). Она находилась в зимнем лопарском погосте и существовала на добровольные подношения местного населения, ее поддерживал своими безвозмездными усилиями отец Константин, который занимался организацией и образовательного процесса, и быта. С весны школу переносили в дом причта. В 1898 г. к дому в зимнем погосте была сделана пристройка в две комнаты, для размещения обучающихся. Воспитанники отца Константина с рвением подходили к обучению, хорошо понимали и усваивали материал¹.

В помощь своим ученикам К. П. Щеколдин специально составил и издал в Архангельске «Азбуку для лопарей, живущих в Кольском уезде Архангельской губернии». Большинство его воспитанников хорошо владели к концу обучения не только родным и русским, но и норвежским или финским языками. Отец Константин сам безвозмездно преподавал в церковно-приходской школе, а также как местный пастырь осуществлял и религиозное воспитание. Чтобы духовное образование легко усваивалось, он вместе со своей женой перевел на лопарский язык Евангелие от Матфея. «За ревность и усердие» на пользу этой школы отцу Константину было преподано епископское благословение с грамотою².

К. П. Щеколдин много сделал как собиратель лопарского фольклора. Он собрал и обработал лопарские сказки, легенды и сказания, которые были опубликованы в петербургском журнале «Живая старина». Знание лопарских диалектов помогало ему как общаться с местными жителями, так и сохранять для их потомков в письменном виде богатейший культурный материал. С 1894 г. Щеколдин состоял членом переводческой комиссии при совете Архангельского комитета Православного миссионерского общества для перевода на местные «инородческие наречия» богослужебных и иных книг. За перевод вышеупомянутого Евангелия отца Константина удостоили звания почетного члена этого комитета. Благодаря усилиям Щеколдина грамотность среди лопарей к концу XIX — началу XX в. достигла 30%, что было самым высоким показателем на территории края³.

¹ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 305. Л. 89.

² Ушаков И. Ф. 1) Жизнь посвятивший лопарям // Полярная правда. 1995. 15 сентября. С. 4; 2) На Кольской земле. 2. Духовные // Советский Мурман. 1992. 29 декабря. С. 4; Мацак В. К. П. Щеколдин и церковь Бориса и Глеба // Рыбный Мурман. 1992. 10 июля. С. 13; ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 283. Л. 29 об.

³ Ушаков И. Ф. Церковь на Кольском Севере... С. 135, 136; ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 283. Л. 92 об.

Статс-секретарь Великого княжества Финляндского отмечал, что отец Константин «...был не только духовным пастырем вверенного ему стада. Он усердно вникал и в материальные нужды своих прихожан и с успехом защищал этих бесхитростных детей природы от покушения на их имущественные права со стороны ловких и предприимчивых норвежцев»¹.

Постоянную заботу проявлял Константин Прокопьевич о сохранении историко-архитектурного памятника Пазрецкого прихода – церкви Бориса и Глеба, а также о сохранении культурного наследия лопарей. В 1904 г. Советом этнографического отдела Русского музея он был удостоен особого внимания – ему была объявлена признательность за содействие при собирании коллекции для музея.

Внимательное отношение к сохранению местных древностей имело распространение повсеместно. Например, осуществлялось тесное сотрудничество отца Константина с церковно-археологическим комитетом при Архангельской духовной консистории. В июле 1904 г. туда были отправлены из Варужского Петропавловского прихода рукописные и печатные богослужебные книги в деревянном переплете, относящиеся к первой половине XVII в., для изучения и хранения².

Отцу Константину удалось наладить дружественные отношения с норвежскими соседями. Это позволило тесно сотрудничать с властями Норвегии, что упрощало для лопарей пересечение границы, доставку почты из центра страны, оказание медицинской помощи лопарям норвежскими фельдшерами и врачами.

При школе и в доме самого священника было много книг и газет не только на русском, но и на норвежском языке. Отец Константин неплохо читал по-норвежски. Российские государственные и церковные власти высоко оценивали труд священника по укреплению взаимоотношений Норвегии и России в этом пограничном местечке: за помощь отечественной экспедиции по проверке границы он был удостоен Святейшим Синодом наперсного креста, а в 1905 г. «за усердную и полезную 31-летнюю деятельность на границе Норвегии» был сопричислен к ордену Св. Анны II степени с выражением монаршего благоволения. В памятной записке 1915 г. об отце Константине говорилось, что наши консулы в Северной Норвегии, «...деятельность которых иногда переносится в пределы нашего Мурманского побережья, часто пользовались различными услугами Пазрецкого священника, являвшегося

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 31. Д. 74. Л. 1.

² *Мацак В. К. П. Щеколдин и церковь Бориса и Глеба // Рыбный Мурман. 1992. 17 июля. С. 12; ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 305. Л. 93 об.; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.*

русским наблюдательным деятелем на нашей смежной с Норвегией пустынной окраине...»¹.

Современники с похвалой отзывались о работе Баркинской школы, открытой Трифоно-Печенгским монастырем осенью 1893 г. Занятия с детьми местных колонистов вел монах Петр Поликин. Его выпускники писали неплохие сочинения, знали некоторые произведения русской классической литературы, декламировали светские и духовные стихи.

Школа при Трифоно-Печенгском монастыре получала много лестных отзывов. «Приятно видеть в школе отсутствие мертвящей дисциплины... позволяющей говорить детям только по вызову учителя. Это проявление формализма отсутствует в монастырской школе. Дети чувствуют себя свободно и легко... Нет рабского следования обычным дидактическим шаблонам», — писал Н. Ф. Корольков².

Монастырская школа, появившаяся спустя несколько лет после восстановления обители, была прекрасно оснащена. Здесь имелись красочные карты Европы, мира, России, Палестины, пять карт по истории России в картинках, более 20 портретов и картин по истории, более 50 — по Закону Божию. С книжного склада Училищного совета при Святейшем Синоде заказывали книги духовного содержания, труды по истории, географии, художественную, педагогическую, музыкально-певческую литературу и книги по сельскому хозяйству. И это не считая выписываемых ежегодно газет, журналов, псалтырей, азбук, книг по арифметике и чтению! Для взрослых при монастыре читали лекции по религиозно-нравственному воспитанию, русской истории и словесности, географии и естественной истории, против пьянства. Воскресные чтения сопровождалось показом картин с помощью проекционного фонаря.

В. Блинов, посетивший монастырь в 1906 г., отмечал, что печенгской школе смело могут позавидовать учебные заведения центральных губерний, не имеющие порой таких просторных светлых помещений, электрического освещения, библиотеки, хороших наглядных пособий³.

¹ *Мацак В. К. П. Щеколдин и церковь Бориса и Глеба. С. 12; ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 306. Л. 90 об.; Ф. И-17. Оп. 1. Д. 283. Л. 93 об.; РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 74. Л. 4 об.*

² *Корольков Н. Ф. Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб., 1908. С. 93.*

³ *ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 20. Л. 7—12; Ф. И-87. Оп. 1. Д. 26. Л. 60; Ушаков И. Ф. На Кольской земле. 2. Духовные // Советский Мурман. 1992. 29 декабря. С. 4; Блинов В. На Мурмане. Пг., 1918. С. 18.*

Помимо собственно монастырской частной школы, где уроки вел специально нанятый учитель с университетским дипломом, Дмитрий Проташинский, Трифоно-Печенгская обитель опекала и начальные училища в Териберке и Баркино, с самого начала их строительства осуществляя контроль за расходованием средств и ходом работ¹.

Однако школа в Баркино была передана в ведение Министерства народного просвещения в 1907 г. А монастырская частная школа в 1911 г. стала подотчетной Кемско-Александровскому отделению Архангельского епархиального Училищного Совета, а в 1913 г. и вовсе закрылась, не просуществовав и года после смерти Д. Проташинского².

Не всегда деятельность церковно-приходских школ получала положительные отзывы. В конце XIX в. еще нельзя говорить о значительных успехах церковно-приходских школ. Плохое знание русского языка местным населением, короткий сезонный период обучения приводили к затруднениям и довольно низким результатам учебы. Согласно Материалам по статистическому исследованию Мурмана 1902—1903 гг., колонисты Териберки жаловались на «неаккуратность» ведения образовательной деятельности. Несмотря на хорошее материальное оснащение, уроки велись несистематично и с частыми перерывами, дисциплина среди учащихся отсутствовала, что негативно сказывалось на результатах учебы. Похожей критике подверглась ранее упомянутая школа в с. Баркино: «Монахи плохо учат — в три года не научили читать как следует»³.

После реформ 1905—1907 гг. церковно-приходские школы повсеместно были выведены из-под контроля Церкви и переданы в ведение Министерства народного просвещения.

С конца 80-х гг. XIX в. по предписанию епархиального начальства в селениях Кольского Севера все чаще начали организовываться народные чтения. Местные священники помимо разъяснений о христианских обязанностях и добродетелях, чтений религиозной литературы стали постепенно включать

¹ ГАМО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 23. Л. 1, 2, 17, 50.

² Федоров П. В. История Трифоно-Печенгского монастыря (1886—1917 гг.). Мурманск, 1996. С. 46, 49.

³ Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Описание колоний Восточного берега и Кольской губы. Т. 2, вып. 1. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1902. С. 144; Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Описание колоний на Запад от Кольской губы до границ Норвегии. Т. 3, вып. 2. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1903. С. 162.

в подобные мероприятия читку бульварной литературы, рассказов, художественных произведений, научно-популярных статей и очерков.

Так, в 1901 г. протоиерей Алексей Владимирович Шилов (настоятель Кольского собора) был определен законоучителем Кольского приходского училища и утвержден в звании заведующего народными чтениями в г. Коле. В 1902 г. народные чтения были открыты Комитетом попечительства о народной трезвости г. Александровска в Варзуге, Кузоmeni, Умбе и Тетрино. На их проведение выделялись специальные средства, выдавался проекционный аппарат с разными картинами.

Обычно читались нравственные брошюры, исторические, из семейного быта, из практики морского дела (Кузомень), о явлениях природы и популярной гигиене¹.

Народные чтения должны были просвещать в основном взрослое население и отвлекать его от такого весьма распространенного в то время на Кольской земле порока, как пьянство. В приходах специально создавались общества трезвости. В вопросе открытия обществ трезвости особенно примечателен опыт священника Николая Ивановича Шмакова Понойского прихода Александровского уезда, в котором в 1893 г. он открыл Общество трезвости. В это общество записывалось ежегодно от 5 до 10 человек. После лекций о вреде пьянства некоторые крестьяне добровольно, «пред святым Евангелием и животворящим Крестом», давали обет на 2–3 года не употреблять вина.

Сельский сход терских поморов в мае 1908 г., «приняв во внимание, что многие из населения злоупотребляют спиртными напитками, а от этого разоряется хозяйство... постановил ходатайствовать перед правительством о закрытии в селе Кузоmeni казенной пивной лавки... и о пресечении незаконной торговли вином». Однако казна не захотела лишаться дохода и не поддержала весьма полезную инициативу².

В сферу деятельности Церкви на Кольском полуострове помимо требоисправлений, просвещения населения, борьбы с пьянством входили и вопросы по укреплению и упрочению православной веры, как в своих приходах, так и по всей России. От паствы принимались деньги в дар для паломников, отправляющихся в Иерусалим, в пользу семей, вдов и сирот павших воинов (Волжское благотворительное общество Белого Креста), в помощь

¹ ГАМО. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 283. Л. 7 об.—8 об.; Там же. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 89. Л. 6, 9; Ушаков И. Ф. По Терскому берегу // Советский Мурман. 1992. 11 июля. С. 3.

² Ушаков И. Ф. 1) Церковь на Кольском Севере... С. 132; 2) По Терскому берегу // Советский Мурман. 1992. 11 июля. С. 3.

православному духовенству, в пользу вдов и сирот духовного звания, на сооружение и содержание беднейших православных церквей, в пользу Красного Креста, на восстановление православия на Кавказе, в пользу Российского общества защиты женщин и тому подобное¹.

С началом Первой мировой войны Церковь объявила сбор пожертвований на нужды войны и семьям, чьи кормильцы ушли на фронт. Так, в Тетринском приходе, где попечительский совет был открыт 21 ноября 1914 г., со всех состоявших на государственной или общественной службе, было решено удерживать по 2% от дохода в пользу воюющих и их семей. В 1915 г. за счет этой меры собрали 850 рублей 52 копеек, не считая подарков и вещей. Священником Н. Гусевым в приходе в тот же год было собрано золотой монеты на 4677 рублей 50 копеек. Монеты сдали в Казначейство и обменяли на кредитные знаки для усиления финансовой и экономической помощи государства и на нужды военных².

Даже бедные приходы отчисляли ежемесячно всем миром посильные суммы. В Варзужском приходе собрали около 20 рублей к концу 1914 г., а в январе следующего — чуть больше 13 рублей. Тот же приход в 1917 г. отправил в Комитет по оказанию помощи русским военнопленным 33 рубля 15 копеек³. Суммы, конечно, невелики, но следует учитывать трудности военного времени и бедность (уже привычно-традиционную) северных приходов. Помимо сбора средств в пользу воюющих и их семей предписывалось консistorией причтам «...совершать молебствия о ниспослании победы» (1914 г.)⁴.

Успешность просветительской, миссионерской и социальной (попечительской) деятельности Церкви во многом зависела от личностей священников. Справедливыми в оценке их служения и сегодня являются слова чиновника по крестьянским делам А. А. Мухина: «При разбросанности населения, его разноразличности и низком духовном развитии вообще, дело религиозного воспитания и руководства является здесь делом особенной важности, требует особого внимания... Чтобы чего-нибудь добиться... сюда — на Мурман и в Лопландию, особенно нужны пастыри сильные духом и верою, люди исключительные, апостолы, готовые вложить все свои силы в свое дело...»⁵.

¹ ГАМО. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 85. Л. 14; Ф. И-13. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–4; Ф. И-20. Оп. 1. Д. 133. Л. 46.

² Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 73. Л. 8, 9.

³ Там же. Ф. И-7. Оп. 1. Д. 145. Л. 3–7; Ф. И-7. Оп. 1. Д. 152. Л. 54.

⁴ Там же. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.

⁵ Мухин А. А. О Мурмане и Лопландии. Записка чиновника по крестьянским делам I участка Александровского уезда. Архангельск, 1910. С. 32.

Е. В. Дроботушенко

Нормативные акты и делопроизводственные документы Святейшего Правительствующего Синода как источник по истории православной церкви в Забайкалье в дореволюционный период

В статье характеризуются отдельные нормативные акты и документы Святейшего Синода, которые определяли существование и деятельность православной церкви в Забайкалье в дореволюционное время, как источник по православной истории региона. Впервые делается попытка выделения групп документов. Отмечается, что все документы можно разделить на обязательные для исполнения в рамках всего государства и те, что относились непосредственно к Забайкалью. Оцениваются перспективы дальнейшей работы в рамках предметного поля статьи.

Ключевые слова: Святейший Правительствующий Синод, Указ, отчет, рапорт, Иркутская епархия, Забайкалье, Забайкальская епархия.

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, доцент кафедры международного права и международных связей Забайкальского государственного университета.

Evgeny V. Drobotushenko, PhD (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, Associate Professor of the Department of International Law and International Relations of the Trans-Baikal State University.

DRZZ@yandex.ru

© Е. В. Дроботушенко, 2023

Evgeny V. Drobotushenko

Normative acts and clerical documents of the Holy Governing Synod as a source on the history of the Orthodox Church in Transbaikalia in the pre-revolutionary period

The article characterizes certain normative acts and documents of the Holy Synod, which determined the existence and activity of the Orthodox Church in Transbaikalia in pre-revolutionary times as a source on the Orthodox history of the region. An attempt is being made to isolate groups of documents, which has never been done before. It is noted that all documents can be divided into mandatory for execution within the whole state and those that related directly to Transbaikalia. The prospects of further work within the subject field of the article are evaluated.

Keywords: Holy Governing Synod, Decree, report, report, Irkutsk Diocese, Transbaikalia, Transbaikal Diocese.

История православной церкви в Забайкалье в разное время находила отражение на страницах научных и научно-популярных публикаций. Однако и на сегодняшний день нет анализа взаимодействия институтов православной церкви на территории региона со Святейшим Правительствующим Синодом и его структурами на разных этапах исторического развития в досоветское время. Не стали объектом изучения в забайкальской православной истории также нормативные акты и делопроизводственная документация Синода.

То, что акты Синода были обязательными для исполнения, — очевидно, но какие из них стали определяющими для забайкальского православия, исполнялись они или нет, какие еще виды документов, связывающие православную церковь региона с Синодом, существовали? Ответы на поставленные вопросы могут стать основой для большого самостоятельного исследования. Целью же настоящей статьи является оценка нормативных актов и делопроизводственных документов Святейшего Синода как источника по истории православной церкви в Забайкалье в целом.

Источниковедческий анализ истории православной церкви в Забайкалье исследователями проводился не раз в рамках диссертационных исследований,

находил он отражение и в монографиях, ставших результатом диссертационной работы. Однако и к настоящему времени ни один из авторов не поставил себе задачу выявить, какие документы Святейшего Правительствующего Синода нашли отражение в забайкальской православной истории, какие виды актов встречаются при работе с документами по восстановлению истории православной церкви Забайкалья. Следует отметить, что аналогичных серьезных, объемных исследований нет по большей части регионов Российской империи и в целом страны.

Отметим, что имеющиеся научные публикации и учебные курсы по церковному праву специального внимания нормативным актам Синода досоветского периода как источнику не уделяют, только упоминая их, либо посвящают им незначительные заметки. Это свойственно как дореволюционным авторам, так и современным исследователям¹.

Самостоятельная Забайкальская епархия была создана в конце XIX в. Ранее территория Забайкалья находилась под управлением иркутских архиереев².

Отметим, что не все виды документов обнаружены на сегодняшний день в связи с интересующим нас регионом. Основным нормативным актом Синода несомненно является указ. Все указы можно разделить на две группы.

¹ *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права Православной церкви. Издание второе, заново переработанное и весьма значительно дополненное. Казань: Типография Императорского Университета, 1913. 1467 с.; *Гаранова Е. П.* Церковное право и Российская правовая система. Кострома: Костромской гос. тех. ун-т, 2007. 270 с.; *Красножен М. Е.* Основы церковного права. Юрьев: [Б. и.], 1913. 158 с.; *Никодим, еп.* Православное церковное право. Сост. по общим церковно-юридическим источникам и частным законам, действующим в автокефальных церквях / Пер. с серб. Мил. Г. Петровича. СПб.: Типография В. В. Комаров, 1897. XX, 708 с.; *Павлов А. С.* Курс Церковного права. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра. Собственная типография, 1902. 552 с.; *Певцов В. Г.* Лекции по церковному праву. СПб.: Типо-литография С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1914. 249 с.; *Цыпин В.* Курс церковного права. Учебное пособие. Клин: Христианская жизнь, 2002. 700 с. и др.

² Государственный архив Забайкальского края (далее — ГАЗК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Азиатская Россия / под общ. рук. Г. В. Глинки. Атлас: в 3 т. СПб.: Тип. тов. А. Ф. Маркс, 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. С. 217; *Косых В. И.* Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита: Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1999. С. 24.

Первая — это непосредственно указы Святейшего Правительствующего Синода, вторая — указы Его Императорского Величества из Синода¹.

Примерами указов Синода первой группы являются указ от 19 июня 1890 г. № 12 «О катехизических поучениях пастырей к прихожанам» или указ от 30 сентября 1870 г. № 54 «Об открытии повсеместной в империи подписки на построение Православного храма в Брюсселе» и др.² Очевидно, что такие указы носили повсеместный характер и были обязательны к исполнению на всей территории Российской империи, и Забайкалье исключением не являлось. В то же время какие-либо данные об исполнении приведенных указов за Байкалом на сегодня не выявлены.

Примером второй группы указов, относящихся к развитию православия непосредственно в Забайкалье, является Указ Его Императорского Величества из Синода от 12 декабря 1894 г. № 2510 «Об открытии школы для подготовки псаломщиков к единоверческим церквям» при Селенгинском Свято-Троицком монастыре недавно созданной Забайкальской епархии³. Иной аналогичный документ — Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского Преосвященному Мефодию Епископу Забайкальскому и Нерчинскому от 22 января 1907 г. № 1921 «по вопросу обеспечения церковных причтов отводом казенной земли».

Отдельная группа указов Синода — циркулярные указы. А. Завьялов в книге начала XX в. относит к ним «...некоторые высочайшие повеления, новые законы, свои инструктивные правила и административные распоряжения, по разнообразным поводам...»⁴. Исходя из трактовки «циркуляра», циркулярные указы — это указы по самым общим вопросам. Однако в собрании

¹ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 г. М.: Тип. М. Н. Лаврова и Ко, 1879. III, 504 с.; Указ Его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода. СПб.: [Б. и.], 1838. 345 с.

² Указ святейшего Правительствующего Синода, от 19 июня 1890 г. № 12, о катехизических поучениях пастырей к прихожанам // Миссионерский центр им. преп. муч. Афанасия игумена Брестского. URL: <https://afanasiy.net/ukaz-sviatishago-pravytelstvuiucshago-synoda-o-katyhyzycheskyh-poucheniiah-pastyrei-k-pryhojanam-1890> (дата обращения: 11.04.2021); Указы Святейшего Синода // Калужские епархиальные ведомости. 1870. № 20. Часть офиц. С. 197–198 и др.

³ ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 13.

⁴ Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1900 гг. Собрал А. Завьялов. Издание второе (дополненное). СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1901. 444 с.

циркулярных указов 1901 г. собраны указы Синода по самым разным и далеко не общим вопросам¹.

Имеется упоминание Иркутской епархии в циркулярных указах от 1867, 1881, 1885 гг., когда вся территория Забайкалья относилась к ней².

В архивах, при оценке земельных владений Староселенгинского Спасо-Преображенского мужского монастыря уже самостоятельной Забайкальской епархии, упоминается циркуляр обер-прокурора Синода от 13 декабря 1914 г., в котором предписывалось епархиальному начальству собирать подробные сведения (и предоставлять их в управление духовного ведомства) об отчуждении церковных и монастырских земель³.

Все указы Святейшего Синода, которые содержательно касались православия в Забайкалье, печатались с момента начала издания в 1900 г. и до момента закрытия журнала в 1919 г. в «Забайкальских епархиальных ведомостях», до 1900 г. — в «Иркутских епархиальных ведомостях».

Интересны как источник указы Синода, содержащие поощрения священнослужителей и монашествующих: благословения или материальные награды в виде креста, камилавки и т. д. Награды сопровождалась соответствующими грамотами награжденным. В архивных источниках по Забайкалью не раз встречаются упоминания о награждении того или иного представителя православной церкви⁴. Указы и грамоты с информацией о награждении позволяют более полно воссоздать социальный портрет забайкальского православного священнослужителя в целом и дать характеристику отдельной личности в частности.

Помимо указов, существовали и иные акты Синода, такие как постановления и распоряжения⁵. На сегодняшний день в архивных хранилищах среди материалов по православной истории Забайкалья таковых не выявлено. Однако в книге «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведом-

¹ Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода...

² Там же. С. 9, 175, 243.

³ ГАЗК. Д. 1015. Л. 49; Д. 1212. Л. 3; Оп. 2. Д. 1588. Л. 6.

⁴ Там же. Ф. 8. Оп. 3. Д. 225. Л. 4, 28; Ф. 282. Оп. 1. Д. 2025. Л. 26; Д. 2220. Л. 10; Д. 2486. Л. 2; Д. 3110. Л. 5; Д. 3122. Л. 6.

⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. 1721 год. Издание второе. Т. 1. СПб.: Синодальная типография, 1879. С. 445; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование Императора Николая I. Т. I: 1825 (декабря 12) — 1835. Пг.: Типография I Петроградской трудовой артели, 1915. 938 с. и др.

ству православного исповедания Российской империи» в записи от 20 мая 1831 г. встречаем «Всеподданнейший Доклад Святейшего Синода», о возведении заштатного Селенгинского монастыря в третий класс¹. В целом доклады относятся, скорее, к делопроизводственной документации. В данном конкретном случае упоминаний о постановлении или распоряжении нет. Вероятно, документ не совсем верно отнесен к группе постановлений и распоряжений Синода. А вот иной документ, относящийся к 1835 г., в постановляющей части содержит «приказание» Синода — «О признании бесполезною и излишнею Английской миссии среди бурят Забайкальского края»².

Вторая большая группа источников — делопроизводственная документация — представляет собой совокупность различных отчетов, рапортов, переписок и отдельных писем из Забайкалья в Синод и обратно.

Значительный объем информации по православию в Забайкалье содержат «Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания». Отчет К. П. Победоносцева от 1884 г., помимо ряда частных упоминаний, имеет большой раздел «Забайкальская духовная миссия»³. Отчет за 1894 и 1895 гг. в разделе «Епархиальное управление» содержит информацию по созданной самостоятельной Забайкальской епархии. Информация по истории и современному на момент написания состоянию православной церкви в Забайкалье имеется и в иных аналогичных отчетах⁴.

Наряду с опубликованными отчетами обер-прокурора Синода такой вид документа, как отчет представлен и в неопубликованном виде в архивных делах. Например, отчеты по Забайкальской епархии в Святой Правительствующий Синод из Забайкальской духовной консистории. Это не совсем документ

¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование Императора Николая I. Т. 1. С. 517–518.

² Там же. С. 827–830.

³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб.: Синодальная типография, 1886. С. 6, 58–59, 123, 145–147, 173, 191, 228, 239.

⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1885 год. СПб.: Синодальная типография, 1887. С. 2, 32, 65–74, 77, 85, 102, 126; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 годы. СПб.: Синодальная типография, 1898. С. 46–49, 51, 66–67, 207, 209, 215, 264, 268, 366, 369–370 и др.

Синода, скорее епархиальный документ, но поскольку он адресован именно в Синод, его можно отнести к делопроизводству последнего.

Такие отчеты относительно подробны, содержат большой объем различного рода информации по истории православия в регионе, количеству православных верующих, числу церквей и монастырей, церковно-приходских школ и школ грамоты и т. д.¹ На наш взгляд, именно отчеты о состоянии дел в епархии в адрес Святейшего Правительствующего Синода являются наиболее полными по содержанию делопроизводственными документами по истории православия в Забайкалье в досоветское время.

Среди делопроизводственной документации интерес представляют также различные рапорты в адрес Святейшего Синода из епархии. Примером здесь могут служить «Рапорт архиепископа Иркутского и Нерчинского Иринея в Святейший Синод» от 1831 г., «Рапорт с предоставлением в Канцелярию обер-прокурора Синода статистических сведений о монастырях Забайкальской епархии за 1915 год» и др.²

К делопроизводственной документации можно отнести различные запросы Синода епархиальному начальству и ответы на них. Такой запрос, к примеру, поступил в Забайкальскую духовную консисторию в 1915 г. В нем запрашивались сведения о ремесленных, рисовальных, школах и рукодельных классах³.

Источниковедческий анализ подразумевает не просто констатацию наличия того или иного документа, но и какую-либо его характеристику, а также оценку особенностей работы с ним. Относительно делопроизводственной документации по истории православной церкви в Забайкалье, связанной со Святейшим Синодом, которую встречаем в архивных хранилищах, можно сказать, что основная масса документов была рукописной. К отдельным написанным от руки отчетам прилагаются напечатанные на машинке копии.

В одном из документов от 1918 г. встречаем замечание, что отпечатанных на машинке статистических данных по православным монастырям и общинам Забайкалья не было. Не встречаются они и в документах. Это же замечание касается всех статистических данных. Отсутствуют таковые по школам и училищам ведомства православного исповедания на территории региона, по церквям и молитвенным домам, по богадельням и приютам,

¹ ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 4.

² Там же. Д. 1595. Л. 10; Государственный архив Иркутской области. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3981. Л. 3.

³ Там же. Д. 1209. Л. 55, 64, 64 об.

по хозяйственной деятельности. По крайней мере, таковые не выявлены на сегодняшний день.

Рукописные документы представляют определенную сложность в работе исследователя, так как текст не всегда читаем из-за почерка (даже без учета сохранности самого документа) и чернил, которые в некоторых случаях расплылись.

Таким образом, можно констатировать, что документы Святейшего Правительствующего Синода являются богатым источником по истории православной церкви в Забайкалье в досоветское время. Однако очевидно, что вопрос отражения в них истории и современного, на момент написания, состояния забайкальского православия до сих пор не изучен. Требуется дальнейшая серьезная работа с источниками по заполнению имеющегося пробела.

Н. Д. Игнатович

Пастырско-Просветительное братство при Московской духовной академии и Крестовоздвиженское трудовое братство: братские взаимосвязи

В докладе рассмотрена история взаимоотношений Н. Н. Неплюева и основанного им Крестовоздвиженского трудового братства с представителями Московской духовной академии, прежде всего, с ректором Евдокимом (Мещерским) и членами Пастырско-Просветительного братства при Московской духовной академии. Особое внимание уделяется причинам приглашения Н. Н. Неплюева для чтения курса лекций в Московской духовной академии, затронутой им тематике, формам и содержанию церковного общения с Пастырско-Просветительным братством.

Ключевые слова: Московская духовная академия, Н. Н. Неплюев, Крестовоздвиженское православное трудовое братство, Пастырско-Просветительное братство, церковные братства.

Игнатович Наталия Дмитриевна, преподаватель Богословского колледжа Свято-Филаретовского института.

Natalia D. Ignatovich, Lecturer of the Theological College, St. Philaret's Institut.
histreplay@gmail.com

© Н. Д. Игнатович, 2023

Natalia D. Ignatovich

Pastoral and Educational Brotherhood at the Moscow Theological Academy and the Holy Cross Labor Brotherhood: fraternal relationship

The paper dwells on the history of relationship between Nicholay Nepluyev and Moscow Theological Academy, especially its rector Evdokim Meschersky, and the Pastoral-Educational Brotherhood at Moscow Theological Academy. Special emphasis is placed on the reasons for inviting Nepluyev as a guest lecturer at Moscow Theological Academy as well as the forms and contents of church communication with the Pastoral-Educational Brotherhood.

Keywords: Moscow Theological Academy, N. N. Nepluev, Holy Cross Exaltation Orthodox Labour Brotherhood, Pastoral-Educational Brotherhood, Brotherhood Church.

Вторая половина XIX в. стала временем расцвета православных церковных братств в Российской империи. В церковной печати в это время появляется множество публикаций, посвященных истории и экклезиологическим основаниям жизни братств (Н. С. Лескова «О христианских братствах в России»¹, прот. Феофана Лебединцева «Братства»² и др.). Церковные историки пишут сочинения, посвященные древнерусским «братчинам» как предтечам церковных братств (А. Попов «Пиры и братчины»³, С. М. Соловьев «Братчины»⁴); появляются труды, посвященные истории западнорусских братств XVI–XVII вв. (свят. И. Флеров «О православных церковных

¹ Лесков Н. С. О христианских братствах в России // Н. С. Лесков. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М.: Терра, 1998. С. 573–585.

² Лебединцев Феофан, прот. Братства // Киевские епархиальные ведомости. 1862. Отдел второй. № 8. С. 258–274; № 9. С. 310–325.

³ Попов А. Пиры и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Качаловым: в 4 т. М.: Тип. Александра Семена, 1854. Кн. 2. Пол. 2. С. 19–41.

⁴ Соловьев С. М. Братчины // Русская беседа. 1856. Т. 4. С. 108–117.

братствах...»¹, М. О. Коялович «Чтения о церковных западнорусских братствах»² и мн. др.). Стихийным возрождением братств в Западном крае в середине XIX в. было вызвано инициированное министром внутренних дел П. А. Валуевым принятие в 1864 г. «Основных правил для учреждения православных братств»³, ставших законодательной основой их деятельности.

Известно, что к 1893 г. насчитывалось 159 церковных братств, не считая отделений, которые были при 18 братствах, — такое количество указано в работе А. А. Папкова «Церковные братства: Краткий статистический очерк о положении церковных братств к началу 1893 года»⁴. Однако, скорее всего, эти цифры занижены. Папков опирался на официальные синодальные сведения, представленные духовными консисториями в 1891—1892 гг., а также сведения о некоторых братствах были им взяты из «Церковных ведомостей» за 1891—1892 гг., «Сборника сведений о благотворительности в г. Санкт-Петербурге» за 1891 г., журнала «Детская помощь» за 1889—1892 гг.⁵ Его статистический очерк был напечатан по распоряжению обер-прокурора Святейшего Синода⁶. Изучение епархиальной периодики показывает, что далеко не все церковные братства, упоминавшиеся в епархиальных ведомостях и другой церковной периодике второй половины XIX в., нашли свое отражение в указанной брошюре Папкова.

К 1914 г. в Российской империи насчитывалось не менее 711 братств — эту цифру приводит в своей работе, написанной к 50-летию принятия «Основных

¹ *Флеров Иоанн, свящ.* О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб.: Изд-е книгопродавца Н. Г. Овсянникова, 1857. 200 с.

² *Коялович М. О.* Чтения о церковных западнорусских братствах // *День*. 1862. № 36. С. 2—5; № 37. С. 12—15; № 38. С. 9—11; № 39. С. 11—15; № 40. С. 10—14; № 41. С. 8—12; № 42. С. 9—10.

³ История церковных братств в России: Сборник документов: Хрестоматия по истории Русской православной церкви / Сост. Ю. В. Балакшина, Н. Д. Игнатович; предисл., коммент. Ю. В. Балакшиной, Н. Д. Игнатович, К. П. Обозного. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018. С. 57—58.

⁴ *Введенский В. Ф.* Православные церковные братства: (1864 г. 8 мая — 1914 г.): Отдельный оттиск из журнала «Церковные ведомости» за 1914 год. СПб.: Синод. тип., 1914. С. 17.

⁵ *Папков А. А.* Церковные братства: Краткий статистический очерк о положении церковных братств к началу 1893 года. СПб.: Синод. тип., 1893. С. 11.

⁶ Там же. С. 2.

правил для учреждения православных братств», В. Ф. Введенский¹. Его подсчет также носит приблизительный характер и опирается на Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода и производившиеся в Святейшем Синоде дела, связанные с братствами².

Возникшие в XIX в. братства заняли свою нишу, направив усилия на решение проблем церковного просвещения, борьбу с расколом и сектантством, социальную помощь, содержание и украшение храмов. Однако практически все они стали своего рода функциональными организациями, решавшими поставленные перед ними епархиальными властями задачи. При этом практически вся их деятельность падала на плечи руководящего органа — совета братства, а остальные, как правило, ограничивались уплатой членских взносов. Папков отмечал: «Теперешние братства по существу своей организации являются религиозно-просветительными обществами, а посему не совсем правильно получили название „братств“. Все управление в них и весь ход дел сосредоточивается в руках совета, а остальная масса братчиков, давая совету посильные материальные средства для ведения общих дел, проявляет свое существование обычно раз в год на общих собраниях... Не имея затем по общественным делам никакого почти общения друг с другом, нынешние члены братств и не могут претендовать на название их „братчиками“ в строгом смысле этого слова»³.

В конце XIX — начале XX в. появляются братства нового типа. Они сосредотачивают свое внимание уже не только на той или иной форме церковной деятельности. Во главу угла они поставили веру во Христа и идею реализации евангельского идеала, связанную с достижением братолюбия в практике жизни братчиков. Какие-либо формы деятельности таких братств уже становились следствием этой главной идеи. Это самосознание находило свое отражение в уставах. Например, устав Воскресенского братства при Воскресенской церкви г. Архангельска, утвержденный в 1900 г., начинался преамбулой об основных началах братства — евангельской заповеди о любви (Ин. 15:4–5, 12–13), слов о необходимости каждому верующему быть последователем Иисуса Христа и лишь после этого обозначались цели братства, обрисовывавшие направления его деятельности⁴.

В уставе таких братств формулировка целей могла выходить за рамки круга направлений деятельности, очерченных «Основными правилами для

¹ Введенский В. Ф. Православные церковные братства... С. 18.

² Там же.

³ Православная богословская энциклопедия / Ред. А. П. Лопухин. Пг.: Тов. А. П. Лопухина, 1900–1911. Т. 2: Археология — Бюхнер. 1901. С. 1106.

⁴ Архангельские епархиальные ведомости. 1901. № 5. С. 58–59.

учреждения православных братств». Так, например, Братство святителей московских, возникшее в Москве в 1909 г. как продолжение «Кружка ищущих христианского просвещения» и объединившее видных церковных деятелей, таких как братья Ф. Д. и А. Д. Самарины, Н.Д. Кузнецов, прот. Иосиф Фудель, М. А. Новоселов и многих других, обозначило своей целью «укрепление Православной веры и церковной жизни на началах живого общения епископа, клира и мирян»¹. Эта цель носила общецерковный характер, поскольку речь шла прежде всего о восстановлении соборного начала в церковной жизни.

Еще одним братством, цели которого были более широкими по сравнению с предусмотренными «Основными правилами для учреждения православных братств», было Пастырско-Просветительное братство при Московской духовной академии. Оно возникло в конце 1906 г. по инициативе нескольких студентов академии при деятельной поддержке ректора еп. Евдокима (Мещерского)². Своей целью братчики считали подготовку к пастырскому служению. В основу деятельности этого Братства легла «идея служения Христу словом и делом», которое осуществлялось путем проповедничества, пастырства и просветительской деятельности³.

Вероятно, одним из стимулов для организации Пастырско-Просветительного братства, наряду со стремлением найти духовный выход из кризисного состояния академической жизни в революционный период 1905–1906 гг., стало знакомство с опытом Крестовоздвиженского православного трудового братства. Крестовоздвиженское братство родилось в 1889 г. благодаря инициативе глубоко верующего родовитого дворянина Н. Н. Неплюева (1851–1908), и представляло собой уникальную попытку осуществления евангельского идеала в жизни. Члены этого братства вместе жили и трудились; общая жизнь включала общение в таинствах и молитве, духовные беседы, совместный досуг — литературные и музыкальные вечера, театральные постановки. Неудивительно, что Воздвиженск Черниговской губернии, в котором располагалось братство, привлекал многочисленных посетителей со всего мира.

Летом 1905 г. группа профессоров и студентов Московской духовной академии под руководством профессора академии М. М. Тареева в составе около 25 человек в течение пяти дней гостила в Крестовоздвиженском братстве. Визит в Воздвиженск позволил студентам познакомиться с опытом братской

¹ Устав Братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1910. С. 1.

² Христианин. 1908. Т. 1: Январь — апрель. С. 230–231.

³ Там же. 1907. Т. 1: Январь — апрель. С. 213.

жизни и, возможно, стал импульсом к организации собственного братства в стенах академии.

Встречи Пастырско-Просветительного братства проводились еженедельно, на них обсуждались организационные и различные насущные вопросы, читались рефераты. Помимо очередных собраний, члены братства собирались и на неформальные «семейные собрания», например, на именины кого-либо из братчиков¹.

Структура братства включала несколько отделов, занимавшихся определенным видом деятельности. Проповеднический отдел образовался первым. Отдел направлял своих проповедников в академический храм и приходские сергиево-посадские храмы².

Вторым направлением деятельности братства стало образование «Союза детей» с целью предоставить возможность бедным и бесприютным детям находиться под христианским влиянием и оградить их от вредного влияния улицы³. Для этого были организованы начальная школа с приютом при ней в Сергиевом Посаде. Братство окормляло около 40 беспризорных детей в возрасте от 6 до 16 лет⁴.

Третий отдел братства — издательский — занялся печатанием листов духовно-нравственного характера. В 1909 г. братство открыло библиотеку имени Иоанна Кронштадского для жителей Сергиева Посада⁵.

Начиная свою братскую деятельность, студенты живо интересовались практическим опытом организации братства.

В конце 1906 г. Московская духовная академия пригласила Н. Н. Неплюева прочитать цикл лекций. Скорее всего, это приглашение было инициировано членами только что образовавшегося Пастырско-Просветительного братства. Эта инициатива была поддержана ректором и профессорской корпорацией. Позже, когда в ходе ревизии Академии в 1908 г. еп. Евдокиму пришлось писать «Рапорт по делу о прочтении 7 лекций Н. Н. Неплюевым

¹ Из академической жизни: Пастырско-Просветительное Братство при Московской Духовной Академии в 1906/7 г. // Христианин. 1908. Т. 1: Январь — апрель. С. 236.

² Из академической жизни: Пастырско-Просветительское Братство в 1907—1908 академическом году // Там же. 1909. № 4 (апрель). С. 897—898.

³ Пастырско-просветительное Братство при Московской духовной академии // Там же. 1907. Т. 1: Январь — апрель. С. 213—214.

⁴ Введенский А. Союз детей // Там же. 1907. Т. 1—4: Январь — апрель. С. 434.

⁵ Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII — XX век / Отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 307.

в аудитории № 1-й Московской духовной академии» в Учебный комитет при Синоде, он рассказал об обстоятельствах приглашения Неплюева: «В конце 1906 года студенты, которых я считал и считаю за одних из самых благовоспитанных и благоразумных в Академии, обратились ко мне с просьбою разрешить им пригласить Н. Н. Неплюева для прочтения нескольких лекций в Академии, в которых бы он изложил свое миросозерцание и свою общественную деятельность. Доложив об этой просьбе студентам профессорам Академии... и получив от них полное согласие... я разрешил студентам пригласить г. Неплюева для означенной цели в Академию»¹.

С 25 по 31 января 1907 г. Николай Николаевич прочитал семь лекций, в которых изложил свое понимание жизни по вере и обязанностей духовенства и мирян в деле духовного возрождения России. Он подробно рассказал о Крестовоздвиженском трудовом братстве, уделив также значительное внимание вопросам готовящегося Поместного собора. Эти лекции в 1907 г. были опубликованы в журнале «Христианин», издаваемым еп. Евдокимом, а в 1908 г. — в составе пятого тома собрания сочинений Н. Н. Неплюева под названием «Путь веры»². Журналист Александр Саввич Панкратов писал о том, что лекции сопровождалась овациями³. Вскоре журнал «Христианин» опубликовал впечатления студентов от общения с Неплюевым в статье «Дорогой гость в Академии»: «Много гостей бывает в Академии, но не один из них не оставлял такого яркого и заметного следа в ее жизни, как Н. Н.»⁴.

Студенты стремились познакомиться с Неплюевым поближе, поговорить с ним о волнующих их вопросах, «паломничали к нему в гостиницу, приглашали к себе в номера, делились с ним своими заветными думами и чувствами, им поверяли свой жизненный курс»⁵.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 191. Л. 3.

² *Неплюев Н. Н.* Путь веры: Семь лекций, читанных в аудитории Московской Духовной Академии 25–31 января 1907 г. // Собрание сочинений: в 5 т. СПб.: тип. и лит. В. А. Тиханова, 1901–1908. Т. 5. С. 385–526. См. также: *Неплюев Н. Н.* Путь веры // Путь веры. Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора. 2-е изд. М.: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение», 2010. С. 13–183.

³ *Панкратов А. С.* Ищущие бога: Очерки современных религиозных исканий и настроений: в 2 кн. Санкт-Петербург: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1911. Кн. 1. С. 113.

⁴ *Концевич Н.* Дорогой гость в Академии // Христианин. 1907. Т. 1: Январь — апрель. С. 894.

⁵ Там же. С. 447.

В период своего пребывания в академии, 27 января 1907 г., Н. Н. Неплюев посетил собрание Пастырско-Просветительного братства. Атмосфера встречи была наполнена ощущением духовного родства: «С Н. Н. все успели духовно так сродниться, что никто даже не почувствовал того, что к ним явился новый, чужой для них человек. Казалось, что явился человек, давно знакомый всем, давно деливший хлеб и соль, всем родной и дорогой»¹.

Затем Неплюева пригласили прочитать лекцию в Сергиевом Посаде. Он посетил школу «Союза детей», и 4 февраля прочитал лекцию «при огромном количестве собравшейся публики»². После лекции руководитель «Союза детей» свящ. Иоанн Васильев отметил общность интересов и целей Пастырско-Просветительного и Крестовоздвиженского братств³. Очевидно, что речь шла не о формах деятельности, а о евангельских основах обоих братств.

Несомненно, теплое братское общение Неплюева и членов Пастырско-Просветительного братства было очень важно для обеих сторон. Неплюев в эти годы активно стремился организовать Всероссийское братство: он хотел не столько создать организацию, сколько объединить все живые, здоровые силы в церкви, наладить общение между ними⁴. Для него это было воплощением идеи соборности, направлением усилий на обновление и возрождение церковной жизни. Члены Пастырско-Просветительного братства нуждались в одобрении своей деятельности человеком, опытным в деле братского домостроительства, по оценке студентов, «верного себе всюду и везде»⁵; или, как сказал еп. Евдоким, человека «великого подвига», всего себя отдавшего «великому делу служения ближнему»⁶.

¹ Там же. С. 448.

² Там же. С. 894–895.

³ Там же. С. 896.

⁴ См., например: *Неплюев Н. Н.* 1) Всероссийское братство: В Киевскую комиссию, вырабатывающую устав его // Христианская альтернатива революционным потрясениям в России: избранные сочинения 1904–1907 годов. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2018. С. 249–257; 2) [Материалы для проекта устава Всероссийского братства] // Там же. С. 258–320; 3) «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»: Доклад на Киевском совещании по вопросу объединения добрых сил на дело мирного созидания: 11 октября 1906 г. // Там же. С. 102–123.

⁵ *Концевич Н.* Дорогой гость в Академии // Христианин. 1907. Т. 1: Январь – апрель. С. 453.

⁶ Там же. С. 449.

Для Неплюева эта неделя общения с Московской духовной академией стала прорывом блокады недоверия, непонимания в церковной среде, которые сопровождали его усилия по созиданию братства и были мучительны для него. Впрочем, этот прорыв оказался недолговременным¹. Но отношения продолжались, несмотря на возникшие сложности.

В начале ноября 1907 года Н. Н. Неплюев снова посетил Пастырско-Просветительное братство². На встрече дискутировался вопрос об устройении Всероссийского братства.

Это была последняя встреча Неплюева и Пастырско-Просветительного Братства — через несколько месяцев Неплюев скончался от осложнений после инфлюэнцы. После его кончины делегация братства в составе шести человек присутствовала на его похоронах в Воздвиженске (В. П. Виноградов, Н. В. Концевич, свящ. Е. Синадский и др.)³.

Со смертью Неплюева отношения двух братств не закончились. Постоянным посетителем Воздвиженска стал о. Евгений Синадский, второй священник Покровского храма Марфо-Мариинской обители милосердия с октября 1910 г. (настоятелем этого храма был прот. Митрофан Серебрянский). Свящ. Евгений гостил в Воздвиженске в августе 1908 г. Осенью того же года он снова приехал в Воздвиженск, на этот раз с группой из 14 студентов Академии. Отец Евгений Синадский приезжал в Трудовое братство и в августе следующего, 1909 года.

Как уже было сказано, церковные власти с недоверием отнеслись к отношениям, сложившимся между Неплюевым и академическим сообществом. Тесное взаимодействие академического братства и крестовоздвиженцев, в том числе присутствие на похоронах Н. Н. Неплюева делегации от Московской духовной академии, «не понравилось наверху», — писал журналист А. С. Панкратов⁴. После ревизии в Академии в 1908 г. еп. Евдоким 1 августа 1909 г. был смещен с поста ректора и назначен викарием в Тульскую епархию⁵. А. С. Панкратов рассказывал в своей статье: «Во время последней ревизии Московской академии были сказаны следующие слова: „Слишком много

¹ Панкратов А. С. Ищущие бога. С. 113.

² Из академической жизни: Пастырско-Просветительское Братство... С. 685–686.

³ Н. Н. Неплюев — подвижник земли русской: Венок на могилу. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1908. С. 142, 152, 180–181, 182–184.

⁴ Панкратов А. С. Ищущие бога. С. 113.

⁵ Извлечение из Журналов собраний Совета Московской духовной академии за 1909 год. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1910. С. 193–194.

у вас неплюевщины“. Говорят, что и отставка ректора епископа Евдокима причиной своей имела нескрываемые симпатии епископа к Неплюеву»¹. Вероятно, это высказывание не лишено оснований. Как уже упоминалось, в ходе ревизии еп. Евдоким был вынужден подать «Рапорт по делу о прочтении 7 лекций Н. Н. Неплюевым в аудитории № 1-й Московской духовной академии» в Учебный комитет при Синоде.

Следует отметить, что, несмотря на дружбу между Пастырско-Просветительным братством и Неплюевым, члены братства не восприняли те идеи, которые были центральными для Неплюева. Однако опыт братских взаимосвязей, сложившийся между Крестовоздвиженским братством и Пастырско-Просветительным братством, был важен как попытка живого церковного общения не с целью скопировать какие-либо формы, а взаимно обогатить друг друга братской любовью и поддержать на пути братского домостроительства. Он значим как пример воплощения соборных начал в Православной Российской церкви в начале XX в.

Источник

Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 16. Д. 191. Л. 3.

Литература

- Введенский А.* Союз детей // Христианин. 1907. Т. 1–4: Январь – апрель. С. 434.
- Введенский В.* Православные церковные братства: (1864 г. 8 мая – 1914 г.): Отдельный оттиск из журнала «Церковные ведомости» за 1914 год. СПб.: Синодальная типография, 1914. 26 с.
- Из академической жизни: Пастырско-Просветительное Братство при Московской Духовной Академии в 1906/7 г. // Христианин. 1908. Т. 1: Январь – апрель. С. 236.
- Из академической жизни: Пастырско-Просветительское Братство в 1907–1908 академическом году // Христианин. 1909. № 4 (апрель). С. 897–898.
- Извлечение из Журналов собраний Совета Московской духовной академии за 1909 год. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1910.
- История церковных братств в России: Сборник документов: Хрестоматия по истории Русской православной церкви / Сост. Ю. В. Балакшина, Н. Д. Игнатович; предисл., коммент. Ю. В. Балакшиной, Н. Д. Игнатович, К. П. Обозного. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018.

¹ *Панкратов А. С.* Ищущие бога. С. 113–114.

- Концевич Н.* Дорогой гость в Академии // Христианин. 1907. Т. 1: Январь – апрель. С. 894.
- Коялович М. О.* Чтения о церковных западнорусских братствах // День. 1862. № 36. С. 2–5; № 37. С. 12–15; № 38. С. 9–11; № 39. С. 11–15; № 40. С. 10–14; № 41. С. 8–12; № 42. С. 9–10.
- Лебединцев Феофан, прот.* Братства // Киевские епархиальные ведомости. 1862. Отдел второй. № 8. С. 258–274; № 9. С. 310–325.
- Лесков Н. С.* О христианских братствах в России // Н. С. Лесков. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 2. М.: Терра, 1998. С. 573–585.
- Н. Н. Неплюев – подвижник земли русской: Венок на могилу. Сергиев Посад: тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1908. 199 с.
- Неплюев Н. Н.* Путь веры // Путь веры. Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора. 2-е изд. М.: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение», 2010. С. 13–183.
- Неплюев Н. Н.* Путь веры: Семь лекций, читанных в аудитории Московской Духовной Академии 25–31 января 1907 г. // Собрание сочинений: в 5 т. СПб.: тип. и лит. В. А. Тиханова, 1901–1908. Т. 5. С. 385–526.
- Неплюев Н. Н.* Христианская альтернатива революционным потрясениям в России: избранные сочинения 1904–1907 годов. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2018. 378 с.
- Очерки истории города Сергиева Посада. Конец XVIII – XX век / Отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: РОССПЭН, 2011. 496 с.
- Панкратов А. С.* Ищущие бога: Очерки современных религиозных исканий и настроений: в 2 кн. Санкт-Петербург: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1911. Кн. 1.
- Папков А. А.* Церковные братства: Краткий статистический очерк о положении церковных братств к началу 1893 года. СПб.: Синод. тип., 1893.
- Попов А.* Пирь и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Качаловым: в 4 т. М.: Тип. Александра Семена, 1854. Кн. 2. Пол. 2. С. 19–41.
- Православная богословская энциклопедия / Ред. А. П. Лопухин. Пг.: Тов. А. П. Лопухина, 1900–1911. Т. 2: Археология–Бюхнер. 1901.
- Соловьев С. М.* Братчины // Русская беседа. 1856. Т. 4. С. 108–117.
- Устав Братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1910.
- Флеров Иоанн, свящ.* О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб.: Изд-е книгопродавца Н. Г. Овсянникова, 1857. 200 с.

В. Ю. Мурзин, Д. С. Серенко

Миссионерская деятельность Святейшего Синода и православные братства на примере деятельности Сочинского Свято-Николаевского братства

Статья посвящена Сочинскому Свято-Николаевскому братству, разносторонняя деятельность которого связана с организацией школ, строительством храмов, печатной издательской деятельностью для духовного и исторического просвещения населения в Причерноморье, а также сохранением его исторического наследия: древних храмов, могил героев Отечества и др. В начале XX в. Сочинское Свято-Николаевское братство считало главной своей задачей сохранение чистоты Православной веры и духа патриотизма перед вызовами революционных перемен, сектантства и нигилизма. В 1915 г. обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер стал почетным членом братства. Просветительная работа общества нашла свое отражение в журнале «Известия Сочинского Свято-Николаевского братства».

Мурзин Валерий Юрьевич, член сочинского отделения Международной Общественной Организации Императорского Православного Палестинского Общества (Сочи).

Valery Yu. Murzin, member of the Sochi branch of the International Public Organization of the Imperial Orthodox Palestinian Society (Sochi).

martreclama@yandex.ru

Серенко Денис Сергеевич, краевед (Сочи).

Denis S. Serenko, local historian (Sochi).

© В. Ю. Мурзин, Д. С. Серенко, 2023

Ключевые слова: Сочинское Свято-Николаевское братство, Святейший Синод, история церкви, православие, Сочи, миссионерство.

Valery Yu. Murzin, Denis S. Serenko

Missionary activity of the Holy Synod and Orthodox brotherhoods on the example of the activities of the Sochi Saint Nicholas Brotherhood

The article is devoted to the Sochi Saint Nicholas Brotherhood, whose versatile activities are associated with the organization of schools, the construction of temples, printing publishing activities for spiritual and historical education of the population in the Black Sea region, as well as the preservation of its historical heritage: ancient temples, graves of heroes of the Fatherland, etc. At the beginning of the 19th century. The Sochi Saint Nicholas Brotherhood considered its main task to preserve the purity of the Orthodox faith and the spirit of patriotism in the face of the challenges of revolutionary change, sectarianism and nihilism. In 1915, the chief Prosecutor of the Holy Synod V. K. Sabler became an honorary member of the brotherhood. The educational work of the society was reflected in the *News of the Sochi Saint Nicholas Brotherhood* journal.

Keywords: Sochi Saint Nicholas Brotherhood, Holy Synod, church history, Orthodoxy, Sochi, missionary work.

Одной из древнейших территорий современной России, где появилось христианство, является Черноморское побережье Кавказа и современного Сочи. По преданию, именно здесь проходил миссионерский путь апостола Андрея Первозванного. Православная история Сочи началась давно, ее очередной виток начался после присоединения территории современного Сочи к Российской империи. Адрианопольский мирный договор 1829 г. после окончания Русско-турецкой войны послужил началом российской истории освоения этих мест. После окончания Кавказской войны 21 мая 1864 г. на территории Сочи стала устраиваться церковная жизнь и появились новые миссионеры и священнослужители.

Миссионерская деятельность присуща Церкви от начала ее основания, и хотя в древности миссионерство не имело определенных четких форм и параметров, оно существовало в тех или иных формах евангельского благовестия и служения людям.

Синодальный период деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ) ознаменовал себя многими событиями и свершениями. Географическое расширение Российской империи как христианского — православного — государства требовало от церковного ведомства — Святейшего Правительствующего Синода — активной работы по просвещению народов. Так появляются просветители Сибири и Дальнего Востока, а позднее — Аляски и Японии. Миссионерская деятельность начинает приобретать свои черты и особенности, формировать системный подход и характер.

Вместе с тем на фоне в целом успешной внешней церковной миссии — обращения нехристиан в Православие — в религиозной жизни российского общества появляются проблемы, связанные с расколом и сектантством, и возникает насущная потребность во внутренней миссионерской работе, направленной на исцеление расколов и избавление от суеверий. «Внутренняя миссия как особый епархиальный институт борьбы с расколом возникла в 1828 году: император Николай Павлович повелел Синоду учредить противораскольничью миссию в Пермской губернии, он же указал состав миссии и способы ведения миссионерского дела. К николаевским мерам пресечения сектантства и раскола относился запрет строить молитвенные дома, ссылка „совратителей“; непокорных отдавали в солдаты. Собственно миссионерская деятельность развивалась крайне медленно»¹.

Святитель Филарет (Дроздов) отмечал, что идея миссионерства еще мало развита в РПЦ, и рекомендовал заняться централизацией и расширением миссионерской деятельности. Митрополит Филарет прекрасно понимал необходимость миссии, оказывал поддержку и помощь миссионерам, ведшим проповедь среди языческих народов: архимандриту Макарию (Глухареву), святителю Иннокентию (Вениаминову). В 1861 г. святитель Филарет указывал: «...в наше время между теми, которые называются верными, немало таких, которые нуждаются в учении оглашенных и, к большому приискорбию, это встречается между людьми, которые более других имеют притязание на просвещение. Доказательства сего видны и в книгах, и в образе

¹ *Слѣзкина О. В.* Проблемы деятельности миссионеров синодальной внутренней миссии (по материалам журнала «Миссионерское обозрение» за 1896–1916 гг.) // Вестник Свято-Филаретовского института. 2012. Вып. 5. С. 66–94.

жизни»¹. Таким образом, «митрополит утверждал, что и для православных нужны своего рода миссионеры»².

На этом фоне появляются первые епархиальные братства, которые брали на себя миссию просвещения народа, занимались активной печатной деятельностью, устраивали публичные беседы с раскольниками для изобличения их заблуждений и т. п. Как правило, во главе таких братств стояли архиереи, или же архиереи попечительствовали о них при председательстве лиц духовного сана, а иногда и мирян. В некоторых случаях братства прибегали к помощи полицейских мер государства там, где сектанты проявляли особую активность и вносили соблазн, увлекая в свои ряды православных. Однако в 1905 г. в церковной политике российского государства «был сделан поворотный шаг». Данный Сенату именной высочайший указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» поставил миссионеров перед необходимостью пересмотра всего дела миссии³. Первый пункт указа требовал «признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, какое оно для себя избрало»⁴.

В этих новых для Российской империи условиях религиозной жизни появляются подвижники православной веры, основывающие свою деятельность на делах милосердия и душепопечительства, а православные братства, несмотря на общественную самоорганизацию, становятся надежной опорой для священноначалия РПЦ и государства, заботясь о духовном просвещении и патриотизме.

В 1885 г. была учреждена Сухумская епархия Грузинского экзархата Православной Греко-Российской Церкви, в состав епархии вошли церковные организации новообразованной Черноморской губернии с административным центром в Новороссийске. Основные заботы о духовном просвещении и образовании в тот период легли на плечи церковных деятелей. Так, епископ

¹ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под ред. пресвящ. Саввы, архиеп. Тверского и Кашинского: в 7 т. СПб., 1887. Т. 5, ч. 1. С. 45.

² *Слѣзкина О. В.* Проблемы деятельности миссионеров... С. 69.

³ Там же. С. 72–73.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 25. 1905. СПб., 1908. С. 237–238.

Рис. 1. Вид на Сочи с Хлудовской стороны.

Каменное здание на земле бывшего хлудовского имения,
в котором был устроен и освящен Свято-Николаевский храм

Сухумский Агафодор (Преображенский) за два года управления епархией открыл 22 школы, по его инициативе была учреждена церковно-археологическая комиссия. Именно епископ Агафодор освящал построенный в 1891 г. первый в Сочи собор во имя Архангела Михаила. Когда позднее епископ Агафодор был переведен на Ставропольскую кафедру, он возглавил Ставропольский отдел Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), под эгидой которого продолжал заниматься духовным и научным просвещением своей паствы.

Большую роль в просветительной деятельности на Черноморском побережье начала XX в. играли именно православные братства, которые были основаны в Сухуме (Александро-Невское), Сочи (Свято-Николаевское) и Анапе (Свято-Осиевское). Они помогали в организации школ, строительстве храмов, издательской деятельности для духовного и исторического просвещения.

Председатель Сочинского Свято-Николаевского братства Павел Амплиевич Россиев трудился на светском и церковном поприщах. Он радел о просвещении населения, благотворительности, борьбе за трезвость, сохранении истории Черноморского побережья. На Хлудовской стороне Сочи возник комитет по постройке церкви и школы. В феврале 1912 г. комитету был отведен участок земли из бывших имений В. А. Хлудова, где намечалось устройство церкви, строительство приюта и школы¹. Храм был обустроен на развалинах бывшего хлудовского винного завода (рис. 1). Уже в декабре 1913 г.

¹ Сочинский городской архив. Ф. 10. Оп. 1. Д. 172. Л. 9, 12.

Рис. 2. Священник
Евгений Ивановский

при храме начало свою деятельность основанное П. А. Россиевым Сочинское Свято-Николаевское братство¹, а в мае 1914 г. храм был освящен².

П. А. Россиев становится председателем совета братства, а священник Евгений Ивановский (рис. 2) — его секретарем. В состав братства входят как простые люди, так и именитые сочинцы, такие, как начальник Сочинского округа Ф. И. Яников, устроительница первой сочинской больницы М. Н. Зиновьева, Е. А. Кушлянский и другие неравнодушные жители города. Братство ведет обширную и разностороннюю деятельность — от служения делу народного просвещения до благотворительности и борьбы за трезвость. С начала Первой мировой войны братчики собирают средства для помощи малоимущим семьям офицеров и солдат, убывших на фронт, отправляют на фронт собранные денежные средства и необходимое вещевое имущество, помогают обустройству лазаретов для раненых офицеров и солдат.

Следует отметить, что обширная деятельность Сочинского Свято-Николаевского братства была известна далеко за пределами Сочи. В 1915 г. почетным членом братства становится обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер, почетный член ИППО. В 1916 г. указом последнего Российского самодержца императора Николая Александровича Романова храм братства во имя святителя Николая Чудотворца на Хлудовской стороне получает статус самостоятельного прихода с назначением причта «из священника и псаломщика» и жалования ему из казны³. Эти исторические факты свидетельствуют о признании деятельности сочинского братства на высоком государственном уровне.

¹ Учредительное собрание Св.-Николаевского братства в Сочи // Вестник Грузинского экзархата. Тифлис, 1914. 15 марта. № 6. С. 219–223.

² Освящение храма во имя свт. Николая на Хлудовской стороне // Сочинский листок. Сочи, 1914. 6 мая. № 404. С. 3.

³ Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Св. Правительствующего Синода Грузино-Имеретинской Св. Синода конторе об открытии прихода при Николаевской церкви пос. Сочи // Вестник Грузинского экзархата. Тифлис, 1916. 1 апреля. № 7. С. 196–197.

Рис. 3. Письмо причта
Свято-Николаевской церкви
в канцелярию Сочинского лесничества,
подписанное священником
Евгением Ивановским
и Павлом Россиевым
(Сочинский государственный архив.
Ф. 10. Оп. 1. Д. 172. Л. 9)

Рис. 4. Первый номер
«Известий Сочинского
Свято-Николаевского братства»

Главной своей задачей Сочинское Свято-Николаевское братство считало сохранение чистоты Православной веры и духа патриотизма перед вызовами революционных перемен, сектантства и нигилизма, усиливавшихся в обществе того времени. Павел Амплиевич Россиев видел социальное и миссионерское служение братства основными средствами борьбы за души людей в обществе, погружавшемся в сумерки материалистических теорий и учений.

В декабре 1914 г. начинается выпуск журнала «Известия Сочинского Свято-Николаевского братства» (рис. 4), главным редактором которого становится П. А. Россиев. В октябре 1916 г. усердием братства на старой Базарной площади (ныне — улица Поярко) открывается первая на побережье часовня-книжница в помощь распространению религиозно-нравственной и научно-образовательной литературы, для книжной торговли братства (рис. 5). Освящает часовню отец Евгений Ивановский в сослужении священников собора Архангела Михаила, после чего П. А. Россиев

Рис. 5. Архитектурный проект братской часовни-книжницы

произносит речь о важности и значении книжного дела и просвещения в целом. Вместе с отцом Евгением Ивановским он принимал участие и в открытии грузинской библиотеки, где также произнес речь о значении этого события¹.

Бессменный председатель совета Сочинского Свято-Николаевского братства П. А. Россиев отдал делу братства все свои силы и остался верен ему до самой смерти (в сентябре 1920 г. П. А. Россиев был арестован в Сочи представителями советской власти по обвинению в редактировании статей контрреволюционного характера и 12 октября того же года Черноморским ЧК приговорен к расстрелу).

П. А. Россиев получал много благодарственных писем и от военных чинов с фронта, и от епископата, управлявшего Сухумской епархией, и от светских лиц разного звания. Однако главным свидетельством христианского достоинства и активной социальной позиции Россиева стало его участие как мирянина от Сухумской епархии в Поместном соборе РПЦ 1917–1918 гг. Известно, что на этом соборе после весьма длительного перерыва, так называемого Синодального периода, вновь был избран Патриарх всея Руси Тихон (Белавин). Участие в Поместном соборе — это большая честь, и случайным людям ее оказать не могли. Кроме того, имя П. А. Россиева известно в числе участников Русского Церковного собора 1919 г. на Ставрополье². На этом соборе была учреждена Кубанская епархия РПЦ.

Кроме социально полезной и миссионерско-просветительной деятельности, П. А. Россиев от лица возглавляемого им Сочинского Свято-Николаевского братства заботился о сохранении исторического наследия: древних храмов, могил героев Отечества, занимался краеведением, ратовал о создании исторического музея в Сочи, был инициатором празднования памятных

¹ Серенко Д. С. Павел Россиев в судьбах Сочи начала XX в.: У истоков социальной и культурной жизни города // Сочинский краевед. 2019. С. 39.

² См.: Юго-Восточный Русский Церковный собор 1919 г.: сборник документов под редакцией Ю. А. Бирюковой. М., 2018. 372 с.

дат, установления патриотических памятников. Нет никаких сомнений в том, что участие гражданского общества в жизни государства имеет большое значение. Видный государственный деятель Российской империи И. Л. Горемыкин, почетный член ИППО, трагически закончивший свои дни жизни в Сочи на заре разбушевавшейся революции, некогда писал о земском самоуправлении, сторонником которого он являлся: «Основой действительной силы государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая к самостоятельности личность; выработать в народе способность к самоуправлению и самоопределению может только привычка к самоуправлению, развитие же бюрократии и правительственной опеки создает лишь обезличенные и бессвязные толпы населения, людскую пыль»¹. (В декабре 1917 г. в Свято-Николаевском храме священник Евгений Ивановский отпевал семью Горемыкиных, убиенных в Сочи. Есть воспоминания, что люди при отпевании зажигали свечи, а потом некоторые на домашних дверях выжигали ими кресты, так как считали страстными.)

Значение деятельности Сочинского Свято-Николаевского братства трудно переоценить. Его просветительная работа и благотворительное служение отображены в журнале «Известия Сочинского Свято-Николаевского братства», издававшемся братством один-два раза в месяц с декабря 1914 г. Темы публикаций этого журнала остаются актуальными и сегодня, они лишены сугубо идеалистического восприятия церковной жизни, будучи не только благоповествовательными, но и написанными на злобу дня. Годовые комплекты номеров «Известий Сочинского Свято-Николаевского братства» (1914–1916) сохранились в фондах Российской национальной библиотеки. В журнале описываются все значимые исторические события становления и деятельности братства.

Нет никакого сомнения в том, что братство было делом необходимым в Сочи тех лет, и труды его досточтимых участников еще найдут свое место в исторической памяти не только сочинцев, но и всех неравнодушных к истории россиян.

Источник

Сочинский городской архив. Ф. 10. Оп. 1. Д. 172.

¹ Цит. по: *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 85.

Литература

- Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Серенко Д. С.* Павел Россиев в судьбах Сочи начала XX в.: У истоков социальной и культурной жизни города // Сочинский краевед. Сочи, 2019. С. 38–41.
- Слѣзкина О. В.* Проблемы деятельности миссионеров синодальной внутренней миссии (по материалам журнала «Миссионерское обозрение» за 1896–1916 гг.) // Вестник Свято-Филаретовского института. 2012. Вып. 5. С. 66–94.
- Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под ред. преосвящ. Саввы, архиеп. Тверского и Кашинского: в 7 т. СПб., 1887. Т. 5, ч. 1. 510 с.
- Юго-Восточный Русский Церковный собор 1919 г.: сборник документов под ред. Ю. А. Бирюковой. М., 2018. 376 с.

Ферапонт, иеромонах (П. Ф. Широков)

Вклад архиепископа Никона (Рождественского) в развитие духовного образования в Вологодской епархии

Статья посвящена анализу деятельности архиепископа Вологодского и Тотемского Никона (Рождественского) в период его пребывания на Вологодской кафедре по отношению к Вологодской духовной семинарии. В период пребывания епископа Никона на Вологодской кафедре система духовного образования Русской Православной Церкви испытывала кризис, связанный с массовыми протестными движениями среди учащихся духовных школ. Правильная постановка учебно-воспитательного дела в семинарии способствовала тому, что Вологодская семинария за достаточно короткий срок смогла выйти из кризисного положения. Основными источниками по рассматриваемому вопросу являются материалы личного происхождения — дневниковые записи многолетнего помощника инспектора семинарии Никифора Ильинского, а также письма ректора семинарии протоиерея Николая Малиновского Н. Н. Глубоковскому и непосредственно самому епископу Никону.

Ключевые слова: архиепископ Никон (Рождественский), Вологодская епархия, Вологодская духовная семинария, духовное образование.

Ферапонт, иеромонах (П. Ф. Широков), кандидат богословия, секретарь Ученого совета, старший преподаватель кафедры церковно-исторических дисциплин Вологодской духовной семинарии.

Hieromonk Ferapont (Pavel F. Shirokov), PhD (Theology), Secretary of the Academic Council, Senior Lecturer at the Department of Church and Historical Disciplines of the Vologda Theological Seminary.

ierom.ferapont@yandex.ru

© Ферапонт, иеромонах (П. Ф. Широков), 2023

Hieromonk Ferapont (Pavel F. Shirokov)

Contribution of Archbishop Nikon (Rozhdestvensky) to the development of spiritual education in the Vologda Diocese

The article is devoted to the analysis of the activity of Vologda and Totem Archbishop Nikon (Rozhdestvensky) during his stay at the Vologda Department in relation to the Vologda Theological Seminary. At the time of Bishop Nikon's tenure at the Vologda Department, the system of theological education at the Russian Orthodox Church experienced a crisis associated with the mass protest movements among the students of theological schools. The correct carrying out of the educational work at the seminary contributed to the fact that the Vologda Seminary was able to get rid of the crisis situation in a fairly short period of time. The main sources on the issue under consideration are the materials of personal origin, such as diaries written by an assistant inspector of the seminary Nikifor Ilyinsky, as well as the letters from the Rector of the seminary, Archpriest Nikolai Malinovsky, to N. N. Glubokovsky and directly to Bishop Nikon.

Keywords: Archbishop Nikon (Rozhdestvensky), the Vologda Diocese, the Vologda Theological Seminary, theological education.

Среди епархиальных преосвященных, возглавлявших Вологодскую кафедру в начале XX в., особо выделяется личность известного церковного и общественного деятеля, духовного писателя и издателя архиепископа Никона (Рождественского), который на протяжении шести лет совмещал управление Вологодской епархией с работой в Государственном совете и Святейшем Синоде. Архипастырское служение преосвященный Никон начал в 1904 г., когда был рукоположен во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. А уже 22 апреля 1906 г. епископ Никон получил назначение на древнюю Вологодскую кафедру, сменив ушедшего на покой епископа Алексия (Соболева)¹. Причиной определения епископа Никона в Вологду, по мнению

¹ Алексей (Соболев) (1836–1911), епископ Вологодский и Тотемский. Управлял Вологодской епархией с 1895 по 1906 г.

исследователей жизни и деятельности архипастыря, явились разногласия с первенствующим членом Святейшего Синода митрополитом Санкт-Петербургским Владимиром (Богоявленским)¹.

В Вологду епископ прибыл 23 июля 1906 г. В слове, сказанном при вступлении на кафедру епископ Никон отметил: «Не об архиерействе мечтал я, когда шел в монастырь, а о том, чтобы умереть иноком; тридцать лет прожил я в родной мне обители великого печальника Русской земли, преподобного Сергия, и думал там сложить кости свои, а Бог судил иначе: мне вручен этот посох архиерейский, который стал для меня посохом странника. Третий год я архиереем, и третий град становится местом моего обитания. Я мечтал о тихой келии, а мне вверена обширная епархия; я помышлял о безмолвии, а на меня возложен тяжелый, непосильный для меня крест...»². Однако заниматься полноценно епархиальной жизнью епископу удалось недолго: уже 31 января 1907 г. епископ Вологодский Никон был определен членом Государственного Совета от Святейшего Синода, что обязывало архипастыря пребывать значительное время в столице. Назначение членом Святейшего Синода, последовавшее 1 января 1908 г., окончательно способствовало невозможности дальнейшего полноценного управления епархией. Весь последующий период епископ Никон обычно приезжал в Вологду на Рождество и на Пасху. Данное обстоятельство привело к определенным трудностям как в отношении епархиальной жизни, так и в отношении Вологодской духовной семинарии, которая как никогда нуждалась в архипастырском попечении³.

Вологодская духовная семинария, основанная в начале XVIII в., является одной из древнейших духовных школ в России. В начале XX в. семинария, как и большинство духовно-учебных заведений, пережила волну протестных движений, конечным итогом которых стало закрытие духовной школы

¹ Никон (Рождественский), архиепископ Вологодский и Тотемский // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2018. Т. LI. С. 19.

² Мир вам. Слово, произнесенное Преосвященным Никоном при вступлении на Вологодскую кафедру 23 июля 1906 года // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1906. № 15. С. 421.

³ *Ферапонт (Широков), иером.* Обзорение епископом Вологодским и Тотемским Никоном (Рождественским) Вологодской епархии в период пребывания правящим архиереем (по материалам ежегодных отчетов епархиального архиерея) // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. 2019. № 2 (12). С. 72.

и увольнение всех учащихся¹. 1906 год был для Вологодской семинарии преисполненным кадровыми изменениями: ректором семинарии был назначен известный богослов протоиерей Николай Малиновский², инспектором — иеромонах Иоанн (Поммер)³, будущий священномученик, архиепископ Рижский. Данные изменения произошли в основном по причине массовых забастовок учащихся семинарии в 1905 г. Таким образом, новый учебный год начался при новых начальствующих лицах как по епархиальному управлению, так и по семинарскому.

Епископ Никон, прибывший в Вологду во время каникул, впервые встретился с семинарской корпорацией перед началом учебного года, когда служащие семинарии, по установившейся традиции, посещали епархиального архиерея для получения благословения на новый учебный год. Помощник инспектора семинарии Никифор Ильинский оставил в своем дневнике следующие воспоминания о первой встрече с новым епископом: «Представление состоялось в зале, а затем Преосвященный всех нас пригласил в гостиную и предложил сесть. И полилась его речь, простая, плавная. Заметно было, что он любит поговорить, вспоминал прошлое, когда сам учился, давал разные наставления, советы; все выходило так просто, задушевно»⁴.

Епископ произвел на корпорацию положительное впечатление: «Оставляя архиерейские покои», — продолжал Ильинский — «все в один голос выражали удовольствие, что Вологодская кафедра возглавляется в лице Преосвященного Никона таким архипастырем, который давно уже известен и своими литературными трудами по изданию, например, так называемых „Троицких листков“. В городе также начинают говорить о новом епископе, как о выдающемся проповеднике-импровизаторе»⁵.

Однако, как уже отмечалось выше, в виду существенной загруженности в столице, епископ Никон чрезвычайно редко посещал свою епархию,

¹ *Ферапонт (Широков), иером.* Роль и значение начальствующих лиц духовных школ в противодействии революционным волнениям в семинариях в начале XX века (на примере Вологодской духовной семинарии) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 1 (29). С. 158–162.

² Николай Платонович Малиновский (1861–1917), протоиерей, ректор Вологодской духовной семинарии с 1906 по 1916 г.

³ Иоанн (Поммер) (1876–1934), впоследствии архиепископ Рижский и Митавский, священномученик. В 1906 г. — инспектор Вологодской духовной семинарии.

⁴ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 5250. Оп. 1. Д. 1. Л. 323.

⁵ Там же. Л. 323–323 об.

а соответственно и занимался семинарскими делами. Ректор семинарии протоиерей Николай Малиновский писал своему другу Николаю Никаноровичу Глубоковскому¹: «Грустные наши дела... Епархия без пастыря, а если и бывает, то вершат дела прихвостни... Приехал сюда 3–4 авг[уста] (уехал 3–4 янв[аря]), а около 1 сент[ября] опять хочет уезжать в Петербург... (вероятно, сначала на родину, в Москву, и еще куда-ниб[удь]). Опасность, как бы не вышло осложнения между ним и семинарией. Предстоит или открыть 3 отд[еление] в I-м кл[ассе], или отказать в приеме и удалить 12–14 чел[овек], или, вопреки закону и всякой педагогике, допустить по 60 чел[овек] в 1-м классе... Против двух последних возможностей Правление сем[ина]рии, против первой – епископ, но едва ли против последней...»². Труд по управлению епархией облегчался наличием двух vikariev: с 1888 г. существовало Великоустюжское vikariatstvo, а в 1909 г. по инициативе епископа Никона, в связи со слабым здоровьем и сложностями по управлению обширной епархией, в помощь правящему архиерею был определен епископ с титулом «Вельский». В последующий период епископу Вельскому Антонию (Быстрову)³ были переданы некоторые полномочия правящего архиерея, в том числе наблюдение за положением дел в духовной семинарии.

После крупных протестных движений среди учащихся семинарии, следовавших в 1905 г., как никогда выражалась потребность в архипастырском воздействии на учащихся. В своем отчете в Святейший Синод за 1906 г. епископ Вологодский Никон указал, что «пропаганда имела влияние на учащихся: в начале ноября забастовали воспитанники духовной семинарии, предъявив петицию. Воспитанники гимназии, реального училища и ученицы женской гимназии объявили забастовку перед рождественскими каникулами ради солидарности с рабочими. Женское епархиальное училище и духовное мужское спокойно продолжали занятия»⁴. Периодически среди воспитанников продолжали вспыхивать недовольства, которые в основном были связаны с сохранением переводных экзаменов. Семинарское начальство принимало

¹ Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937), профессор, доктор богословия, библиист, патролог, историк Церкви. Выпускник Вологодской духовной семинарии 1884 г.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 194. Оп. 1. Д. 598. Л. 35–35 об.

³ Антоний (Быстров) (1858–1931), впоследствии архиепископ Архангельский и Холмогорский, священномученик. С 1910 по 1919 г. – епископ Вельский, vikarий Вологодской епархии.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2137. Л. 19.

все возможные усилия для сохранения нормального хода учебного дела. Епископ Никон публиковал обращения к воспитанникам Вологодской семинарии, которые, по замечанию ректора семинарии протоиерея Николая Малиновского «производили должное и доброе воздействие»¹. Особый интерес представляет воззвание, датированное 1 мая 1907 г. В нем епископ Никон с особым архипастырским попечением и скорбью отзывается о протестных движениях в Вологодской семинарии: «Болезную о вас, глубоко скорблю за вас, за ваших родителей, опасаясь за вашу будущность... Но меня смущает помысл: поймут ли меня они — юноши? Поверят ли моей искренности? Ведь им так много говорят о деспотизме архиереев, об их недоступности, нетерпимости, бюрократизме. В состоянии ли понять эти юноши ту душевную боль, какую испытывает сердце архиерея, когда он видит, как этими юношами овладевают страсти, недостойные питомца Церкви, когда они, увлекаясь красивыми, но в сущности пустыми словами в роде „свободной школы в свободном государстве“ и т. п. сговариваются не исполнять воли высшей Церковной власти, когда воображают себя преобразователями государственного управления и явно нарушают великие заповеди Божии...»².

В воззваниях епископ Никон также выражал свое мнение и давал комментарии относительно проекта реформ системы духовного образования, отмечая, что от правильной постановки вопроса по реформированию духовной школы зависит дальнейшая судьба Православия, как господствующего вероисповедания в Российской империи. В этом деле епископ видел надежду в новом обер-прокуроре Святейшего Синода Владимире Карловиче Саблере³, который именовался епископом Никоном старым и преданным другом православной церковности⁴. Размышляя над вопросом о дальнейшей судьбе духовно-образовательной системы, епископ Никон видел основную проблему в двойственности задачи, которая ставилась перед семинариями высшей церковной властью: подготовка не только будущих пастырей Церкви, но и студентов университета, «и кандидатов в ветеринары»⁵. Вследствие этого из

¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 765. Карт. 9. Д. 89. Л. 4.

² ОР РГБ. Ф. 765. Карт. 2. Д. 27. Л. 1.

³ Саблер Владимир Карлович (1845–1929) — государственный деятель Российской империи, обер-прокурор Святейшего Синода в 1911–1915 гг.

⁴ *Никон (Рождественский), архиеп.* Какая семинария нужна нашей Церкви? // «Козни врагов наших сокруши...». Дневники. Сибирская благовонница. М., 2008. С. 262.

⁵ Там же. С. 262.

сознания семинаристов уходил идеал пастырского служения, который заменялся мечтаниями об университетах.

Епископ Никон традиционно совершал посещения семинарии на светлой неделе, когда после поздравления воспитанников вручал последним брошюры со своими сочинениями. Также традиционным было богослужение в семинарском храме в престольный праздник, день памяти апостола и евангелиста Иоанна Богослова. После литургии обычно проводился праздничный акт, на котором присутствовал епископ и губернатор, множество почетных лиц духовного и светского звания.

Епископ Никон уделял особое внимание одной из насущных проблем в жизни духовной школы — вопросу о материальном положении воспитанников. Ревизор Учебного комитета Петр Федорович Полянский¹ в 1910 г. по итогам ревизии отметил, что условия квартирной жизни неблагоприятно сказывались на здоровье воспитанников, вследствие чего был поставлен вопрос о необходимости устройства общежития для своекоштных воспитанников. В личной беседе епископ Никон сообщил, что увеличение налога с церкви приведет к недовольству прихожан и будет непосильным². Епископ Никон еще в 1906 г. обратился к духовенству епархии с предложением взять содержание третьих параллельных отделений при первом и втором классах³ на содержание из местных средств, причем ввиду существенного обременения церковью имеющимися налогами епископ призвал духовенство и членов причта изыскать необходимую сумму из личных средств⁴. При этом епископ отмечал, что если духовенство признает невозможным указанный способ содержания отделений или определит открытие отделений нецелесообразным, то с 1 января 1907 г. 37 учеников первого класса и 18 учеников второго будут

¹ Петр (Полянский) (1862—1937), впоследствии митрополит Крутицкий, местоблюститель патриаршего престола Русской Православной Церкви, священномученик. С 1906 по 1918 г. будущий митрополит являлся ревизором Учебного комитета.

² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 244. Л. 32—32 об.

³ Дополнительные отделения необходимо было открыть ввиду того, что в первом классе обучалось 137 воспитанников, во втором — 118. По Уставу духовных семинарий допускалось иметь в классе не более 50 учеников. См.: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18324. Л. 99.

⁴ До принятия решения духовенством параллельные отделения содержались на имеющиеся в Правлении свободные остатки епархиальных сумм, а также с процентов капитала, собираемого на устройство общежития. См.: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18324. Л. 95.

уволены в дома родителей, так как «иметь учеников в каком-либо классе свыше предельной нормы, указанной в Высочайше утвержденном Уставе Духовных семинарий, было бы незаконно и в учебно-воспитательном отношении вредно, а потому мною не может быть допущено»¹. На этом основании в 1906 г. из пятого класса несколько учеников было переведено в соседние семинарии.

Проявляя заботу о материальном благополучии учащихся семинарии, епископ Никон всячески поддерживал деятельность Попечительства о бедных воспитанниках семинарии, открытого в 1877 г. по инициативе тогдашнего ректора семинарии протоиерея Петра Лосева². Епископ Никон продолжал оставаться почетным членом Попечительства и после оставления Вологодской кафедры.

По инициативе ректора семинарии протоиерея Николая Малиновского и при поддержке епископа Никона в 1907 г. была сформирована ссудо-сберегательная касса для оказания материальной поддержки преподавателей семинарии. Ее открытие обуславливалось существенной необходимостью, так как преподаватели получали сравнительно небольшое жалование и многие из них при наличии материальных трудностей вынуждены были брать деньги за большие проценты. С открытием кассы появлялась возможность прибегать к ее помощи³.

В 1912 г. епископ Никон был уволен от управления Вологодской епархией по болезни с оставлением членом Святейшего Синода⁴. 6 июля епископ выбыл из Вологды в Петербург. На Вологодской кафедре он пробыл шесть лет, по замечанию Никифора Ильинского, «оставив о себе память как о епископе безусловно умном, хорошем проповеднике и стойким в своих взглядах и убеждениях администраторе и человеке»⁵. В Вологде, по замечанию того же Ильинского, епископ Никон «чувствовал себя не по себе и всегда с большим удовольствием и радостью стремился в „Северную Пальмиру“»⁶. Свободное от епархиальных дел время епископ Никон посвящал литературным трудам.

¹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18324. Л. 99 об.

² Петр (Лосев) (1833–1902), епископ Пермский и Соликамский. С 1875 по 1887 г. — ректор Вологодской духовной семинарии.

³ РГИА. Ф. 799. Оп. 22. Д. 209. Л. 1–5 об.

⁴ Никон (Рождественский), архиепископ Вологодский и Тотемский // Православная энциклопедия. С. 19.

⁵ ГАВО. Ф. 5250. Оп. 1. Д. 1. Л. 360.

⁶ Там же. Л. 360–360 об.

Подводя итог, следует отметить, что период управления Вологодской епархией епископом Никоном (Рождественским) в жизни Вологодской духовной семинарии характеризовался как время наиболее благополучного хода учебного и воспитательного дела. Этому духовная школа обязана как мудрому архипастырскому руководству преосвященного архипастыря, так и правильной постановки административного дела со стороны ректора семинарии. Дошедшие до нас источники личного происхождения, а именно дневниковые записи помощника инспектора семинарии Никифора Ильинского и письма ректора семинарии, адресованные епископу Никону, свидетельствуют о глубокой заинтересованности епископа Никона жизнью духовной семинарии. После освобождения епископа Никона от управления Вологодской епархией семинария вступила в новый период своего существования, а время епископа Никона стало одной из славных страниц истории средней духовной школы.

Источники

- Воспоминания Н. И. Ильинского // Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 5250. Оп. 1. Д. 1.
- Дело об открытии параллельного отделения в 1 классе Вологодского епархиального женского училища и о взносах от духовенства на этот предмет и на содержание параллельного отделения при 1 и 2 классах // ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18324.
- Малиновский Николай Платонович, прот., ректор Вологодской духовной семинарии. Письма Николаю Никаноровичу Глубоковскому // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 194. Оп. 1. Д. 598.
- Мир вам. Слово, произнесенное Преосвященным Никоном при вступлении на Вологодскую кафедру 23 июля 1906 года // Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1906. № 15. С. 421–423.
- Никон (Рождественский), архиеп.* «Козни врагов наших сокруши...». Дневники. Сибирская благовонница. М., 2008. 1310 с.
- Об утверждении устава ссудо-сберегательной кассы // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 22. Д. 209.
- Отчет о состоянии Вологодской епархии. 1906 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2137.
- Письма протоиерея Николая Малиновского епископу Никону (Рождественскому) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 765. Карт. 9. Д. 89.
- По отчету статского советника Полянского о произведенной им в 1909–1910 уч. году ревизии духовно-учебных заведений Вологодской епархии // РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1910 г. Д. 244.

Литература

- Никон (Рождественский), архиепископ Вологодский и Тотемский // Православная энциклопедия. Т. LI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2018. С. 17–20.
- Ферапонт (Широков), иером.* Обзорение епископом Вологодским и Тотемским Никоном (Рождественским) Вологодской епархии в период пребывания правящим архиереем (по материалам ежегодных отчетов епархиального архиерея) // Нива Господня. Вестник Пензенской духовной семинарии. 2019. № (12). С. 70–76.
- Ферапонт (Широков), иером.* Роль и значение начальствующих лиц духовных школ в противодействии революционным волнениям в семинариях в начале XX века (на примере Вологодской духовной семинарии) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 1 (29). С. 151–173.

А. И. Мраморнов

Комиссия по реформе церковного суда Высочайше учрежденного Предсоборного совещания и ее деятельность в январе 1916 – феврале 1917 г.

В статье освещена деятельность Комиссии по реформе церковного суда. Она была создана Святейшим Синодом в 1916 г. в рамках работы высочайше учрежденного Предсоборного совещания 1912–1917 гг. Материалы комиссии упоминались в историографии, но комплексно ранее не анализировались и до сих пор не опубликованы. Между тем ее работа с января 1916 по февраль 1917 г. была довольно насыщенной, и ей удалось выработать богатый материал к созданию Церковного судебника для готовившегося Всероссийского Поместного Собора. Автор уделяет внимание ключевым темам дискуссии в комиссии и позициям ее членов, отразившихся в ее протоколах и журналах.

Ключевые слова: церковный суд, Поместный Собор, Святейший Синод, Сергей (Страгородский), С. Я. Утин, В. П. Шеин, епархиальные архиереи.

Мраморнов Александр Игоревич, кандидат исторических наук, доцент; руководитель, главный редактор издательства некоммерческого партнерства по защите и сохранению объектов культурного наследия «Спасское дело».

Alexander I. Mramornov, PhD (History), Associate Professor; head, editor-in-chief of the publishing house, Non-Profit Partnership for Protection and Preservation of Objects of Cultural Heritage “Spasskoe Delo”.

mramornov@gmail.com

© А. И. Мраморнов, 2023

Alexander I. Mramornov

The Commission on the Reform of the Ecclesiastical Court of the Most Highly Established Pre-Council Meeting and its activities in January 1916 – February 1917

The author highlights the activities of the Commission for the reformation of the Court in the Russian Church. It was created by the Holy Synod in 1916 as a part of the work of the Precounciliar Assembly of 1912–1917. The materials of the Commission were mentioned in historiography, but still are not analyzed in a comprehensive manner before and are not yet published. Meanwhile, its work from January 1916 to February 1917 was quite fruitful. Its members managed to develop rich material for the creation of the Church Code of Laws for the expected All-Russian Local Council. The author pays attention to the key topics of discussion in the Commission and the positions of its members, reflected in its protocols and journals.

Keywords: Church Court, Local Council, Holy Synod, Sergius (Stragorodsky), S. Ya. Utin, V. P. Sheyin, diocesan bishops.

Высочайше учрежденное Предсоборное совещание, начавшее свою работу в марте 1912 г., продолжило труды Предсоборного присутствия 1906 г. и за первые полтора с небольшим года работы ревизовало проекты преобразования управления Русской Церковью¹. Одним из важных моментов предполагавшихся преобразований была реформа церковного суда. В области судебной власти совещание пыталось совместить принципы церковного (епископского) суда и светского (независимость суда от административных органов). Уже в 1912 г. члены Предсоборного совещания пришли к заключению о необходимости отделить епархиальный суд от епархиального (у)правления; члены суда и его председатель должны были избираться правящим архиереем и утверждаться высшей церковной властью. Мелкие судебные дела совещание предлагало перенести на уровень благочиния. Напротив, на высшем уровне судебными делами должен был ведать Св. Синод. Предсоборное совещание первоначально отказалось от создания особой судебной

¹ См. подробнее: *Мраморнов А. И.* Предсоборное совещание // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. 58. С. 70–72.

инстанции при органе высшего церковного управления, предполагая разрешение дел непосредственно в Синоде или в выделенных им из своего состава отделениях (коллегиях) в составе некоторых членов Синода. В 1914–1915 гг. работа Предсоборного совещания, в том числе по вопросу о церковном суде, была заморожена из-за обстоятельств военного времени.

Однако в начале 1916 г. для дальнейшей детальной разработки церковно-судебного вопроса Предсоборное совещание образовало особую Комиссию по рассмотрению законопроекта о церковном суде под председательством архиепископа Сергия (Страгородского). В нее, кроме постоянных членов Предсоборного совещания, вошли сенатор Сергей Яковлевич Утин (впоследствии архимандрит Никон, 1867–1933), член Государственного совета протоиерей А. П. Надеждин (впоследствии епископ и потом «обновленец»), депутаты Государственной думы протоиерей Георгий Тимофеевич Алфёров (1858–1923) и Василий Павлович Шеин (впоследствии архимандрит Сергей, 1870–1922), юрисконсульт при обер-прокуроре Валериан Васильевич Радзимовский (1865–1919) и товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената Александр Петрович Пилкин (1869–1944).

Также участвовали в трудах Комиссии профессор Михаил Андреевич Остроумов (1847 – после 1920) и помощник управляющего канцелярией Синода Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924), на некоторых заседаниях и другие представители синодальной власти. Делопроизводителями были синодальные чиновники Н. В. Нумеров, В. С. Шафранов, П. П. Смердынский, В. А. Эритрем.

Комиссия начала работу 19 января 1916 г. и только в первой половине года провела 34 заседания. В этот период состоялось обсуждение общих принципов функционирования церковного суда, было начато составление «Церковного судебника» из 6 книг, которые должны были регулировать соответственно: 1) устройство церковно-судебных установлений; 2) порядок судопроизводства по делам о преступлениях и проступках и о наложении дисциплинарных взысканий; 3) расторжение и признание недействительными браков; 4) судопроизводство по вопросам рождения, бракосочетания и смерти; 5) имущественные споры; 6) церковные наказания. Кроме составления этих книг Комиссия занималась выработкой штатов предполагавшихся к учреждению судебных установлений. С мест были затребованы сведения о судебных делах, которые консистории вели в течение 1915 г. Большинство консисторий представили соответствующую статистику и данные.

Председателем Комиссии на первом заседании был избран архиепископ Финляндский Сергей. В случае его отсутствия председательствовать должен был С. Я. Утин. При этом иногда Комиссии, обсудив вопрос под

председательством С. Я. Утина, приходилось возвращаться к повторному обсуждению того же вопроса на следующем заседании, где появлялся архиепископ Сергей (в тех случаях, когда вопрос явно требовал архиерейского авторитета). Комиссия должна была вести журналы (подробные записи заседаний) и протоколы заседаний (решения), те и другие готовились под редакцией С. Я. Утина.

Работа Комиссии началась с двух вопросов: рассмотрения общих положений церковно-судебного устройства и определения подведомственных церковному суду преступлений. На первом заседании Комиссия также «постановила иметь заседания по вторникам и пятницам, посвящая вторники рассмотрению общих процессуальных вопросов, а пятницы — работам по материальному праву»¹.

На втором заседании Комиссии обсуждался вопрос о роли епархиального архиерея в работе будущих церковно-судебных установлений. С четвертого заседания рассуждали «о допущении защитников и о положении обвинительной власти в церковных судах»². Был затронут и вопрос о церковных наказаниях за деяния, по которым и государственным законодательством предусмотрена уголовная ответственность. На пятом заседании Комиссия признала подсудными церковному суду ересь, а также открытое отрицание догматов, отпадение в сектантство, раскол, инославие и иноверие. Кроме этих, «догматических», Комиссия классифицировала прочие подсудные деяния на несколько групп: против ближних и личности (отрицание любви к ближнему, покушение на самоубийство и убийство, пренебрежение христианским воспитанием детей и т. п., обращение детей в другую веру, жесткое обращение клириков с членами их семей); по нарушению целомудрия (блуд, прелюбодеяние, кровосмешение), бесстыдные ругательства клириков, нетрезвость, уклонения клириков от исповеди и причастия³.

На восьмом заседании Комиссия обсуждала формирование епархиального суда. По проекту Предсоборного совещания епархиальный суд должен был состоять из пяти представителей духовенства и трех мирян. Предполагалось избирать их на трехлетний срок. Епископу по проекту предоставлялось право непосредственного суда, но в епархиальном суде он не должен был председательствовать, хотя имел право утверждения судебного решения и протеста (переноса дела в высшую инстанцию). Обсуждались особенности передачи

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 445. Д. 224. Л. 1 об. — 2.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 18 об. — 20 об.

следственного производства в епархиальном суде от следователя к председателю суда (или к епархиальному архиерею, или к члену-обвинителю)¹. Согласие по вопросу о том, кому должно передаваться дело, достигнуто не было, и комиссия, учитывая отсутствие на этом заседании председателя архиепископа Сергия, отложила окончательное решение вопроса до его очередного участия в работе комиссии².

Некоторые предметы работы комиссии разрабатывались ранее предсоборными органами. По вопросу о браках Предсоборное совещание ранее подчеркнуло правоспособность только церковной власти выносить заключение о прекращении «благодатного действия» таинства брака в каждом конкретном случае. Тема защиты в церковном суде поднималась десятилетием ранее — в Предсоборном присутствии 1906 г. «В третьем Отделе Предсоборного Присутствия высказывались голоса и за и против дозволения подсудимым иметь специальных защитников. Общее собрание того же Присутствия решило, что защитники в церковном суде допускаются, но таковыми могут быть только священнослужители. Предсоборное Совещание, напротив, признало, что защитники со стороны подсудимого не могут быть допускаемы, но, к сожалению, мотивов этого решения Совещание не указало, так как нам известно только одно общее постановление его. В нашей Комиссии возникла уже однажды (на заседании 2 февраля) речь о защите, к определенному решению тогда не пришла, но, как можно заключать из высказанных суждений, никто из членов Комиссии принципиально не возражает против допущения защиты в церковном суде»³. Комиссия решила предоставить право защиты не только священникам, но и диаконам, так как, по заявлению протоиерея Т. И. Буткевича, в древней Церкви архиidiaконы и диаконы являлись по преимуществу защитниками бедных и больных⁴.

Далее на девятом заседании Комиссии 16 февраля также обсуждался вопрос о том, как должны комплектоваться пресвитерские суды, С. Я. Утин и В. П. Шеин безусловно высказались за назначение судей, остальные члены — за выборы на благочиннических съездах⁵. На следующем заседании, 4 марта 1916 г., вновь дебатировался точный порядок формирования пресвитерского суда, причем Комиссия постановила, что «избираться должен не весь состав пресвитерского суда, а лишь половина его, другая же половина

¹ Там же. Л. 26 и след.

² Там же. Л. 31 об. — 32.

³ Там же. Л. 33 об.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Там же. Л. 40—40 об.

судей будет назначаться властью епархиального архиерея». Председатель суда назначается архиереем либо из выборных, либо из назначенных его членов¹. Еще через четыре дня, на 11-м заседании, Комиссия определила, что судьи избираются и назначаются на определенный срок — 7 лет. Членами суда могли становиться только священники².

На 12-м заседании 11 марта 1916 г. обсуждалась «лестница церковных наказаний»: лишение сана, исключение из духовного звания и т. п., причем «протоиереем Т. И. Буткевичем было указано на желательность внесения в перечень еще одного вида наказания, именно: лишение священнослужителя навсегда права на совершение какого-либо священнодействия, но с сохранением права носить звание и пользоваться принадлежащей сему званию честью. О подобном наказании говорят многие правила Соборов и Святых Отец»³. Небезынтересно, что член Комиссии С. Г. Рункевич «не находил возможным допустить, в качестве наказания, запрещение совершения тех или иных треб; такого рода меры может быть и возможны в Церквях Восточных, где духовенство гораздо более многочисленно, чем у нас; в наших же условиях, они прежде всего тяжело отзовутся на пастве, а потому должны быть признаны неприменимыми»⁴.

На 13-м заседании обсуждался вопрос о почетных судьях. Член Комиссии В. П. Шеин «заявил, что, по его мнению, для выбора почетных судей не следует создавать специального избирательного собрания с особой системой выборов, а следует воспользоваться готовым уже институтом, каковым являются епархиальные съезды духовенства». Комиссия согласилась с этим суждением, далее обсудив вопрос об участии в выборах монашествующих, а также о цензе для избираемых. Члены суда, по проекту Комиссии, должны были иметь высшее богословское или юридическое образование. Возрастной ценз должен был составить 30 лет. Комиссией были также приняты составленные С. Я. Утиным тезисы о несменяемости членов церковно-судебных учреждений⁵.

На 14-м заседании Комиссия обсуждала анафематствование как высшую степень церковного наказания, правила и сроки наложения епитимий⁶,

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 224. Оп. 194. 1 отд. 5 ст. Д. 1162. Протокол № 10. Л. 1 об.

² Там же. Л. 82 об. — 83 об.

³ Там же. Оп. 445. Д. 224. Л. 50 об.

⁴ Там же. Л. 52.

⁵ Там же. Л. 55—61 об.

⁶ Там же. Л. 65—70 об.

на 15-м — ограничения к занятию должности епархиального судьи, найдя, что с этой должностью «не могут соединяться никакие административные по епархии должности, а также должность приходского священника и законоучителя»¹. Комиссия тем самым пыталась разграничить церковную судебную власть от административной. Церковными судьями также не могли становиться действующие члены Государственного совета и Государственной думы². Дополнительные требования к судьям церковного суда обсуждались также чуть позже, на 27-м заседании комиссии 20 мая 1916 г., когда было также решено установить особую судебскую присягу³.

Также на 15-м заседании Комиссия постановила, что церковный суд по общему правилу должен работать непублично⁴. Еще после некоторого обсуждения было решено, что «приговор духовного суда по делам, рассматриваемым при закрытых дверях, может быть объявлен публично и затем опубликован в резолютивной его части, но лишь по постановлению суда, с утверждения архиерея»⁵.

По указанию подсудимого на суде, с разрешения суда, разрешалось присутствие трех лиц — его представителей, аналогичное право закреплялось за потерпевшим, а если дело касалось интересов прихода, то еще и трех лиц по избранию прихожан⁶. Иноверцы, инославные и лица до 21 года в заседания церковного суда не допускались «в качестве публики»⁷.

На 18-м заседании 19 апреля 1916 г. С. Я. Утин сообщил членам комиссии о завершении работы над первой частью проекта церковно-судебных уставов — об учреждении (устройстве) церковно-судебных установлений. После принятия полного текста первой части предполагалось внести проект в Предсоборное совещание⁸. Через 10 дней, на 21-м заседании комиссии, было решено, кто будет составлять другие части церковного судебника: тот же С. Я. Утин взял на себя составление церковно-уголовного уложения, отдел административной юстиции должен был составить В. С. Шафранов, а церковно-карательный устав — А. П. Пилкин. В связи с этим последний был

¹ Там же. Оп. 194. 1 отд. 5 ст. Д. 1162. Протокол № 15. Л. 1 об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Оп. 445. Д. 224. Л. 115.

⁴ Там же. Оп. 194. 1 отд. 5 ст. Д. 1162. Протокол № 15. Л. 3 об.

⁵ Там же. Оп. 445. Д. 224. Л. 84 об.

⁶ Там же. Оп. 194. 1 отд. 5 ст. Д. 1162. Л. 100 об. (Протокол № 16).

⁷ Там же. Л. 102.

⁸ Там же. Л. 85.

приглашен Комиссией к участию в ее работах¹, а весь составляемый Комиссией судебник стали официально именовать «Церковно-судебный устав Русской Православной Церкви»². С того же 21-го заседания было начато постановительное чтение проекта об устройстве церковно-судебных установлений, продолжавшееся на следующих заседаниях. В ходе постановительного чтения поднимались во множестве смежные с содержанием статей вопросы. Точки зрения членов Комиссии иногда сходились, а иногда диаметрально разнились. В обсуждении, однако, чувствовалась если не широкая соборность (едва ли возможная в формате бюрократической комиссии), но, по крайней мере, свободная коллегиальность.

26 апреля Комиссия начала рассматривать вопрос о бракоразводном процессе³. По мнению Комиссии, никакие части производства по таким делам не могли передаваться в светский суд из церковного⁴. На 25-м заседании⁵ 13 мая 1916 г. Комиссия начала обсуждение вопроса о поводах к разводу⁶, на 30-м заседании 31 мая в частности обсуждала вопрос о посягательстве одного супруга на жизнь другого и жестоком обращении (говоря современным языком — домашнем насилии) как одном из таких поводов.

На 33-м заседании 10 июня 1916 г. Комиссия обсуждала вопрос о подсудности «по делам о церковно-наказуемых преступлениях и проступках»⁷.

Вторая сессия работы Комиссии Предсоборного совещания началась 35-м ее заседанием 2 сентября 1916 г. Было постановлено сохранить прежнюю интенсивность заседаний, причем заседать по средам в 2 часа дня и по пятницам в 8 часов вечера. Комиссия констатировала, что четыре из шести частей судебного устава уже составлены, а одна из них рассмотрена комиссией постановительно, две же (устав судопроизводства о расторжении браков и устав судопроизводства об удостоверении рождений, браков и смертей) еще не составлены. Их составление было поручено В. В. Радзимовскому и А. П. Пилкину⁸.

На том же 35-м заседании Комиссии также обсуждался порядок суда над патриархом (институт патриаршества несколькими годами ранее наметило восстановить в Русской Церкви само Предсоборное совещание). Намеченный

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 224. Л. 91.

² Там же. Л. 91 об.

³ Там же. Оп. 194. 1 отд. 5 ст. Д. 1162. Л. 112.

⁴ Там же. Л. 117 и след.

⁵ Там же. Л. 142 и след.

⁶ Там же. Оп. 445. Д. 224. Л. 104 и след.

⁷ Там же. Д. 225. Л. 37 и след.

⁸ Там же. Л. 46 и след.

Предсоборным совещанием порядок такого суда был признан неудобным. Члену комиссии С. Я. Утину было поручено разработать особую главу о суде над патриархом¹.

С 38-го заседания, состоявшегося 16 сентября 1916 г., Комиссия начала постатейный разбор второй части церковного судебника — «Устава о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках»². Параллельно редактировались и первая часть судебника, и положения о бракоразводном процессе. Осенне-зимняя работа 1916 — начала 1917 г. была преимущественно редакционной, но периодически члены комиссии входили в весьма подробные историко-канонические и церковно-практические обсуждения затрагиваемых статьями вопросов и проблем церковной жизни.

На 55-м заседании Комиссии 2 декабря 1916 г. оглашалась объяснительная записка к первой книге Церковного судебника. На заседании выступил архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иоаким (Левитский), протестовавший против использования в судебнике таких наименований и заглавий, как «карательный» и «член-обвинитель». Он подчеркивал, что они не соответствуют духу «налагаемых ныне Церковью наказаний», являющихся мерами «врачевания»³. Комиссия предложила замены этим понятиям. И на том же заседании было предположено составить список лиц для замещения церковно-судейских должностей.

На 61-м заседании Комиссии 18 января 1917 г. обсуждался состав судебного присутствия Священного Синода, которое должно было стать высшим судебным органом Русской Церкви, а также содержание и штаты этого присутствия⁴.

На 63-м заседании 30 января 1917 г. продолжилось постатейное (статьи 489—518) чтение проекта Церковного судебника⁵. 67-е заседание Комиссии, намеченное на 8 часов вечера 27 февраля 1917 г., было отменено⁶. Последним, вероятно, согласно подготовленной повестке, стало 66-е заседание 22 февраля 1917 г. в здании Святейшего Синода⁷, хотя в ассоциированных с Комиссией архивных делах последний сохранившийся протокол (журнал) касается упомянутого 63-го заседания 30 января.

¹ Там же. Л. 54 об. — 55.

² Там же. Л. 65 и след.

³ Там же. Л. 170 об.

⁴ Там же. Л. 189 об. и след.

⁵ Там же. Л. 203—212.

⁶ Там же. Оп. 194. Д. 1157. Л. 175.

⁷ Там же. Л. 174.

Через несколько месяцев материалы комиссии перешли на рассмотрение IV отдела Предсоборного совета 1917 г., где один из членов комиссии, В. В. Радзимовский, докладывал о результатах ее работы. Отдел, в котором председательствовал тот же архиепископ Сергей (Страгородский), увидел необходимость «пересмотреть и, в чем следует, исправить, применительно к изменившемуся церковно-государственному строю»¹. Исправленный А. П. Пилкиным проект церковно-карательного устава было решено доложить общему собранию Предсоборного совета². Профильный отдел Предсоборного совета также выработал 44 тезиса общих положений об устройстве церковного суда. В их основу также легли результаты комиссии 1916–1917 гг. На Поместном Соборе, открывшемся в августе 1917 г., был также создан Отдел о церковном суде, который, учитывая требования времени, в основном работал над вопросом о поводах к разводу – расторжению церковного брака, а также над общими основаниями церковного суда. Церковный судебник, старательно разрабатывавшийся комиссией Предсоборного совещания в 1916–1917 гг. остался непринятым. В дальнейшем церковно-судебная реформа, по понятным историческим основаниям, не получила своего развития.

¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. М., 2012. Т. 1: Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. С. 481.

² Там же. С. 482.

С. И. Алексеева

**«Теория ктиторства»
vs восстановление патриаршества:
к вопросу о церковном аспекте консервативных программ
пореформенного времени**

Статья посвящена «теории ктиторства» императора в церкви как одной из форм защиты Синода от проектов противников церковной реформы Петра I. Рассматриваются историко-правовые основы института ктиторства, эволюция отношения к нему в синодальный период. Анализируются аргументы сторонников «теории ктиторства» и критические отклики на нее в печати на фоне 170-й и 175-й годовщин учреждения Синода. Выясняется происхождение понятия «Верховный ктитор всероссийской (русской) церкви».

Ключевые слова: Синод, теория ктиторства, верховный ктитор, консерватизм, К. П. Победоносцев, Т. И. Филиппов, И. К. Зинченко, А. В. Васильев.

Алексеева Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург).

Svetlana I. Alekseeva, PhD (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy at Baltic State Technical University «VOENMEH» named after D. F. Ustinov (St. Petersburg).

graffitysophia3@rambler.ru

© С. И. Алексеева, 2023

Svetlana I. Alekseeva

**“The theory of ktitorstvo”
vs restoration of the patriarchate:
on the question of the ecclesiastical aspect
of conservative programs of the post-reform period**

The article is devoted to the «theory of ktitorstvo» of the emperor in the Church as one of the forms of protection of the Synod from the projects of opponents of the church reform of Peter I. The historical and legal foundations of the institution of ktitorstvo, the evolution of attitudes towards it in the synodal period are considered. The arguments of supporters of the «theory of ktitorstvo» and critical responses to it in the press against the background of the 170th and 175th anniversaries of the establishment of the Synod are analyzed. The origin of the concept of “Supreme Ktitor of the All-Russian (Russian) Church” is revealed.

Keywords: Synod, theory of ktitorstvo, supreme ktitor, conservatism, K. P. Pobedonostsev, T. I. Filippov, I. K. Zinchenko, A. V. Vasiliev.

Первая половина 1890-х гг. была отмечена резким обострением журнальной полемики по церковно-государственным вопросам. В нее были вовлечены профессора духовных академий и университетов, общественные деятели и «светские богословы», высшее чиновничество и журналисты, не всегда выступавшие под собственным именем. Одним из центральных вопросов этой полемики являлась церковная реформа Петра I.

В 1891 г. государственный контролер Третий Иванович Филиппов и новый ректор Московской духовной академии Антоний (Храповицкий) возбудили вопрос о восстановлении патриаршества. Оба инициатора к этому времени имели репутацию активных противников детища Петра Великого и Феофана Прокоповича. Т. И. Филиппов открыто выражал свои взгляды в бюрократических сферах, публицистике, общественных собраниях, частной переписке, архимандрит Антоний — в основном в академической

среде: сначала в студенческом кружке Петербургской духовной академии¹, затем — во внеклассных беседах со студентами Московской духовной академии².

В конце XIX в. критика петровской реформы понималась в гораздо более широком контексте, чем прежде, и включала в себя целый ряд новых церковно-политических аспектов: проблемы филетизма, восточного папизма, церковного единства, отношения к православному Востоку, византийской окружной системе и статусу императора в церкви. В связи с этим Филиппов писал К. Н. Леонтьеву в 1888 г.: «К порокам прежнего времени, коренящимся в сатанинских действиях Петра и Феофана и в их последствиях, приложился „в последние дни“ новый гнусный и чрезвычайно опасный порок филетизма, порожденный и вскормленный болгарским мятежом против Церкви (греко-болгарская схизма. — С. А.) и нашим ему покровительством. Прежде была надежда (у благочестивых и размышляющих людей), что наступит когда-либо минута, когда язвы нашего церковного управления и положения исцелятся при помощи и содействии единоверных нам церквей Востока, коим и мы, в свою очередь, могли бы оказать в чем-либо помощь. А болгарские события, оборвав наши связи с Востоком, создали наше одиночество, которым мы начинаем еще нагло гордиться. Катков не раз повторял, что Россия и Православие — одно и то же. Победоносцев идет по его стопам и измышляет все, что может повести к окончательному разрыву нашему с Востоком. С другой стороны, Русский иерарх, встречая Государя, говорит Ему: „Просвети лице твое на нас!“, „да знаменается на нас свет лица твоего!“ И за это никто не извергает из сана, им опозоренного; никто даже и не подумает обличить и наказать его, а, того и гляди, дадут ему следующую ленту, или бриллианты на клобук!» Далее Т. И. Филиппов приводил в несколько утрированном виде примеры из выступлений обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, епископа Харьковско-Амвросия (Ключарева) и первенствующего члена Синода митрополита Исидора (Никольского), свидетельствовавшие об усилении в синодальной и архиерейской среде сакрального восприятия фигуры императора

¹ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Блаженнейший Антоний, митрополит Киевский и Галицкий (Составлено по воспоминаниям и творениям владыки и по рассказам его бывших подчиненных, сослуживцев и учеников) // Сб. избр. соч. блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. С портретом и жизнеописанием автора. Монреаль, 1986. С. XV.

² *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 44.

и, шире, членов императорской фамилии через аллюзии к Христу Священного Писания¹.

Письмо Т. И. Филиппова было посвящено размышлениям о характере возможного ответа на брошюру философа В. С. Соловьева «L'id e russe» (Paris, 1888), пронизанную идеей «вселенской теократии». Участие Т. И. Филиппова и Антония (Храповицкого), тогда доцента Петербургской духовной академии, в журнальной полемике с В. С. Соловьевым продемонстрировало единство подходов оппонентов философа и, очевидно, сблизило их.

Вскоре грекофил Т. И. Филиппов сам получил обвинение в восточном папизме от профессора-византиниста И. Е. Троицкого — главного советника К. П. Победоносцева по вопросам православного Востока. Поводом к острой дискуссии, разгоревшейся между ними на страницах «Московских ведомостей» и «Гражданина» князя В. П. Мещерского, стало чествование 6 февраля 1891 г. 1000-летия со дня кончины патриарха Константинопольского Фотия. Светский и неофициальный характер торжества стал для Филиппова очередным знаком разъединения России с Вселенской церковью. И. Е. Троицкий в ответ развил концепцию третьего Рима, «перенесенную на почву синодальной церкви со столицей в Петербурге»². Пристрастность этой дискуссии и ее политическая ангажированность были отмечены историками³. Важно также, что позиция Победоносцева — Троицкого не нашла единодушной поддержки ни у иерархов церкви, ни у чиновников Синода⁴.

¹ Т. И. Филиппов — К. Н. Леонтьеву. 3 октября 1888 г. // Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875—1891) / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 508—510.

² Герд Л. А. И. Е. Троицкий: по страницам архива ученого // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 39—40.

³ Герд Л. А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878—1898). М., 2006. С. 164—167; Блиев В. Р. Споры о патриархе Фотии: к проблеме «византийского папизма» в отечественной историографии конца XIX — начала XX в. // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 179—185; Сухова Н. Ю. Патриарх Фотий и его роль в оппозиции Восток—Запад в оценке представителей российских духовных академий конца XIX — начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 74. С. 110—112, 115.

⁴ Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни: автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: в 9 т. Сергиев Посад, 1911. Т. 9. С. 20—22, 25.

Патриарший юбилей напомнил, что Фотию принадлежал новый вариант теории симфонии, «двумя составляющими» которой являлись царь и патриарх¹. Нет сомнений, что дискуссия по поводу чествования патриарха Константинопольского стала катализатором дальнейших событий.

На 1891 г. пришлось еще одна круглая дата — 170 лет со дня учреждения Синода. Однако для официальной юбилейной культуры Российской империи эта годовщина не была актуальной ни по форме, ни по содержанию. Юбилейными в XIX столетии признавались даты, кратные 50, и значительно реже — 25 годам. При этом понятие ведомственного юбилея уже существовало. Так, в 1887 г. выпуском исторического обозрения деятельности и памятной медали было отмечено 50-летие Министерства государственных имуществ во главе с министром М. Н. Островским. Поэтому фигура умолчания вокруг 170-летия Синода как учреждения, обладавшего более внушительным историческим стажем и значимостью для легитимности монархии Романовых, возникла неслучайно. При неоднозначном отношении русского социума к церковно-государственным вопросам юбилей Синода мог вызвать новый виток общественной дискуссии. В то же время официальное игнорирование коммеморации синодальной годовщины не исключило конкурирующих способов интерпретации этого события. Думается, оно стало еще одним побудительным мотивом для инициативы Филиппова и архимандрита Антония именно в 1891 г. В это время Т. И. Филиппов приближался к пику своего правительственного влияния. Политический вес ему придавала принадлежность к группе консерваторов во главе с министром финансов И. А. Вышнеградским и князем В. П. Мещерским, потеснившей во влиянии на Александра III «партию» К. П. Победоносцева — М. Н. Каткова. 28 февраля 1892 г., после личных бесед с Филипповым и Победоносцевым, известный деятель церковно-приходских школ С. А. Рачинский, единомышленный с обер-прокурором Синода, записал в дневнике свои петербургские наблюдения: «Между тем, группа Вышнеградский — Островский — Абаза — Третий все более и более принимает характер подпольного правительства. Непонятным образом в этой группе играет большую роль Мещерский. К себе государь его не пускает. Но у него, очевидно, есть какой-то тайный путь воздействия...»².

¹ Асмус В., *прот.* Церковные полномочия византийских императоров // Православная государственность: 12 писем об Империи: сборник статей / под ред. А. М. Величко, М. Б. Смолина. СПб., 2003. С. 37.

² Рачинский С. А. «Татевский дневник». Запись от 28 февраля 1892 г. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 427. Оп. 1. Д. 718. Л. 41 об.

Таким образом, повод совпал с возможностью, позволившей Т. И. Филиппову и Антонию (Храповицкому) рассчитывать на определенную результативность своей акции.

Относительно скромные границы их замысла вырисовываются из письма Т. И. Филиппова К. Н. Леонтьеву от 8 марта 1891 г.: «Теперь о Церкви. Может быть после того, что Вы сказали о смертной опасности от смешения сословий, *Вам следовало бы сказать и о необходимости — еще более настоятельной — восстановления Церкви хотя бы и не во всем подобающем Ей велелении (что по нашим временам невозможно), а по крайней мере в известной степени, хотя бы только почина в этом стремлении со стороны Верховной Власти, Которой Церковь нужнее воздуха*»¹ (курсив наш. — С. А.). Согласно комментарию составителя переписки «пророков византизма» О. В. Фетисенко, письмо Третья Ивановича К. Н. Леонтьев со своими пометами посылал их духовному отцу — оптинскому старцу Амвросию (Гренкову)². В ответе Филиппову предложенную им тему К. Н. Леонтьев обозначил как тему «освобождения Церкви»³.

Сообщение о намерении Т. И. Филиппова и архимандрита Антония, извлеченное из автобиографических записок архиепископа Тверского Саввы (Тихомирова), уникально. Но его следует признать достоверным как по характеру личностей мемуариста и автора известия, так и по реакции на него обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, включившегося в кампанию по защите своего ведомства. Известный археолог А. В. Селиванов, навестивший архиепископа Тверского 27 мая 1891 г. проездом из Петербурга, сообщил, что «Т. И. Филиппов и архимандрит Антоний (Храповицкий) — ректор Московской дух. академии возбуждают вопрос о восстановлении патриаршества в России, и это — повод К. П. Победоносцеву поручить вице-директору его канцелярии г. Зинченко написать статью, под заглавием: „о нашем высшем церковном Управлении“. Статья эта напечатана в апрельской книжке Русского вестника, 1891 г.»⁴.

А. В. Селиванов, старший чиновник особых поручений при рязанском губернаторе, являлся основателем Рязанской ученой архивной комиссии, в члены которой К. П. Победоносцев и И. К. Зинченко вступили

¹ Т. И. Филиппов — К. Н. Леонтьеву. 8 марта 1891 г. // Пророки Византизма... С. 616.

² Там же. С. 617.

³ К. Н. Леонтьев — Т. И. Филиппову. 29 марта 1891 г. // Там же. С. 620.

⁴ Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни. Т. 9. С. 85.

в 1888 г.¹ Источником новости для Селиванова, скорее всего, был сам Зинченко. Неточность сообщения состояла в том, что, по свидетельству К. П. Победоносцева, трактат высокопоставленного чиновника Синода был готов уже в январе 1891 г. 26 января 1891 г. Константин Петрович извещал известного педагога-миссионера Н. И. Ильминского: «Посылаю Вам еще любопытную брошюру о церковном управлении. Писал И. К. Зинченко».² Очевидно, демарш Т. И. Филиппова и архимандрита Антония стал поводом для ее публикации. 27 марта статья Зинченко была разрешена цензурой к печати.

Одобрив эту публикацию, Победоносцев отступил от принципа, которого придерживался в отношениях с Филипповым уже с десятков лет — без необходимости не вступать в журнальную полемику, перетекающую из спора о существе предмета в дискуссию о мотивах — «задних мыслях» дискуссионтов³. Особо твердо он придерживался этого правила с 1889 г., когда Третий Иванович по должности государственного контролера стал присутствовать в Государственном совете.⁴

Магистр богословия и собиратель древних рукописей И. К. Зинченко, по свидетельству начальника архива и библиотеки Синода А. Н. Львова, был известен «писанием невозможнейших и возмутительнейших проектов», в которых старался «найти практическое приложение идей самого Победоносцева и подставить под них исторические основы». Метод Зинченко заключался в том, что «он обращался с историей и ее фактами, конечно, по произволу: берет только то, что ему нужно, и беззастенчиво отбрасывает другое, что ему противоречит»⁵. Авторство статьи вице-директора канцелярии обер-прокурора Синода, опубликованной под инкогнитонимом Z, не было секретом для посвященных, но широкой общественности оно стало известно только в 1909 г., когда соответствующие главы записок Саввы (Тихомирова) были опубликованы в «Богословском вестнике». Иначе как инкогнито статья

¹ Труды высочайше учрежденной Рязанской ученой архивной комиссии за 1888 год. Т. 3. № 1–8. Рязань, 1889. С. 22, 172, 179.

² К. П. Победоносцев — Н. И. Ильминскому. 26 января 1891 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 70.

³ К. П. Победоносцев — Н. И. Субботину. 6 апреля 1882 г.; 22 мая и 13 июня 1887 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1915. Кн. 1. С. 266–267, 479, 483.

⁴ К. П. Победоносцев — Н. И. Субботину. 13 июня 1890 г. // Там же. С. 541.

⁵ «Быть может и в моем песке и соре найдется какая-нибудь крупинка...» (Дневник Аполлинария Николаевича Львова) / Подгот. текста, введ. ст. и коммент. С. Л. Фирсова // Нестор. 2000. № 1. С. 82, 95–96.

увидеть свет и не могла. Законодательство Российской империи не допускало изъяснение действующих законов чиновниками: требовалось представление Синода на благоусмотрение императора¹.

Обширный трактат Зинченко содержал историческую апологию Духовного регламента и утверждение, что перемена высшего церковного управления, произошедшая при Петре I, была «выполнением требования исторического хода и силы вещей». Уничтожение договорного, вредного для самодержавия начала в отношениях с церковью началось при Иване III. Укрепляясь, самодержавие «увидело, наконец, необходимость в решительном ударе союзу всех начал, угрожавших опасностью самому государству. Таким ударом и было уничтожение патриаршества, с указанием в Духовном регламенте на опасности для государства от единоличного церковного управления в стране, полной невежества». Это была «самозащита» со стороны государства, «предпринятая не против церкви, а против внутренних своих врагов, прикрывавших свои преступные цели именем и благом церкви». Уничтожив патриаршество, Петр I лишь дал в Духовном регламенте «определенную, законную и вследствие этого обязательную форму» тому, что существовало со времени Ивана III и Ивана IV, — констатировал автор².

Центральное место в статье отводилось опровержению цезарепапизма петровской реформы. По мнению И. К. Зинченко, «ни в строе религиозного мирозерцания русского человека, ни в истории имущественной жизни русской церкви, обусловленной ктиторовским правом» не было никаких задатков цезарепапизма в западноевропейском, византийском или реформатском духе. А положение царя в церкви определялось «своеобразным ходом истории русского народа, всецело возлюбившего самодержавную форму государственной жизни, как такую, которая одна может дать истинную свободу русскому народу во всех сферах его жизни, не исключая и церковной»³.

Новацией трактата являлся акт толкования 42-й статьи Основных государственных законов Российской империи, устанавливавшей объемы церковной власти императора. Для ее характеристики автор вводил понятие «Верховный ктитов всероссийской церкви» как «понятие, можно сказать, только соприкасающееся с понятием о церкви, но не входящее в состав его, как видовое, или низшее»⁴. По сути, между ним и формулой Духовного

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 1, ч. 1: Основные государственные законы. Ст. 49, 55, 65.

² З. О нашем высшем церковном управлении // Русский вестник. 1891. № 4. С. 4–8, 10–14.

³ Там же. С. 24–25.

⁴ Там же. С. 16.

регламента, описывавшей существо церковной власти монарха в 42-й статье Основных законов, ставился знак равенства, как между термином и его определением. Верховный ктитор всероссийской церкви, то есть «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоправия и всякого в Церкви святой благочиния»¹.

Ко времени появления статьи И. К. Зинченко содержательный научный анализ рецепции института ктитинства на русской почве отсутствовал. Придя из Византии, он изначально регулировался в соответствии с законодательством империи. Одной из разновидностей ктитинского патронажа в Византии был императорский. Древнерусские князья и московские государи использовали ктитинство для укрепления престижа своей власти и ее легитимации. Основанием для наследственных княжеских ктитинств был вклад движимого или недвижимого имущества в созданную церковь или обитель для их содержания, что давало ктитору право на управление церковным имуществом и поставление священников². Это сообщало дворцовому духовенству особый статус, выводя его из-под финансово-административной и судебной власти епископов³. В XVIII–XIX вв. термин «ктитор» в русской православной традиции все больше сближался с понятием «церковного старосты»⁴.

¹ Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. Ст. 42. Примечание к данной статье («В сем смысле император, в акте о наследии престола 1797 Апр. 3... именуется главою Церкви») представляло собой аутентическое, т. е. формально-обязательное толкование, данное самим законодателем.

² *Гайденко П. И.* 1) Несколько замечаний об институте ктиторов в домонгольской Руси (на примере Печерского монастыря) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 4. С. 31–52; 2) К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси (окончание) («царские» монастыри домонгольской Руси) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. № 6. С. 369–386; *Ченцова В. Г.* Ктитинство и царский титул: Россия и Хиландарский монастырь в XVI веке // Славяноведение. 2014. № 2. С. 15–24.

³ *Колачев В. Я.* О положении придворного духовенства в XVIII веке: Историческая справка. Пг., 1914. С. 3–6.

⁴ *Лютаева М. С.* История понятия «ктитор» в русской православной традиции. Эволюция семантических различий // Религии в России и мире: диалог, веротерпимость и конструирование идентичности: сб. науч. докладов. Сер. «Свеча — 2020». Владимир, 2020. С. 251–257. К сожалению, неполнота источниковой базы не позволила автору данной статьи увидеть новый семантический сдвиг в значении понятия «ктитор» во второй половине XIX в.

Не останавливаясь на том, насколько ктиторовство на русской почве было согласно с канонической традицией или ее толкованием, И. К. Зинченко выявлял исторические корни ктиторовства русских государей: «Князья, а потом цари... главою церкви исповедуя одного Христа, несли обязанности и пользовались правами церковных ктиторов в двояком отношении: в качестве обыкновенных вотчинников и в качестве государей-ктиторов». С образованием единого Русского государства царь как «*Вотчик всей русской земли*» на церкви «дал ругу и корм из своей царской казны, почему и сделался ктиторм *всероссийской церкви*». К концу XVII в. на этом праве он также стал «ктиторм, в высшем смысле... церковей всех своих „холопов“, наделенных вотчинами и поместьями, вместо жалованья за службу»¹.

Таким образом, в своем трактате И. К. Зинченко совершал акт доктринального (неофициального) толкования права. Учитывая его миссию по письменному оформлению идей К. П. Победоносцева, творцом понятия «верховный ктитор Русской церкви», скорее всего, был сам обер-прокурор Синода. Во всяком случае, он продолжал им оперировать и после смерти своего сотрудника в 1901 г., до самого конца служебной карьеры².

Несмотря на тень почившего М. Н. Каткова редакция «Русского вестника», не согласная с содержанием статьи вице-директора канцелярии Синода, опубликовала ее, только «уступая желанию» влиятельных в духовном ведомстве светских особ³, как приглашение к дискуссии по вопросу «государственной и народной важности»⁴. В. В. Розанов, тогда уже автор «Русского вестника», по прочтении статьи Зинченко написал К. Н. Леонтьеву: «Ради Бога напишите Ваши впечатления от статьи *Z.* „Наше высшее церковное управление“ („Р.В.“, апрель) — меня она ужасно заинтересовала и во всем прежнем поколебала (я думал, что у нас цезарепапизм)»⁵. Но К. Н. Леонтьев, всегда обстоятельно отвечавший на вопросы своего молодого корреспондента, на этот раз оставил просьбу его без ответа, ожидая мнения

¹ *Z.* О нашем высшем церковном управлении // Русский вестник. 1891. № 4. С. 19–21, 24, 31.

² К. П. Победоносцев — Николаю II. 10 апреля 1905 г. // Из писем К. П. Победоносцева к Николаю II (1898–1905) // Религии мира. История и современность: Ежегодник 1983. М., 1983. С. 186.

³ *Васильев А. В.* Миру — народу мой отчет за прожитое время. Пг., 1908. С. 64.

⁴ *Z.* О нашем высшем церковном управлении. С. 4. Примеч. ред.

⁵ В. В. Розанов — К. Н. Леонтьеву. Между 8 и 20 мая 1891 г. // *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Т. 13: Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М., 2001. С. 400.

Т. И. Филиппова.

Отреагировал и сам Тертый Иванович, написав князю В. П. Мещерскому 21 мая: «Надо повидаться перед моею поездкою в Москву (Пятница). Статья „Р. Вест.“ „о высшем церковном управлении“ требует деятельного вмешательства „Гр-на“»¹. В середине июля Филиппов навестил К. Н. Леонтьева в Оптиной пустыни и принял от старца Амвросия «его последнее благословение и последние советы, в которых имел крайнюю нужду, предпринимая брань против богоборцев, мнящихся службу приносить Богу», как он писал Савве (Тихомирову)². Очевидно, формат «Гражданина» был признан неподходящим для ответа на пространный трактат И. К. Зинченко, и столь же пространная «отповедь» ему появилась на страницах «Русского вестника» в ноябре 1891 г.

Автором «отповеди», опубликованной под астронимом ***, стал один из ближайших сотрудников Т. И. Филиппова по Государственному контролю писатель-славянофил А. В. Васильев. Первоначально статья предназначалась им для журнала «Благовест», и в сентябре 1891 г. была разрешена к печати духовным цензором этого издания архимандритом Григорием. Но, узнав, что статья фактически направлена против К. П. Победоносцева, он отменил свое решение, и в «Благовесте» она была опубликована только в январе 1892 г. как перепечатка из «Русского вестника»³. Хотя инициатором появления статьи А. В. Васильев называл себя, без сомнения, она была написана по просьбе Т. И. Филиппова. А. В. Васильев, стоявший за соборность церкви, указал на произвольность выводов Зинченко и на фактах проиллюстрировал мнение А. Н. Львова об ущербности исследовательского метода чиновника Синода. Мысль Васильева состояла в том, что действительный характер отношения императора к церкви в синодальный период выходил за рамки его законодательной формулы. Это была «монаршеская» церковь. Он отметил неправомерность распространения «теории ктитинства», заимствованной Зинченко у историка С. М. Соловьева, на синодальную эпоху. На самом деле С. М. Соловьев описывал церковные полномочия первых

¹ Т. И. Филиппов — В. П. Мещерскому. 21 мая [1891 г.] // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1378. Оп. 2. Д. 10. Л. 20.

² Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни. Т. 9. С. 172.

³ О преобразовании высшего церковного управления Петром I. Отповедь на статью г. З «О нашем высшем церковном управлении», напечатанную в апрельской книжке «Русского вестника» за 1891 год // Русский вестник. 1891. № 11. С. 166–196. В 1908 г. автор поместил эту статью в сборнике своих трудов уже под собственным именем: Васильев А. В. Миру — народу мой отчет за прожитое время. С. 31–64.

Романовых до учреждения Синода понятием «всероссийский церковный староста», и вряд ли можно признать, что это умозаключение было поднято им на высоту теоретических обобщений¹. В своем главном труде маститый историк писал о церковных преобразованиях Петра I как совершенных с «умением не перейти должные границы» и вполне соответствовавших духу восточной церкви². Но в более частных мемуарах не отрицал цезарепапизма петровской реформы³.

Оценивая итоги работы Предсоборного присутствия 1906 г., несмотря на личную и идейную неприязнь к Васильеву В. В. Розанов развил его мысль о «теории ктитинства» С. М. Соловьева до образа-понятия, приписав историку несколько больше, чем он сам имел в виду. Но семантическое сужение значения слова «ктитор» до понятия «церковный староста», отмеченное Розановым в статье для «Нового времени», подтверждает, что понятие «верховный ктитор Русской церкви» могло родиться только намеренно, в церковно-политическом контексте⁴.

Следующим шагом в кампании против Т. И. Филиппова и Антония (Храповицкого), видимо, должно было стать доказательство несостоятельности патриаршей формы церковного управления. В Российском государственном историческом архиве хранится неизданный отрывок рукописи И. К. Зинченко, направленной против сторонников патриаршества. Общий смысл этого сочинения сводится к следующему. Патриаршая форма управления церковью «сама по себе никаких особенных преимуществ не имеет». Предоставление ей полной свободы действий оборачивается самовластием церковной иерархии, неэффективной для церкви и подражающей власти светских правителей, с предпочтением деспотическим методам управления. Тем более что рецепция патриаршества в России состоялась в период османского господства на православном Востоке, даровавшего патриархам доходящую до «эксплуатации и угнетения» свободу во внутрицерковных и даже некоторых гражданских делах. Все это потребовало установления контроля государства

¹ Соловьев С. М. Истории России с древнейших времен. М., 1962–1963. Кн. VII. С. 51; Кн. IX. С. 113.

² Там же. Кн. IX. С. 550.

³ Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг., 1915. С. 67–68.

⁴ Розанов В. В. Положение духовенства в государстве // Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 15: Русская государственность и общество (Статьи 1906–1907 гг.). М., 2003. С. 191–193.

над иерархией и делами церкви во имя обеспечения истинной свободы церковного общества¹.

Коллега И. К. Зинченко по Учебному комитету Синода протоиерей И. Я. Образцов, на которого его статья «произвела прескверное впечатление тем, что в ней воспета Петровская реформа», а поучительное сочинение Васильева вызвало «полное сочувствие автору», писал Савве (Тихомирову): «Не думается мне, однако же, чтобы позволили об этом говорить больше, вероятно заставят замолчать — вообще говорить что-либо об этом предмете»². Но полемика просто приобрела односторонний характер, обер-прокурорские чиновники в ней больше не участвовали. Новый трактат Зинченко опубликован не был. Летом 1892 г. в дискуссию включились профессор Московской духовной академии Н. Ф. Каптерев, близкий к Т. И. Филиппову, и священник Исаакиевского собора В. В. Белогостицкий. Первый дал исторический фон петровской реформы, второй согласился с мнением о неправомерности распространения «теории ктитинства» на синодальный период³. Показательно, что один из самых обстоятельных критических разборов статьи И. К. Зинченко последовал от доктора канонического права и обер-секретаря Синода Т. В. Барсова⁴.

Определенные надежды на оживление дискуссии сторонники Т. И. Филиппова явно связывали с юбилеем 175-летия Синода в 1896 г. В январе А. В. Васильев поднес свою статью первенствующему члену Синода митрополиту Палладию (Раеву), находившемуся в резкой оппозиции обер-прокурорскому режиму и благословившему появление новых публикаций против церковной реформы Петра I⁵. Еще одним ответом на статью И. К. Зинченко стала изданная за границей давним соратником Филиппова Н. Н. Дурново книга «Церковные вопросы в России» (Браила, 1896). Она содержала острую критику взглядов и церковной политики К. П. Победоносцева с позиции необходимости возрождения патриаршества с современными соборами

¹ РГИА. Ф 858. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–3.

² *Савва (Тихомиров)*. Хроника моей жизни. Т. 9. С. 186.

³ *Каптерев Н. Ф.* Суждение Большого московского собора 1667 года о власти царской и патриаршей. (К вопросу о преобразовании высшего церковного управления Петром Великим) // Богословский вестник. 1892. № 6. С. 483–516; № 8. С. 171–190, № 10. С. 46–74; *Белогостицкий В. В.* Реформа Петра Великого по высшему церковному управлению // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 6. С. 257–281, № 7. С. 2–23.

⁴ *Барсов Т. В.* Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896.

⁵ *Васильев А. В.* Миру — народу мой отчет за прожитое время. С. 65–66.

и развития связей с православным Востоком¹. Но в 1896 г. с юбилеем Синоду опять не повезло. Власти не были заинтересованы в коммеморации этой годовщины. Двор и бюрократия готовились к коронации Николая II. Хотя это не помешало отметить 50-летие служебной деятельности К. П. Победоносцева, а на день учреждения Синода — 25 января — назначить высочайшим повелением императора празднование 50-летия приюта принца Ольденбургского².

Таким образом, коммеморативный ресурс «юбилейного пятилетия» 1891—1896 гг. был использован синодальной обер-прокуратурой в высшей степени неудачно. Вместо демонстрации достижений своего ведомства К. П. Победоносцев инициировал в печати кампанию по защите его легитимности. В ходе этой кампании был использован прием доктринального толкования 42-й статьи Основных законов империи, уже имевшей аутентическое (официальное) толкование от самого законодателя-самодержца. «Теория ктиторства» императора в церкви не нашла поддержки ни у духовенства, ни у синодальной бюрократии. Не появилось ни одной публикации, защищавшей ее внутренний авторитет. Развернувшаяся на страницах консервативной прессы полемика была искусственно прервана, успев засвидетельствовать наличие проблем в церковно-государственных отношениях и отсутствие единства внутри лагеря консерваторов. С новой силой эта дискуссия возобновилась с началом Первой русской революции, когда понятие «Верховный ктитор всероссийской (русской) церкви» взяли на вооружение люди круга Победоносцева, такие как Ф. Д. Самарин и протоиерей И. И. Восторгов³. Поэтому использование данного термина, рожденного в недрах синодальной обер-прокуратуры, для научной характеристики церковно-государственных отношений синодального периода представляется некорректным.

¹ *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856—1904 гг. СПб., 2006. С. 102—104.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 65. I отд. 1 стол. Д. 76; Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 15. № 12212.

³ Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного присутствия (1906 г.). М., 2014. Т. 3. С. 356, 393.

К. Е. Нетужилов

Миссионерские периодические издания дореволюционной России

В статье рассматривается история развития миссионерских журналов как особой группы в системе церковной периодической печати Синодального периода.

Ключевые слова: православная церковь, периодическая печать, миссионерская работа.

Konstantin E. Netuzhilov

Missionary periodicals of pre-revolutionary Russia

The article deals with the history of the development of missionary magazines as a special group in the system of church periodicals of the Synodal period.

Keywords: Orthodox Church, periodicals, missionary work.

Миссионерская деятельность официально считалась одной из важнейших обязанностей церкви в многонациональной и многоконфессиональной империи.

Нетужилов Константин Евгеньевич, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Konstantin E. Netuzhilov, Dr (Philology), Professor, St. Petersburg University of Management and Economics Technologies.

Konstnet@mail.ru

© К. Е. Нетужилов, 2023

В течение XIX в. миссия обрела значение важного государственного дела и постепенно стала принимать системный характер. Были созданы региональные миссии — Алтайская, Забайкальская, Казанская, Камчатская и другие, задача которых заключалась в последовательной христианизации народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В середине столетия началась работа по подготовке профессиональных миссионеров, центром которой стала Казанская духовная академия. Издававшийся при ней журнал «Православный собеседник» был на то время основным российским изданием, публиковавшим материалы по миссиологии.

Следующим шагом стало создание организаций в соответствии с «Основными правилами для учреждений православных церковных братств» и указом Св. Синода от 31 июля 1864 г. Идея заключалась в объединении церковной и общественной инициативы, вовлечении в миссионерскую работу не только приходского духовенства, но и наиболее активных прихожан (прежде всего — купечества). Для координации миссионерской деятельности многочисленных братств, возникших в различных епархиях, и их централизованного финансирования в 1865 г. в Петербурге под покровительством императрицы Марии Александровны было создано Миссионерское общество для содействия распространения христианства между язычниками. В 1869 г. оно было переименовано в Православное миссионерское общество и переведено в Москву. По инициативе Общества в каждой епархии были учреждены миссионерские комитеты, при которых трудились штатные епархиальные миссионеры. Таким образом в корне менялись принципы миссионерской работы: вместо эпизодического и, часто, хаотического воздействия отдельных подвижников создавалась разветвленная система. Деятельность миссионерских комитетов теперь регулярно освещалась на страницах местных «Епархиальных ведомостей». В 1860—1870 гг. почти во всех «Епархиальных ведомостях», выходивших в епархиях со смешанным населением, были созданы специальные разделы, посвященные вопросам миссионерской работы.

При Православном миссионерском обществе уже в 1866 г. была предпринята попытка организовать выпуск собственного периодического издания. Журнал «Записки Миссионерского, состоящего под покровительством государыни императрицы» издавался в Санкт-Петербурге под редакцией В. А. Васильева, но уже в 1868 г. был закрыт ввиду отсутствия регулярного финансирования (вышло лишь три номера). Только с началом московского периода деятельности Общества и получением им значительных сумм возникла возможность создать полноценное периодическое издание. Программа

журнала получила одобрение Св. Синода¹. В результате с 1874 по 1879 г. в Москве под редакцией священника Владимира Маркова выходил еженедельный журнал «Миссионер», небольшой по объему (1,5–2 печатных листа). Годовая подписка стоила 3 руб. (или 3 руб. 50 коп. с пересылкой). Журнал поступал и в розничную продажу (что обычно было не характерно для церковных изданий) по цене 5 коп. за экземпляр. На его страницах помещались популярные статьи по истории православной миссии, этнографические очерки, хроника миссионерской жизни, включавшая рассказы о деятельности миссионеров в России, Средней Азии и Японии, материалы по методике миссионерской работы. Редакционная политика предполагала популярный характер издания — «предоставлять читателю полезное и интересное чтение»². В «Миссионере» регулярно помещались подробные сведения о пожертвованиях на миссионерскую работу (вольно или невольно поощряя некоторую соревновательность среди московского купечества). В 1880 г. журнал «Московские епархиальные ведомости», издававшийся до этого Обществом любителей духовного просвещения, перешел в руки епархии и стал «Московскими церковными ведомостями». В обновленном журнале был создан специальный раздел, посвященный миссионерской работе. По соглашению редакций во избежание дублирования журнал «Миссионер» прекратил существование, а его сотрудники вошли в состав «Московских церковных ведомостей», где продолжали курировать миссионерскую тематику.

Новый этап в истории миссионерского дела и миссионерской периодики наступил в обер-прокуратуру К. П. Победоносцева. В отличие от своих предшественников, К. П. Победоносцев видел в миссии прежде всего инструмент борьбы с отпадением от православия. Таким образом, важнейшим объектом миссионерской работы должны были теперь стать не традиционные для нее мусульмане или язычники, а представители религиозных движений, определяемых церковью как секты. Во второй половине XIX в. к существовавшим уже целое столетие сектам мистического характера (хлыстовщина, скопчество, духоборство) добавились рационалистические — протестантского характера евангелические штундисты и штундобаптисты, появление которых на юге России справедливо связывают с влиянием немецких колонистов из числа менонитов и баптистов. В 1870-е гг. штундизм, появившийся сначала в Херсонской губернии, быстро распространился на Орловскую,

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 44. Ед. хр. 109.

² Миссионер. Еженедельное издание Православного миссионерского общества. 1874. Вып. 1 (февраль). С. 3.

Пензенскую, Самарскую, Саратовскую и Нижегородскую губернии¹. В ходе его развития сформировалась разветвленная сеть проповедников, переходивших от общины к общине и создававших новые группы последователей. Позиции баптизма, официально признаваемого иностранным исповеданием, были еще прочней. Баптисты, считавшиеся в России разновидностью евангелическо-лютеранской церкви, с 1879 г. имели право на свободное отправление культа², что повлекло за собой появление большого числа русских проповедников, обученных в Германии.

Начиная с середины 1880-х гг. по инициативе К. П. Победоносцева проводились регулярные архиерейские совещания в Киеве, Казани и Иркутске, а также Всероссийские миссионерские съезды. В результате 4 июля 1894 г. на основе решения Комитета министров вышел указ Св. Синода, по которому штундисты и баптисты были признаны наиболее опасными в церковном и государственном отношении сектами³.

Это время стало переломным в деле организации всей миссионерской работы. Менялись фокусировка миссионерской работы, ее методы и инструментарий. Эти изменения стали предметом многочисленных обсуждений и дискуссий на страницах церковной периодики. Епархиальные ведомости этого времени отводили много места освещению противосектантской работы на местах, однако явно ощущалась необходимость создания центрального «антисектантского» издания, посредством которого транслировались бы принципы правительственной политики. С 1893 г. Православное миссионерское общество в Москве возобновило выпуск собственного журнала. Издававшийся им под редакцией священника А. Никольского «Православный благовестник» явно не подходил для той роли, на которую пытался претендовать. Мягкий «увещательный» тон журнала диссонировал с принципами набиравшей силу антисектантской компании.

По решению II Всероссийского миссионерского съезда в 1896 г. под редакцией В. М. Скворцова в Киеве стал издаваться ежемесячный журнал «Миссионерское обозрение», наиболее полно вобравший в себя черты, присущие этому типу церковных изданий данного периода. Программа журнала была удостоена личной похвалы К. П. Победоносцева⁴. «Миссионерское

¹ Смолич И. К. История русской церкви. 1799–1917. Ч. 2. М., 1997. С. 181.

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 11, ч. 1. № 1106.

³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 4. № 2254.

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Ед. хр. 33.

обозрение» вышло в свет с красноречивым подзаголовком «Противосектантский журнал».

Редактором нового журнала стал Василий Михайлович Скворцов (1859–1932), принадлежавший к особой группе светских миссионеров-бюрократов, которая сложилась в 1880-е гг. и оставила в церковных кругах крайне негативную память о своей деятельности. Выпускник Киевской духовной академии, он был приглашен на должность чиновника для особых поручений при киевском генерал-губернаторе графе А. П. Игнатьеве со специальным назначением заниматься делами о сектах. В этом качестве В. М. Скворцов обратил на себя внимание К. П. Победоносцева, который назначил его чиновником для особых поручений при обер-прокуроре. Позже В. М. Скворцов получил широкую общественную известность как деятель правоконсервативного толка, организовавший кампанию против Л. Н. Толстого и написавший обличительную книгу о нем.

Программное заявление редакции «Миссионерского обозрения» представляло собой самый настоящий манифест церковно-охранительных сил. В нем провозглашалось: так как в России деятельность государства в глазах народа получает освящение, силу и действенность при посредстве Православной церкви, то все вопросы церковной жизни имеют государственное значение. «Православие и самодержавие, общественная и бытовая жизнь русского народа и его религиозные верования, — все это так тесно связано, что все вопросы веры и церкви у нас — вопросы государственные... История и современные наблюдения доказывают, что формы религиозного шатания и вольномыслия так часто скрывают в себе, а иногда только прикрывают собой вольномыслие социальное, а религиозные верования так близко соприкасаются с политическими симпатиями, что закрывать глаза на явление религиозного сектантства нет никакой возможности с точки зрения политической. Отсюда вытекает обязанность миссионерского печатного органа освещать сектантские вопросы и с этой стороны, тем более, что мысль о необходимости государственной борьбы с сектантством усвоена и разделяется далеко еще не всеми представителями правительственных сфер в России»¹. К своей целевой аудитории редакция журнала относилась не только духовенство, но и светское образованное общество, так как оно, «несмотря на поучительные уроки недавнего прошлого, склоняется более на сторону идеалов западно-европейской цивилизации, до противоположности чуждой идеалам истинно русских людей»².

¹ Скворцов В. М. Наше дело и наши задачи // Миссионерское обозрение. 1896. № 31. С. 6–7.

² Там же. С. 8.

Журнал выходил в свет один раз в месяц и состоял из двух отдельных выпусков. Первый выпуск содержал несколько постоянных разделов:

- методика организации миссионерской работы;
- богословско-апологетический раздел;
- практический опыт (миссионерские дневники и записки);
- библиографический («Летопись печати по вопросам миссии»);
- хроника новых явлений в жизни инославных церквей и сект.

Второй выпуск содержал материалы для повседневной практической работы миссионеров в церкви, вне церкви и в школе — поучения, внебогослужебные беседы, листки для народа и т. п. Особенно интересны «Миссионерские листки», которые время от времени издавались в виде бесплатного приложения. От прежних изданий этого типа, предназначенных для народного чтения, их отличал достаточно творческий подход, учитывающий специфику аудитории, подвергавшейся воздействию протестантских проповедников. «Миссионерские листки» не содержали стандартного набора поучений и толкований, предназначенных для простого народа еще со времен дореформенного «Воскресного чтения». Каждый выпуск «Миссионерского листка» был посвящен тому или иному спорному догматическому пункту, который рассматривался в форме вопросов по различным его аспектам. К ним специально подбирались нужные тексты Св. Писания и святоотеческие свидетельства, а в конце всегда следовало заключение, убеждавшее читателя в правильности православного понимания данной истины. Редакция «Миссионерского обозрения» учитывала, что ее «листкам» приходится иметь дело с убежденным и грамотным читателем, для которого Св. Писание является единственным авторитетом в вопросах веры. Отсюда стремление опираться в аргументации прежде всего на книги Ветхого и Нового Завета, осторожно приводя только те святоотеческие свидетельства, которые, в свою очередь, сами основаны на текстах Писания.

В журнале размещались исследования и описания различных теорий и групп, которые редакцией определялись как антицерковные, анализировались различные аспекты практической миссионерской работы с ними. В качестве положительного идеала редакция «Миссионерского обозрения» предлагала читателям идеализированную «Святую Русь», сконструированную по лекалам «уваровской триады» — самодержавие, православие, народность. Достаточно скептически оценил редакционную политику журнала протоиерей Г. Флоровский: «...в нем выдвигались всего больше нравственные темы. И все сильнее чувствовалось желание на всякий вопрос давать готовый ответ, внушать впечатление совершенной законченности православного

мировоззрения, устранять всякую возможность „недоуменных вопросов“¹.

«Миссионерское обозрение» стало образцом для местных изданий аналогичного типа. К таковым можно отнести издававшийся в Пскове под редакцией священника К. Голубева журнал «Истина», рязанский «Миссионерский сборник», петербургский «Православный путеводитель» и ряд других изданий. Типологически близким «Миссионерскому обозрению» был издававшийся с 1899 г. в Ярославле журнал «Приходская жизнь» под редакцией священников Успенского и Наумова. В нем фигурировал обширный раздел «приходская миссия», целиком посвященный борьбе с расколом и сектами. Всего в 1880–1917 гг. в России возникло и существовало одновременно 29 периодических изданий, которые можно охарактеризовать как миссионерские (не считая специальных разделов в «Епархиальных ведомостях»). Большая часть данных изданий существовала на средства различных церковных обществ при поддержке местных епархиальных властей, которые, в свою очередь, учитывали неизменное одобрение этого вида деятельности со стороны обер-прокурора. Таким образом, можно констатировать, что в системе церковной периодической печати миссионерские издания составляют отдельную группу.

Положение вещей кардинально переменилось после издания Высочайшего указа «Об устранении стеснения в области религии и укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.² Отныне на территории Российской империи вероисповедальная свобода предоставлялась всем конфессиям. Разрешались любые религиозные объединения, строительство храмов и молитвенных домов, а также издание религиозной литературы. Кроме того, указ устанавливал преподавание инославным христианам в учебных заведениях Закона Божия духовными лицами их исповеданий и на родном языке учащихся. Таким образом юридически закреплялись права личности на переходы в рамках христианских исповеданий, а также допущение отпадения от православия лиц, числящихся в нем формально, а в реальности исповедовавших свою религию. Указ привел к принципиальному пересмотру всех особенностей дела миссии. Первый пункт указа требовал «признать, что отпадение от православной веры не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия лицо

¹ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 418.

² ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 25. № 21125.

признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, какое оно для себя избрало».

В результате православная периодическая печать впервые в истории столкнулась с противостоящим ей печатным словом. В короткое время, в течение 1905–1906 гг. в России возникло два католических журнала, более десяти старообрядческих, а также несколько протестантских (баптистских) изданий¹. Значительное число представителей православного епископата и приходского духовенства видели в этих условиях серьезную угрозу для успеха миссионерской работы. Публикации в церковной периодике того времени полны их сетований на сложившуюся ситуацию. Общее настроение прекрасно выразил на страницах «Омских епархиальных ведомостей» штатный епархиальный миссионер И. Ливанов: «Дело миссии теперь кончено, миссия теперь не нужна, теперь все равны и свободны, кто куда хочет — туда и идет»². С другой стороны, в церковной публицистике этих дней можно встретить идеалистические выражения надежды на принципиальное улучшение условий миссионерской работы — исчезновение государственного (фактически полицейского) ее подкрепления должно превратить казенную службу в высокое служение. «Церковь восчувствует теперь так свойственный ей нравственный простор. Отныне миссия церковная в своей духовной деятельности будет опираться только на духовную силу церкви»³.

В июле 1908 г. в Киеве состоялся IV Всероссийский миссионерский съезд, состав участников которого оказался небывалым по представительности: три митрополита, десять архиепископов, двадцать три епископа и около пятиста приходских священников, миссионеров, синодальных служителей и преподавателей семинарий. Целью съезда была выработка стратегии и тактики миссионерской работы в условиях узаконенной конкуренции. Съезд должен был дать оценку политике религиозной терпимости с точки зрения православной миссии и определить принципы отношения к людям, покидающим церковь, с позиций церковной дисциплины. Отдельно был поставлен вопрос о борьбе с материализмом вообще и социал-демократией в частности.

Решения и общая атмосфера съезда в значительной степени определили вектор дальнейшего развития миссионерской периодики: фокус ее

¹ Андреев Г. Д., Троицкий А. Н. Христианские периодические издания на русском языке // Христианский энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995.

² Ливанов И. Епархиальный миссионер // Омские епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 18.

³ Димитрий (Ковальницкий), архиеп. Современные задачи внутренней миссии // Миссионерское обозрение. 1906. № 1. С. 1–5.

внимания сосредоточился теперь на вопросах внутренней миссии, направленной в первую очередь на православных христиан, покидавших церковную ограду. Миссионеры соглашались в том, что для эффективности необходима хорошо организованная приходская миссия, а также в том, что священник обязан быть главным постоянным миссионером на своем приходе. Плюрализм гражданского общества рассматривался как болезнь, внезапно поразившая приходы, которые теперь надлежало врачевать. Публикации этого времени чаще всего свидетельствуют о тотальном непонимании духовенством необходимости успешно конкурировать в борьбе за общество. В миссионерской периодике постоянно встречаются пожелания полного или частичного возврата к прежним порядкам — от требований запрета браков между православными и неправославными до организации сбора подписей под петицией царю пересмотреть законы 1905 г. В то же время, миссионерские журналы достаточно оперативно изменили жанровую специфику, перейдя от прежних проповеднически-назидательных публикаций к полемическим, учитывающим аргументацию оппонентов.

Так, журнал «Миссионерское обозрение», редакция которого по причине переезда редактора еще с 1896 г. была перенесена из Киева в Санкт-Петербург, сменил подзаголовок. Теперь вместо старого определения «противосектантский журнал» появилось новое — «полемико-апологетический журнал». При журнале дополнительно стала издаваться ежедневная газета «Колокол»: информационные поводы стали возникать теперь с такой частотой, что журнал просто не успевал на них оперативно реагировать. Журнал вплоть до последнего выпуска в 1916 г. продолжал традиционно ругать всех отреченных от церкви неправославных, интеллигенцию, периодически обвинял во всем царское правительство, которое «не следует заветам святых» и выражал беспокойство о будущем государства и положении церкви.

В этот период наблюдается заметный рост местной миссионерской периодики. В 1905—1917 гг. она была неплохо представлена в различных с точки зрения конфессиональной специфики регионах страны: «Екатеринославский благовестник» (1914—1917), «Живое слово» (приложение к «Миссионерскому сборнику» (Рязань, 1913—1917), «Инородческое обозрение» (Казань, 1912—1917), «Курский миссионерский листок» (1913), «Миссионерские известия по Ставропольской епархии» (1911—1917), «Пастырь-проповедник» (Пермь, 1909—1917), «Ревнитель» (Харьков, Воронеж, Саратов, 1911—1916) и др.

Тем не менее говорить о сколько-нибудь заметных успехах миссионерской деятельности в данный период не приходится. Дореволюционная

миссионерская публицистика так и не смогла предложить действенные методики для работы в новых условиях. Содержание миссионерских периодических изданий последнего десятилетия Российской империи лишь иллюстрирует глубину кризиса традиционного сознания в условиях происходящей модернизации общества.

Литература

- Андреев Г. Д., Троицкий А. Н.* Христианские периодические издания на русском языке // Христианский энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1995.
- Димитрий (Ковальницкий), архиеп.* Современные задачи внутренней миссии // Миссионерское обозрение. 1906. № 1. С. 1–5.
- Ливанов И.* Епархиальный миссионер // Омские епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 18.
- Скворцов В. М.* Наше дело и наши задачи // Миссионерское обозрение. 1896. № 31. С. 6–7.
- Смолич И. К.* История русской церкви. 1799–1917. Ч. 2. М., 1997.
- Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. В. Шкаровский

Вклад Санкт-Петербургской духовной академии в развитие науки в начале XX в.

В начале XX в. в Санкт-Петербургской духовной академии работала целая плеяда выдающихся ректоров, профессоров и преподавателей, которые внесли значительный вклад в развитие российской науки, прежде всего, в догматическое богословие, патрологию, нравственное богословие, литургику, каноническое право, церковную историю, археологию, искусствоведение, религиозную философию и филологию. Среди этих ученых выделялись Н. Н. Глубоковский, епископ Анастасий (Александров), И. Е. Евсеев, В. Н. Бенешевич, И. С. Пальмов, А. Л. Катанский, Н. И. Сагарда, А. А. Бронзов, Н. В. Покровский, протопресвитер Евгений Аквилонов, М. И. Каринский и др. В статье на основе архивных документов описана их научная и преподавательская деятельность и ее значение для российской науки.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская духовная академия, российская наука, ученое монашество, богословие, церковная история.

Шкаровский Михаил Витальевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Mikhail V. Shkarovsky, Dr (History), Professor of the St. Petersburg Theological Academy.

shkarovs@mail.ru

© М. В. Шкаровский, 2023

M. V. Shkarovsky

Contribution of the St. Petersburg Theological Academy to the development of science in the early 19th century

At the beginning of the 19th century, a whole galaxy of outstanding rectors, professors and teachers worked at the St. Petersburg Theological Academy, who made a significant contribution to the development of Russian science, primarily in dogmatic theology, patrology, moral theology, liturgics, canon law, church history, archaeology, art history, religious philosophy and philology. Among these scientists stood out N. N. Glubokovsky, Bishop Anastasy (Alexandrov), I. E. Evseev, V. N. Beneshevich, I. S. Palmov, A. L. Katansky, N. I. Sagarda, A. A. Bronzov, N. V. Pokrovsky, protopresbyter Evgeny Aquilonov, M. I. Karinsky, etc. The article describes their scientific and teaching activities and their significance for Russian science on the basis of archival documents.

Keywords: St. Petersburg Theological Academy, Russian science, learned monasticism, theology, church history.

В начале XX в. преподаватели и выпускники Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) внесли значительный вклад в развитие российской науки. В этот период столичную духовную академию возглавляла целая плеяда представлявших ученое монашество выдающихся ректоров: епископы Сергей (Страгородский, будущий Патриарх Московский и всея Руси) (24 января 1901 – 6 октября 1905), Сергей (Тихомиров, будущий митрополит Японский) (6 октября 1905 – 2 марта 1908), Феофан (Быстров) (4 февраля 1909 – 19 ноября 1910), Георгий (Ярошевский, будущий митрополит Варшавский, экзарх Польши) (22 ноября 1910 – 13 мая 1913) и Анастасий (Александров) (30 мая 1913 – 23 июня 1918)¹. То же можно сказать и про инспекторов Академии, среди которых следует назвать владык Михаила (Грибановского), Антония (Храповицкого, будущего Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей), упомянутых Сергея (Страгородского) и Феофана (Быстрова). Их деятельность способствовала активному развитию богословской науки и учебного процесса².

¹ Времена и судьбы: штрихи к истории Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 2011. С. 62–69.

² См.: Карпук Д. А. История Санкт-Петербургской Духовной Академии (1889–1918 гг.): дис. ... канд. богословия. СПб., 2008.

В частности, упорядочению учебного процесса и развитию науки много внимания уделял во время своего ректорства епископ Сергей (Страгородский). Изучив в течение двух лет своего инспекторства и затем ректорства в СПбДА организацию преподавания учебных предметов и самостоятельных работ студентов, он внес два проекта о перераспределении дисциплин по курсам Академии и учебным часам, а также о новом порядке написания семестровых сочинений. Принятие его предложений позволило сделать постановку учебного процесса более эффективной, соответствующей уровню богословской науки того времени¹. Сотрудники СПбДА активно участвовали в работе Международного психологического съезда (1905 г.) и археологического съезда (1908 г.).

Необходимо отметить, что уровень жизни преподавателей Духовных школ в конце XIX — начале XX в. был относительно невысок: ординарные профессора Академии, иногда европейски знаменитые, как В. В. Болотов, Н. Н. Глубоковский, А. Л. Катанский, получали 3000 руб. в год, экстраординарные профессора — по 2000, а доценты — 1200 руб. без квартиры и квартирных. Для сравнения: псаломщик богатой приходской церкви в городе имел почти 4000 руб. в год и квартиру, а иеромонах Александро-Невской Лавры, при готовом столе и квартире, — свыше 2000 руб. в год.

Для СПбДА в последние десятилетия ее существования была характерна открытость духовным запросам времени и участие в межхристианском диалоге. Так, фактически при Академии была создана Синодальная комиссия по старокатолическому вопросу, в которой плодотворно трудились В. В. Болотов, епископ Сергей (Страгородский), А. И. Бриллиантов и др. С конца XIX в. также активизируется диалог с Англиканской Церковью, богословы которой стали посещать СПбДА. Откликалась Академия и на духовные запросы российского общества.

Начало XX в. было трудным временем для русского церковного сознания. Вековая сословная оторванность духовенства и положение Православной Церкви в России в качестве государственного «ведомства» делали церковный голос почти неслышным в общественной жизни, образованное общество привыкло смотреть на Российскую Церковь с недоверием. Ситуацию отчасти изменила открытая и честная встреча Церкви с интеллигенцией, в которой самое деятельное участие приняли профессора СПбДА во главе со своим ректором епископом Сергием (Страгородским). Успех религиозно-философских

¹ *Архиепископ Кирилл (Гундяев)*. Богословское образование в Петербурге-Петрограде-Ленинграде: традиции и поиск // Богословские труды: Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной Академии. М., 1986. С. 19.

собраний 1902–1903 гг. стал значительной вехой в церковно-общественном пробуждении в Российской империи в предреволюционные годы¹.

Профессора СПбДА А. И. Бриллиантов и Н. Н. Глубоковский были активными участниками Предсоборного Присутствия в 1906 г. В своих выступлениях по поводу необходимых преобразований в строе русской церковной жизни они неизменно опирались на исторический опыт Вселенской Церкви. И в целом Предсоборное движение 1905–1907 гг. одной из своих четырех главных проблем считало вопрос о реформе Духовной школы. По нему высказывались почти все епархиальные архиереи, выступавшие за всесловенную пастырскую школу, что влекло за собой и более широкую внесловенность высшей богословской школы. В частности, предлагалось создать пастырские школы с трех-четырёхгодичным циклом обучения по типу «реального», возможно, даже «классического» среднего учебного заведения, а также высшие богословские школы, предполагающие для своих выпускников возможность как научно-педагогической, так и пастырской деятельности. И в те и в другие школы отбор лиц, имеющих призвание к церковному служению, должен был определяться степенью их образовательной подготовки и интеллектуальными способностями².

Относительно возможного типа высшей богословской школы следует упомянуть предложения, сделанные двумя выдающимися деятелями русской богословской науки того времени и с одобрением встреченные и профессурой, и студенчеством. Так, в 1905–1906 гг. профессор СПбДА Н. Н. Глубоковский и профессор Киевской духовной академии протоиерей П. Я. Светлов высказались за создание при университетах православных богословских факультетов. Духовные же академии предлагалось сохранить как научные и методические центры Российской Церкви. По мнению авторов этих предложений, сближение с университетами способствовало бы повышению научного уровня богословских и церковно-исторических разработок, а также повысило бы роль Церкви в среде образованного общества. Однако среди иерархов данное предложение поддержки не встретило³.

В период Первой русской революции, в 1906 г., трудами профессоров СПбДА было благополучно завершено второе издание полного собрания тво-

¹ Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947. С. 99–132; *Архиепископ Кирилл (Гундяев)*. Богословское образование... С. 15–16.

² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–3. СПб., 1906.

³ Там же. Ч. 1. С. 35–39; Ч. 3. С. 159–161, 273–274; *Архиепископ Кирилл (Гундяев)*. Богословское образование... С. 20.

рений свят. Иоанна Златоуста в 12 томах, начатое еще в 1895 г. Каждый том творений выходил в качестве дешевого (по сравнению с розничной ценой) приложения к академическим журналам «Христианское чтение» и «Церковный вестник». Новый перевод и издание творений свят. Иоанна было предпринято и осуществлено профессором А. П. Лопухиным для увеличения числа подписчиков на издания Академии.

В 1907 г. весь православный мир праздновал 1500-летие со дня кончины святителя Иоанна Златоуста, и корпорация СПбДА решила особым образом отметить юбилей 12 и 13 ноября 1907 г., в день памяти великого святителя¹. 12 ноября было совершено всенощное бдение, во время которого, а также и на следующий день после молебна, молящимся была роздана бесплатно тысяча книжек «Избранных творений св. Иоанна Златоуста» (издания СПбДА, 1907 г.). Книги раздавались не только в академическом храме, но в других церквях города. 13 ноября, после Божественной литургии, в актовом зале Академии состоялось торжественное собрание. Среди высоких гостей присутствовали митрополиты Московский Владимир и Киевский Флавиан, а также обер-прокурор Святейшего Синода П. П. Извольский, скончавшийся в эмиграции в сане протоиерея. Были заслушаны речи профессоров А. И. Пономарева², Н. И. Сагарды³ и протоиерея Сергия Соллертинского.

Полное собрание сочинений свят. Иоанна на русском языке было преподнесено в качестве подарка императору Николаю II. 19 января 1908 г.

¹ Празднование Санкт-Петербургской духовной академией 1500-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста // Церковный вестник. 1907. № 46. Стб. 1482–1483.

² *Пономарев А. И.* Св. Иоанн Златоуст как учитель веры и благочестия и его значение в русском православном народе. (Ко дню 1500-летия его памяти) // Церковный вестник. 1907. № 46. Стб. 1465–1473. Помимо этой речи, профессор А. И. Пономарев в журнале «Церковный вестник» поместил еще несколько статей, посвященных памяти св. Иоанна Златоуста: *Пономарев А. И.* Творения св. Иоанна Златоуста в русском православном народе и значение их (Ко дню 1500-летия его памяти) // Церковный вестник. 1907. № 37. Стб. 1185–1188; № 38. Стб. 1213–1219; *Его же.* Святитель Иоанн Златоуст в церковно-народном учительстве на Руси (Ко дню 1500-летия его памяти) // Церковный вестник. 1907. № 45. Стб. 1435–1442; № 47. Стб. 1497–1502; № 48. Стб. 1539–1545.

³ *Сагарда Н.* Учение св. Иоанна Златоуста о Церкви. Речь в торжественном собрании Санкт-Петербургской духовной академии 13 ноября 1907 г., посвященном блаженной памяти св. Иоанна Златоуста // Церковный вестник. 1907. № 46. Стб. 1473–1482; № 47. Стб. 1502–1510.

на заседании Совета было получено уведомление митрополита Антония (Вадковского) о том, что 16 ноября 1907 г. император принял для своей библиотеки дар СПбДА и «Всемилоостивейшее повелеть соизволил Академию благодарить»¹.

Закончив в 1906 г. издание «Полного собрания творений свят. Иоанна Златоуста», в 1907 г. редакция академических журналов приступила к выпуску полного собрания творений преп. Феодора Студита в русском переводе. Все издание было осуществлено в двух томах — каждый от 50 до 60 печатных листов (около 800–1000 страниц убористого шрифта). В 1907 г. вышел первый том, второй — в следующем году. Оба тома редактировал профессор И. И. Соколов.

После этого на время была сделана пауза и в 1909–1910 гг. академические журналы выходили без приложений. В 1911–1912 гг. в качестве приложения был издан канонический труд епископа Далматинско-Истрийского Никодима (Милаша) «Правила Православной Церкви с толкованиями». В 1913 г. Академия приступила к изданию «Полного собрания творений святого Иоанна Дамаскина». Однако до Первой мировой войны был выпущен только один том.

За период с 1909 по 1913 гг. состав академической корпорации обновился почти на 50 % — в нее вошли 16 новых преподавателей. Правда, реализовать на практике установленную норму, касавшуюся преподавателей в священном сане, в СПбДА не удалось: к 1914 г. из 34 членов корпорации только 6 человек состояли в священном сане. Однако высшие духовные школы столицы действовали достаточно успешно, развивалась академическая наука, защищались докторские и магистерские диссертации. В предреволюционный период, за время действия устава 1910–1911 гг. в СПбДА 8 человек защитили докторские и 21 — магистерские диссертации. Среди них были профессор А. И. Сагарда, защитивший в 1916 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора церковной истории и вернувшийся в Академию после ее воссоздания в 1946 г., и иеромонах Николай (Ярушевич, в то время преподаватель Петроградской Духовной семинарии), защитивший в 1917 г. диссертацию на соискание ученой степени магистра богословия, — будущий митрополит Крутицкий и Коломенский, глава Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии в 1944–1960 гг.²

Ректором Академии в 1913 г. стал епископ Анастасий (Александров), ученый с европейским именем в области сравнительного языкознания, доктор

¹ Журналы заседаний Совета СПбДА за 1907–1908 уч. год. СПб., 1908. С. 93.

² Времена и судьбы... С. 18.

славянской филологии и доктор церковной истории¹. Владыка являлся автором многих работ по литовской филологии, сравнительной лингвистике и истории славянских Церквей, наиболее известными его трудами были «Sprachliches aus dem Nationaldichter Litauens Donalitus. Zur Semasiologie» (Dorpat, 1886), «Litaunische Studien» (Dorpat, 1888), «Наблюдения по патологии речи» (Казань, 1888), «Детская речь» (Казань, 1893), «История развития духовной жизни Черной горы и князь-поэт Николай I» (Казань, 1895), «Служба св. Кириллу, учителю Словенскому, по рукописям русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. — Памятники древнего письма» (СПб., 1895)². Еще до выхода Синодального указа преподавательская и студенческая корпорации СПбДА высказывали полное удовлетворение предполагаемым новым назначением.

Существенный научный прогресс Петербургской духовной школы в начале XX в. был связан с деятельностью таких известных ученых, как профессор по кафедре догматического богословия в 1867–1896 гг. Александр Львович Катанский (1836–1919), наиболее крупными трудами которого являются докторское сочинение «Догматическое учение о семи церковных таинствах» (СПб., 1877) и «Учение о благодати Божией в творениях св. отцов и учителей Церкви до блаженного Августина. Историко-догматическое исследование» (СПб., 1902); профессор по кафедре патрологии в 1907–1918 гг. Николай Иванович Сагарда, перу которого принадлежит капитальный труд «Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Его жизнь, творения и богословие. Петрологическое исследование» (Пг., 1916); профессор по кафедре нравственного богословия в 1894–1918 гг. Александр Александрович Бронзов (1858–1919), написавший труды «Аристотель и Фома Аквинат в отношении к их учению о нравственности» (СПб., 1884) и «Жизнь и творения преп. Макария Египетского» (СПб., 1899); профессор по кафедре церковной археологии в 1874–1917 гг. и директор Археологического института в 1898–1917 гг. Николай Васильевич Покровский (1847–1917) — автор многих работ по истории христианского искусства и литургике; профессор по кафедре канонического права в 1906–1909 гг., состоявший в 1915–1921 гг. членом Комиссии по научному изданию славянской Библии при Петроградской Духовной Академии (с 1918 г. при Российской академии наук) Владимир Николаевич Бенешевич (1874–1942), основными трудами которого

¹ См.: *Карпук Д. А.* История взаимоотношений Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий в конце XIX — начале XX вв. // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 7 (3663). С. 26–35.

² *Архиепископ Кирилл (Гундяев).* Богословское образование... С. 15, 32.

были: «Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 833 г. К древнейшей истории источников права Греко-восточной Церкви» (СПб., 1905), «Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований Т. 1. (СПб., 1906) и подготовленное им второе издание «Памятников древнерусского канонического права» в «Русской исторической библиотеке» (Т. 6. Пг., 1916); профессор по кафедре введения в круг богословских наук в 1890–1910 гг., протоиерей Евгений Петрович Аквилонов (1861–1911), с 1910 г. служивший протопресвитером военного и морского духовенства, наиболее известной работой которого было «Новозаветное учение о Церкви. Опыт догматико-экзегетического исследования» (СПб., 1896; 2-е изд. СПб., 1904).

Долгие годы курс философии в СПбДА читал выпускник Московской духовной академии профессор Михаил Иванович Каринский (1840–1917), известный в качестве тонкого аналитика и критика философских систем. Как известный питомец «школы верующего разума», он сочетал критическую требовательность с непреклонностью веры. М. И. Каринский смог подготовить целую плеяду ученых и специалистов в области философских дисциплин. Так, в октябре 1894 г. на вакантную кафедру истории философии был избран один из его учеников, преподаватель Волынской духовной семинарии Д. П. Миртов, который занимал кафедру вплоть до закрытия Петроградской академии в 1918 г. Другой ученик М. И. Каринского, В. С. Серебренников, написавший под руководством учителя кандидатское сочинение на тему «Английская психология и вопрос о прирожденных началах знания деятельности», в 1887 г. занял кафедру психологии, позже создал психологический кабинет, студенческое психологическое общество, о деятельности которого знали далеко за пределами Академии, и написал магистерскую диссертацию «Учение Локка о прирожденных началах знания и деятельности».

В это же время в Петроградской духовной академии трудился замечательный круг ученых-славистов: Н. К. Никольский, И. Е. Евсеев, ректор — епископ Анастасий (Александров). Вновь был поднят вопрос о работе над славяно-русской Библией. По инициативе профессора по кафедрам гомиластики (1906–1910) и церковнославянского языка и палеографии (1910–1918) Ивана Евсеевича Евсеева (1868–1921) в 1915 г. была создана Комиссия по научному изданию славянской Библии (Библейская комиссия). В состав открытой при Петроградской духовной академии 28 января 1915 г. комиссии вошли крупнейшие русские филологи и историки-слависты того времени (епископ Анастасий — председатель, А. И. Соболевский — товарищ председателя, И. Е. Евсеев — редактор издания, В. Н. Бенешевич, А. В. Михайлов, И. С. Пальмов, Н. Л. Туницкий, А. А. Шахматов), а также ряд специалистов-библеистов и церковно-общественных деятелей. Предполагалось, что работа

по подготовке научного издания славянской Библии займет не менее 60 лет и потребует труда двух поколений ученых. В 1915–1917 гг. комиссия провела восемь общих собраний¹. Помимо профессора И. Е. Евсеева особенно значительный вклад в работу комиссии внес епископ Анастасий.

Крупнейшим ученым, преподававшим в СПбДА в конце XIX — начале XX в. был знаменитый богослов, экзегет, патролог и историк Церкви Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937). Он родился 6 декабря 1863 г. в селе Кичменгский городок Вологодской губернии в семье сельского священника, начальное образование получил в церковно-приходской школе и Никольском духовном училище, в 1884 г. окончил Вологодскую духовную семинарию и поступил в Московскую духовную академию. В 1887 г. Н.Н. Глубоковский был на год отчислен из Академии из-за спора с начальством о правах студентов. После окончания в июле 1889 г. курса со степенью кандидата богословия он с 16 августа 1889 по 16 августа 1890 гг. состоял профессорским стипендиатом при кафедре общей церковной истории. 5 мая 1890 г. Николай Никанорович защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра богословия «Блаженный Феодорит, епископ Киррский: его жизнь и литературная деятельность» (М., 1890), которая, по отзыву профессора И. Н. Корсунского, является «феноменальным, классическим произведением русской богословской литературы». В этом труде он проявил себя, как достойный ученик профессоров А. П. Лебедева и Е. Е. Голубинского, взяв от первого прекрасное знание современного состояния западной науки, а от второго — глубокий, критический подход к проработке источников. Диссертация, исчерпывающе раскрывшая эпоху V в. в восточной Церкви, была удостоена Святейшим Синодом полной Макариевской премии и сразу же приобрела известность среди зарубежных ученых. 18 октября 1890 г. Н. Н. Глубоковский был назначен преподавателем Священного Писания в Воронежскую духовную семинарию, а 21 октября 1891 г. приглашен в СПбДА на кафедру Священного Писания Нового Завета, где преподавал более 25 лет.

С ноября 1893 по май 1894 гг. он работал помощником редактора академических журналов «Церковный вестник» и «Христианское чтение», 11 октября 1894 г. был назначен экстраординарным профессором, а 21 января 1898 г. утвержден в степени доктора богословия и через семь дней — в должности ординарного профессора после защиты диссертации «Благовестие св. Апостола Павла по его происхождению и существу. Библейско-богословское

¹ См.: *Логачев К. И.* Библейская комиссия и изучение Библии у славян (По неопубликованным документам Комиссии) // Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1974. № 7. С. 76–80.

исследование» (СПб., 1897), за которую ученый вторично был удостоен полной Макариевской премии. Эта диссертация позже выросла в ставший широко известным капитальный трехтомный труд (СПб., 1905; 1910; 1912). Помимо экзегезиса Н. Н. Глубоковский дает здесь критику рационалистических теорий о происхождении благовестия ап. Павла. Начиная с докторской диссертации, главным предметом своего изучения ученый сделал жизнь и деятельность этого апостола. Вместе с этим у Глубоковского возник план раскрыть три главных аспекта Евангелия Христова: Евангелие христианской свободы (Послание к галатам); Евангелие христианской святости (Послание к евреям) и Евангелие христианской славы (Апокалипсис). Первому аспекту была посвящена работа «Благовестие христианской свободы в послании св. Апостола Павла к Галатам» (СПб., 1902; София, 1935; М., 1999); второй аспект ученый начал разрабатывать в таких работах, как «Ходатай Нового Завета» (Сергиев Посад, 1915), «Христос и Ангелы» (Пг., 1915), «Искупление и искупитель» (Пг., 1917). Третий аспект раскрыт в посмертно изданном «Благовестии христианской славы в Апокалипсисе св. апостола Иоанна Богослова» (Джорданвилль, 1966; СПб., 2002). Новозаветной экзегезе и филологии, истории первохристианства также посвящены следующие работы: «О пурпуровом списке евангелий» (Христианское чтение, 1893, № 7–10), «Евангелие и евангелия» (Вера и разум, 1896, № 7), «Греческий рукописный Евангелистариум» (СПб., 1898), «Греческий язык Библии, — особенно в Новом Завете, — по современному состоянию науки» (СПб., 1902), «Хронология Ветхого и Нового Завета. Перевод с английского с введением и в редакции Н. Н. Глубоковского» (Киев, 1911), «О Квириновой переписи по связи ее с Рождеством Христовым» (Киев, 1913), «Библейский греческий язык в писаниях Ветхого и Нового Завета» (Киев, 1914), «О втором послании св. Ап. Павла к Фессалоникийцам» (Пг., 1915), «Дидакалия и Апостольские постановления по их происхождению, взаимоотношению и значению» (Пг., 1916; София, 1935) и др.

Значительный вклад Н. Н. Глубоковский внес в развитие учебного процесса в СПбДА. Еще в первые годы своей профессорской деятельности он поставил вопрос о преподавании Священного Писания и разработал соответствующую программу. Николай Никанорович писал: «Так как Священное Писание есть откровение воли Божией человеку, обязательное для ума и сердца, то и ближайшая задача его изучения будет заключаться в точнейшем усвоении Божественных наставлений посредством внимательного проникновения в Богодухновенное Слово Божие». Н. Н. Глубоковский принимал активное участие в обсуждении церковно-общественных вопросов, в первую очередь, касающихся духовной школы, деятельности многих комиссий

и совещаний при Святейшем Синоде. Так, в 1896 г. он работал в комиссии по вопросу об изменении академического устава и в записке «К вопросу о нуждах духовно-академического образования» подчеркнул ослабление интереса преподавателей и студентов к научной работе после введения Устава 1884 г. и отказа от специализации, в 1905—1906 гг. — в комиссии по выработке правил наблюдения за произведениями духовной литературы, куда представил сообщение относительно «Индекса» в западной и восточной Церквях, в 1907 г. — в комиссии по исправлению славянского текста богослужебных книг. В 1905 г. Н. Н. Глубоковский был избран членом Епархиальной комиссии по подготовке к Поместному Собору Российской Православной Церкви, а затем был привлечен к работе комиссии по выработке нового устава духовных академий.

В 1906—1907 гг. профессор был членом Предсоборного присутствия при Святейшем Синоде, куда внес две записки: «Об основе духовно-учебной реформы и желательных типах духовно-богословских школ» и «К вопросу о постановке высшего богословского изучения в России». В «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» (СПб., 1906) митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) поместил записку Н. Н. Глубоковского с предложением учредить православные богословские факультеты в университетах, чтобы снять бюрократические узы, препятствующие свободному развитию русской богословской науки. Отстаиванию свободы духовной науки ученый посвятил и вызвавшие большой резонанс статьи «По вопросам духовной школы» (СПб., 1907) и «Своеобразная защита Учебного Комитета» (СПб., 1908). По его мнению, начинать академическую реформу следовало бы не с реорганизации управления, а с коренной перестройки всех ступеней духовной школы, отделения общеобразовательных задач от церковно-практических. Профессор предложил разделить духовные училища и семинарии на общеобразовательные и профессиональные. В записке «К вопросу о постановке богословского изучения в России», с которой он выступил 15 декабря 1905 г. на Совете СПбДА, ученый выдвинул проект устройства богословских факультетов в университетах с целью уничтожения сословной замкнутости богословской науки и образования.

Н. Н. Глубоковский также поднял вопрос о преподавании Священного Писания в духовных семинариях, которое должно стать «объединяющим центром для всех богословских наук». В Предсоборном присутствии, помимо преобразования Духовных школ, профессор внес важный вклад в разрешение проблемы отношений Церкви и государства, указывая, что монарх или иной правитель не может обладать в ней исключительными правами, но равен всем своим подданным и действует в Церкви только как свободно

подчиненный ей наиболее могущественный ее член. В 1907 г. Н. Н. Глубоковский подал две записки — об организации школьного пастырского приготовления и об устройстве богословско-пастырских училищ и реорганизации Учебного комитета при Синоде в совещание о реформе Духовной школы. Его работа была опубликована в том же году в виде сборника записок и докладов под названием «По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном комитете при Святейшем Синоде». Глубоковский убедительно показал первостепенное значение богословской науки для Духовных школ и чрезмерность монопольного контроля в данной области со стороны Учебного комитета. В 1909 г. он принимал участие в особом совещании при Синоде для выработки проекта положения о поводах к разводу.

По поручению Святейшего Синода Н. Н. Глубоковский занимался исправлением перевода книг Нового Завета на русский язык. Он также являлся сотрудником так и незавершенной «Православной Богословской энциклопедии» (СПб., 1900—1911), а после смерти А. П. Лопухина, с 1905 г., стал ее редактором; многие статьи в энциклопедии были написаны лично им. В 1914 г. Святейший Синод возложил на Николая Никаноровича редактирование «Справочного и объяснительного словаря к Новому Завету» П. А. Гильтебрандта. В 1909 г. ученый был избран членом-корреспондентом Российской Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Он участвовал в подготовке академического «Словаря русского языка», писал отзывы о сочинениях, представленных на соискание премий Академии наук. Несколько работ ученый написал по русской церковной истории: «Св. Киприан, митрополит всея России, как писатель» (Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1892. № 2), «Преосвященный Иоанн (Кратиров), бывший епископ Саратовский» (1909), «Преосвященный Евсевий (Орлинский), архиепископ Могилевский» (1909), «Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский» (СПб., 1914), «Православное русское белое духовенство по его положению и значению в истории» (Пг., 1917). В 1911 г. Н. Н. Глубоковский опубликовал сочинение «По вопросу о „праве“ евреев именоваться христианскими именами: трактат и историческая справка». В юбилейном сборнике «У Троицы в Академии» (Сергиев Посад, 1914) была опубликована статья ученого о Московской Духовной Академии «За тридцать лет (1884—1914 гг.)». В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга сохранилось обширное сочинение Н. Н. Глубоковского «Московская духовная академия в 1854—1870, 1883 и 1886—1887 годах по переписке профессора В. Н. Протасова». Профессор также принимал участие в подготовке «Русского биографического словаря» А. А. Половцева. Николай Никанорович активно выступал

в русской и иностранной печати по церковно-общественным и экуменическим вопросам. При этом он внес важный вклад в разъяснение расхождений различных христианских конфессий, в частности статьей «Православие по его существу», написанной для американского журнала *The Constructive Quarterly* (СПб., 1914; М., 1991)¹.

В 1911 г. Николай Никанорович стал постоянным членом Училищного Совета при Святейшем Синоде. Он также был избран почетным членом Библейского общества в Лондоне, почетным членом Московской, Киевской и Казанской духовных академий (с 1915 г.), Московского и Петроградского археологических институтов, действительным членом Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, Общества любителей духовного просвещения в Москве (с 1909 г.), Исторического общества преп. Нестора-летописца при Киевском университете им. св. Владимира, Тульской Епархиальной палаты древностей, Тульской губернской ученой архивной комиссии, Московского братства св. митрополита Петра, Церковно-исторического и археологического общества при Киевской духовной академии, Орловского церковного историко-археологического общества, Александро-Невского братства при Никольском Духовном училище, Витебской ученой архивной комиссии (с 1909 г.), Киевского православного религиозно-просветительского общества (с 1915 г.), братства преп. Сергия в Московской духовной академии, Общества вспомоществования недостающим студентам Петроградской духовной академии (с 1915 г.), Богоявленского братства для вспомоществования служащим и студентам при Киевской духовной академии (с 1915 г.), пожизненным членом Императорского Православного Палестинского общества в Петрограде (9 апреля 1917 г.), почетным и действительным членом многих других обществ, братств, культурно-просветительных и благотворительных учреждений. Кроме того, ученый являлся попечителем нескольких Духовных училищ, членом комитета русской церкви в Биаррице (Франция), попечителем церковных и земских школ Кобыльского прихода в Никольском уезде Вологодской губернии (с 1904 г.) и т. д. В 1916 г. Н. Н. Глубоковский был утвержден в звании заслуженного ординарного профессора и избран почетным членом Петроградской Духовной Академии. 13 октября 1917 г. Совет СПбДА избрал его делегатом на собрание по вопросу об учреждении в Париже Русского института, созываемое Министерством народного просвещения. В 1917 г. по поручению Академии наук Н. Н. Глубоковский подготовил труд «Русская богословская наука

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 1–38.

в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (Варшава, 1928; М., 1992). Всего Н. Н. Глубоковский издал около 40 крупных работ и огромное количество статей, при этом многие его труды остались неопубликованными: «Новозаветный Библейский словарь», обзор «Русское богословие» и некоторые другие¹.

Николай Никанорович так писал о своем служении в Духовной Академии: «Кроме священства я не знаю в мире служения выше профессорского. До самого конца академической деятельности для меня аудитория была священным храмом, а профессорская кафедра — святейшим алтарем, куда я неизменно вступал со страхом Божиим и верою, хотя всегда без совершенной уверенности, ибо, чем дальше занимался и шире знакомился с наукой, тем больше чувствовал свою немощь пред величием изучаемой истины, которую не дано здесь видеть лицом к лицу, якоже есть...»².

Публикация научных и публицистических статей в разных, в том числе и академических, журналах давала возможность профессорам Академии зарабатывать отдельно от выплачиваемого им жалования. Кроме того, на рубеже веков во всех духовных академиях существовали наставнические денежные премии, которые вручались за опубликованные ученые труды. Премии учреждались, как правило, частными лицами. Учредитель определял в банк определенный капитал или покупал облигации государственного займа, процентные поступления от которых и составляли сумму премии³.

При СПбДА в разное время были учреждены шесть наставнических премий за лучшие сочинения по богословским дисциплинам и учебные пособия: митрополита Московского Макария (Булгакова), митрополита Санкт-Петербургского Григория (Постникова), Василия и Марии Чубинских, статского советника Стаховского, архиепископа Агафадора (Преображенского), титулярного советника И. А. Покровского.

Денежные премии вручались ежегодно. Как правило, заявления подавались в самом начале учебного года. Далее рассмотрение представленных

¹ См.: *Богданова Т. А.* Н. Н. Глубоковский: судьба христианского ученого. М.; СПб., 2010; *Игнатъев А.* Памяти профессора Н. Н. Глубоковского // ЖМП. 1966. № 8. С. 57–77; *Русские писатели-богословы. Историки Церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания. Биобиблиографический указатель.* М., 2001. С. 272–273; *Афанасьев Н. И.* Современники. Т. 2. СПб., 1910.

² Архив Санкт-Петербургской Духовной Академии. Ф. 1. Оп. 2. Д. Протоколы заседания Совета Академии за 2008/2009 учебный год. Т. 2, ч. 1.

³ *Щапов Я. Н.* Макариевские премии в дореволюционной России и их возрождение в 1994–1997 // Исторический вестник. № 3–4. М.; Воронеж, 1999. С. 6.

сочинений поручалось одному или двум профессорам Академии, которые спустя два-три месяца представляли свои отзывы. Само присуждение премий проходило в январе или начале февраля. Довольно часто на соискание той или иной премии выдвигались сочинения, которые первоначально представлялись на соискание научных степеней магистра или доктора богословия. Так, например, за период с 1889 по 1918 г. из общего количества премированных сочинений (65 премий) 35 являлись научными (магистерскими или докторскими) диссертациями. Размер денежной премии в среднем колебался от 300—400 до 1000 рублей.

Таким образом, в начале XX в. в СПбДА работала целая плеяда выдающихся ректоров, профессоров и преподавателей, которые внесли значительный вклад в развитие российской науки, прежде всего в догматическое богословие, патрологию, нравственное богословие, литургику, каноническое право, церковную историю, археологию, искусствоведение, религиозную философию и филологию. Среди этих ученых выделялись Н. Н. Глубоковский, епископ Анастасий (Александров), И. Е. Евсеев, В. Н. Бенешевич, И. С. Пальмов, А. Л. Катанский, Н. И. Сагарда, А. А. Бронзов, Н. В. Покровский, протопресвитер Евгений Аквилон, М. И. Каринский и др.

Источники

- Архив Санкт-Петербургской Духовной Академии. Ф. 1. Оп. 2. Д. Протоколы заседания Совета Академии за 2008/2009 учебный год. Т. 2, ч. 1.
Журналы заседаний Совета СПбДА за 1907—1908 уч. год. СПб., 1908. С. 93.
Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 1—38.

Литература

- Архиепископ Аверкий (Таушев)*. Очерк жизни и деятельности профессора Н. Н. Глубоковского // Н. Н. Глубоковский. Благовестие христианской славы в Апокалипсисе. Джорданвилл, 1966.
Архиепископ Кирилл (Гундяев). Богословское образование в Петербурге-Петрограде-Ленинграде: традиции и поиск // Богословские труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной Академии. М., 1986.
Афанасьев Н. И. Современники. Т. 2. СПб., 1910.
Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский: судьба христианского ученого. М.; СПб., 2010.
Времена и судьбы: штрихи к истории Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб., 2011.

- Игнатъев А.* Памяти профессора Н. Н. Глубоковского // Журнал Московской Патриархии. 1966. № 8. С. 57–77.
- Карпук Д. А.* История взаимоотношений Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий в конце XIX – начале XX вв. // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 7 (3663). С. 26–35.
- Карпук Д. А.* История Санкт-Петербургской Духовной Академии (1889–1918 гг.): дис. ... канд. богословия. СПб., 2008.
- Логачев К. И.* Библейская комиссия и изучение Библии у славян (По неопубликованным документам Комиссии // Журнал Московской Патриархии. 1974. № 7. С. 76–80.
- Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–3. СПб., 1906.
- Патриарх Сергей и его духовное наследство. М., 1947.
- Платонов А.* Глубоковский Николай Никанорович // Русская философия. Энциклопедический словарь. М., 2003.
- Пономарев А. И.* Святитель Иоанн Златоуст в церковно-народном учительстве на Руси (Ко дню 1500-летия его памяти) // Церковный вестник. 1907. № 45. Стб. 1435–1442; № 47. Стб. 1497–1502; № 48. Стб. 1539–1545.
- Пономарев А., Св. Иоанн Златоуст как учитель веры и благочестия и его значение в русском православном народе (Ко дню 1500-летия его памяти) // Церковный вестник. 1907. № 46. Стб. 1465–1473.
- Пономарев А. И.* Творения св. Иоанна Златоуста в русском православном народе и значение их. (Ко дню 1500-летия его памяти) // Церковный вестник. 1907. № 37. Стб. 1185–1188; № 38. Стб. 1213–1219.
- Празднование Санкт-Петербургской духовной академией 1500-летия со дня кончины св. Иоанна Златоуста // Церковный вестник. 1907. № 46. Стб. 1482–1483.
- Русские писатели-богословы. Историки Церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания. Биобиблиографический указатель. М., 2001. С. 272–273.
- Сагарда Н.* Учение св. Иоанна Златоуста о Церкви. Речь в торжественном собрании Санкт-Петербургской духовной академии 13 ноября 1907 г., посвященном блаженной памяти св. Иоанна Златоуста // Церковный вестник. 1907. № 46. Стб. 1473–1482; № 47. Стб. 1502–1510.
- Щапов Я. Н.* Макариевские премии в дореволюционной России и их возрождение в 1994–1997 // Исторический вестник. № 3–4. М.; Воронеж, 1999.

И. В. Лобанова

Архиереи из среды ученого монашества и церковно-историческая наука синодального периода

В статье исследуется роль архиереев из числа ученого монашества в становлении и развитии церковной науки в синодальный период истории Русской Православной Церкви. Приводятся статистические данные о доле ученого монашества среди епископата Русской Православной Церкви на рубеже XIX–XX вв., рассматриваются фундаментальные труды по истории церкви и определяется их значение для отечественной церковно-исторической науки в целом.

Ключевые слова: церковно-историческая наука, история Русской Православной Церкви, синодальный период, ученое монашество, епископат, церковно-историческая литература.

Irina V. Lobanova

Bishops from the environment of learned monasticism and church-historical science of the Synodal period

The article examines the role played by bishops from among the learned monasticism for the formation and development of church science in

Лобанова Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Irina V. Lobanova, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

lobanova_irina@ro.ru

© И. В. Лобанова, 2023

the Synodal period of the history of the Russian Orthodox Church. Statistical data on the share of learned monasticism among the episcopate of the Russian Orthodox Church at the turn of the 19th 20th centuries are given, fundamental works on the history of the church are considered and their significance for the national church-historical science as a whole is determined.

Keywords: church historical science, history of the Russian Orthodox Church, Synodal period, learned monasticism, episcopate, church historical literature.

Российская церковно-историческая наука очень молода. Первые даже не исследования, а учебные курсы по истории Русской Православной Церкви (РПЦ) и общей церковной истории были написаны лишь в начале XIX в. Они базировались либо на трудах по истории России и общих с гражданской историей источниках, либо на исследованиях немецких ученых, которые занялись научной разработкой церковно-исторических вопросов в конце XVII в.

На протяжении синодального периода истории РПЦ (1721–1917) возникает и формируется церковно-историческая наука в России. Ее оформление в научную дисциплину можно рассматривать как прямое следствие синодальной реформы, которая способствовала появлению новых требований к уровню духовного образования в России. В самом начале синодального периода Духовный регламент предписывал знакомить учащихся духовных школ с церковной историей. Правда, лишь для того, чтобы сделать более увлекательным процесс изучения древних языков. На протяжении всего XVIII в. история Церкви оставалась в числе экстраординарных, т. е. необязательных для изучения предметов в семинариях и духовных академиях. Во многом благодаря энтузиазму митрополита Московского Платона (Левшина) — первого в череде крупных архиереев-ученых, церковная история вообще получила должный статус и поддержку со стороны государства. Ведь целью образовательной реформы было вовсе не развитие церковной науки, а создание «профессиональной», как мы бы сейчас сказали, системы подготовки духовенства. Но именно так появилась особая прослойка в среде духовенства — ученое монашество.

Практика поставления епископов из числа ученых монахов была характерна для синодального периода в целом. Предпочтение отдавалось кандидатам на архиерейский сан из представителей так называемого ученого монашества, зачастую намного моложе 40 лет. По этой причине подавляющее большинство архипастырей были выпускниками духовных академий.

К концу синодального периода, в 1897 г., 89 из 107 (включая 5 преосвященных, находящихся на покое) окончили в свое время духовную академию, 9 имели семинарское, 3 — университетское, 1 — институтское и 1 — военное образование¹. К 1909 г. из 145 епископов 126 имели академическое образование (их них 2 — неоконченное), 12 — семинарское, 4 — университетское, 1 — институтское, 1 — военное образование².

70–80-е гг. XIX в. стали временем своеобразного кризиса, когда «привлекательность иночества в глазах учащихся резко упала, так что дело доходило до прямой агитации с целью побудить их принять постриг, дабы пополнить поредевшие ряды кандидатов в епископы, которых всё чаще приходилось поставлять из среды вдовствующего белого духовенства, принимавшего монашество»³. Но поскольку приверженцами «ученого монашества» были такие влиятельные иерархи, как митрополит Антоний (Вадковский), а потом архиепископ Антоний (Храповицкий), которые по своему положению имели влияние на молодежь и активно проповедовали монашеские идеалы в студенческой среде, «монополию ученого монашества на епископский сан»⁴ в начале XX в. удалось восстановить. В этот период типичная биография будущего епископа начиналась в духовной академии, где молодой человек зачастую принимал монашеский постриг. По окончании курса он поступал на должность инспектора, а затем ректора семинарии или академии и по истечении некоторого времени рукополагался в сан епископа: сначала, как правило, викарного, а через некоторое время, при удачном стечении обстоятельств, и епархиального, самостоятельного архиерея. Этот стереотип настолько утвердился в общественном сознании, что давал повод считать, что епископами становились не те, кто этого действительно достоин, а лишь одни карьеристы, которые еще в студенческие годы задались такой целью. Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминает, что, когда он принял монашество, преподавательский состав семинарии отнесся к нему «с легкой иронией»: «Правда в учительской все меня поздравляли, но когда я обмолвился, что

¹ Еще четыре епископа прослушали академический курс не полностью. Подсчитано по: Состав Святейшего правительствующего Синода и Российской церковной иерархии на 1897 г. СПб., 1897.

² Епископ Рафаил (Ававини), уроженец г. Дамаска, закончил богословскую школу. Шестеро иерархов из числа окончивших духовные академии имели одновременно высшее светское образование. Подсчитано по: Состав... церковной иерархии на 1909 г. СПб., 1909.

³ *Смолич И. К.* История Русской Церкви (1700–1917) // История Русской Церкви. М., 1996. Кн. VIII, ч. 1. С. 292.

⁴ Там же.

с монашеской одеждой еще не освоился и клобук тянет назад, — один из преподавателей усмехнулся: „Ну, потом потянет вперед...“ Я понял, что мои сотоварищи видят в моем монашестве лишь путь для карьеры, а себя считают обреченными на пребывание в рядах незаметных преподавателей»¹.

Слишком явное покровительство «ученым монахам», иногда в ущерб талантливым представителям белого духовенства и преподавателям из числа мирян (при назначении на должности в духовных учебных заведениях преимущество также имели монахи), раздражало общественное мнение. Наблюдая, как вчерашний студент, который «еще двух лет не окончил курс, и притом окончил-то из милости, и вот занимает такое место, архимандрит, и дают Анну 2-й степени», современник не мог удержаться от негодующего возгласа: «Ведь это и позор и разврат!»². Товарищи митрополита Евлогия (Георгиевского), узнав о его решении принять монашеский постриг, укоряли его: «архиереем хочешь быть, в омут лезешь»³. Раздавались голоса, утверждающие, что все без исключения архиереи происходят «из лиц, принявших монашество нередко чуть ли еще не во время несовершеннолетия, если не гражданского, то во всяком случае духовного» и, что «самое... принятие монашества часто совершается прямо в виду открывающейся возможности сделаться епископом»⁴. Устойчивость такого представления создавала, особенно среди образованных слоев населения, пренебрежительное отношение к иерархии, к монашеству, к Церкви. Заведовавший в 1889—1901 гг. синодальным архивом А. Н. Львов отмечает в своем дневнике в 1893 г., что «везде наставлены ректорами и инспекторами мальчишки-монахи»⁵. По поводу архиерейской хиротонии нового киевского викария он отмечает, что «этот новонареченный был пятым ректором в Могилевской семинарии в течение девяти лет». Проведя несложные арифметические вычисления, Львов обнаружил, что ректоры в этой семинарии менялись менее чем через два года. «Значит, — делает он во многом обоснованный вывод, — семинарии сделались ареною для иерархических прохождений и ступеней молодых монахов»⁶. А. Н. Львов не отрицает, что эта практика имела место и раньше, но подчеркивает, что будущие архиереи в первой половине XIX в. проходили различные ступени карьерной лестницы гораздо медленнее, задерживаясь на каждом этапе около 10 лет⁷.

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 65.

² *Львов А. Н.* Князя церкви // Красный архив. 1930. № 2. С. 137.

³ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 46.

⁴ *Кузнецов Н. Д.* Преобразования в Русской Церкви. М., 1906. С. 112.

⁵ *Львов А. Н.* Князя церкви. С. 121.

⁶ Там же. С. 130.

⁷ Там же. С. 136—137.

Даже митрополит Евлогий, бывший в свое время таким же «мальчишкой-монахом», замечал, что «не следовало нас так быстро тащить по ступеням служебной иерархии»¹. Старые иерархи «филаретовской» школы или те редкие епископы, которые не принадлежали к «ученому монашеству», тоже скептически относились к таким молодым архиереям. Никон (Рождественский), не имевший академического образования и до принятия епископского сана проходивший монашеское послушание в течение 30 лет, характеризуя только что рукоположенного Угличского епископа Евсевия (Гроздова), пишет: «Тип тепличного академического монаха с новыми воззрениями»².

Вместе с тем, хотя статистические данные действительно свидетельствуют о заметном увеличении доли молодых архипастырей, вышеприведенные критические высказывания лишь частично отражают реальное положение вещей. В 1909 г. из общего числа архиереев, исключая находящихся на покое, количество будущих архипастырей, принявших монашеский постриг во время учебы в духовной академии или в течение трех последующих лет (как, например, митрополит Евлогий), составляло 59 (около 47%), т. е. чуть менее половины преосвященных. Для этой группы промежуток времени между монашеским постригом и архиерейской хиротонией составлял, как правило, 8–14 лет (в среднем 10–11 лет)³. Этот срок мог быть значительно сокращен лишь для тех кандидатов на епископский сан, которые до поступления в академию уже имели длительный опыт священнического служения. Таким образом, с одной стороны, около 50% епископата составляли опытные архипастыри «старой» школы, с другой — срок 10–11 лет, учитывая особенности предреволюционных десятилетий, связанные со стремительными изменениями во всех сферах общественной жизни, представляется не таким уж коротким промежутком⁴.

¹ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. С. 69.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 765. К. 2. Д. 26. Л. 4.

³ Примерно таким же был средний срок между окончанием академии и епископской хиротонией. Подсчитано по: Состав... церковной иерархии на 1909 г.

⁴ Весьма любопытно, что многие неординарные архипастыри, сыгравшие особую роль в церковной истории XX в., приняли епископский сан в очень молодом возрасте. Так, Сергей (Страгородский), будущий Патриарх, был хиротонисан в 34 года, в том же возрасте стал епископом Антоний (Храповицкий) (впоследствии глава Русской Зарубежной Церкви). Высокопреосвященный Тихон (Беллавин), первый после более чем 200-летнего перерыва предстоятель Русской Православной Церкви, был рукоположен в епископы в возрасте 32 (!) лет.

Следует отметить и то, что ректорство в духовном учебном заведении было хорошей школой для будущего епископа. Евдоким (Мещерский) называет его пребыванием «на муравьиной куче в адамовом костюме», по сравнению с которым жизнь епархиального архиерея можно назвать «ваканионной»¹. Семинарии того времени отличались «бунтарскими» настроениями, и семинаристы могли на приветствие архиерея и поздравление с праздником ответить свистом². Поэтому благополучно справлявшийся со своими обязанностями ректор семинарии мог впоследствии быстро освоить управление епархией.

Несмотря на свою принадлежность к «ученому монашеству», на рубеже XIX–XX вв. большинство епископов научной деятельностью по окончании академии не занимались³. Как справедливо отмечает И. К. Смолич, «в последние бурные 20 лет синодального периода из среды епископата не вышло значительных ученых»⁴. В 1903 г. лишь четыре епископа имели докторскую степень. Когда в 1904 г. Арсений (Стадницкий), тогда епископ Псковский и Порховский, получил степень доктора церковной истории, Антоний (Храповицкий), поздравляя его, подчеркнул, что степень присвоена ему «не *honoris causa*, а по полному праву, чего среди архиереев не было уже более 25 лет». «Я не был поклонником ученого фетишизма архиереев 50-х годов, — пишет он дальше, но современное превозносящееся архиерейское невежество меня возмущает гораздо больше, а потому Ваше ученое восхождение вдвойне приветствую»⁵. Действительно, на рубеже XIX–XX вв. скорее исключением были такие архиереи старой школы, как автор «Полного месяцеслова Востока» архиепископ Сергей (Спасский). «Его ученость подавляла», — вспоминал митрополит Евлогий⁶. В некрологе архиепископу Сергию особо отмечалось, что «ученые занятия не были каким-либо случайным или побочным явлением» в его деятельности, а «составляли стихию его жизни, вытекали из потребностей его собственного пытливого ума»⁷.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 550. Оп. 1. Д. 294. Л. 87.

² Там же. Д. 220. Л. 3–4 об.

³ Так, доля преосвященных, имеющих степень магистра богословия, от общего числа епископов с 1897 г. по 1909 г. сократилась почти в 1,6 раза (с 41 до 26%) (подсчитано по: Состав... иерархии на 1897, 1909 гг.).

⁴ Смолич И. К. История Русской Церкви. С. 311.

⁵ ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 234. Л. 34.

⁶ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. С. 75.

⁷ Памяти Высокопреосвященного Сергия, архиепископа Владимирского // Богословский вестник. 1905. Т. 1 (январь). С. 217–218.

Однако, как уже было отмечено выше, становлением своим церковно-историческая наука во многом обязана такой масштабной личности, как митрополит Московский Платон (Левшин). Еще в конце XVIII столетия он пытался ввести в программу духовных школ такой предмет, как история Церкви. И первый систематический курс церковной истории начал читаться в Троицкой семинарии, благодаря личной инициативе митрополита Платона, в качестве необязательного предмета. Однако вскоре Св. Синод (не без деятельного участия митрополита Платона) издал указ о введении курса церковной истории в программу богословских классов всех тогдашних семинарий и академий.

Первое учебное пособие по истории РПЦ было также написано митрополитом Платоном (Левшиным)¹. Владыка Платон любил историю, с энтузиазмом собирал книги по русской истории. Он был человеком начитанным, но независимым в своих суждениях. Все исследователи отмечают его критический подход и к источникам, и к чужим концепциям. Во введении к своей «Краткой церковной истории» он перечисляет использованные им при написании курса труды: и летописи, и «Историю» князя М. М. Щербатова, и труды В. Н. Татищева, И. В. Нехачина — словом, всё, что было тогда доступно российскому читателю. С. М. Соловьёв с уважением констатировал, что хотя митрополит Платон «занился своим трудом в преклонной старости, 68 лет, но запечатлел своё сочинение печатью могучего, юного таланта»².

Автором первого труда, посвященного общей церковной истории, стал архиепископ Мефодий (Смирнов) — ученик и постриженник митрополита Платона. «*Liber Historicus*»³ также еще нельзя было назвать самостоятельным исследованием. Владыка Мефодий проделал огромную работу, перечитал всё лучшее, что можно было найти в то время в иностранной литературе, относящееся к изучению первых трех веков христианства, и корректно пересказал.

¹ Платон (Левшин), митрополит. Краткая церковная российская история, сочиненная преосвященным Платоном митрополитом Московским: в 2 т. М., 1805.

² Цит. по: Карташов А. В. Очерки по истории русской Церкви. Т. 1. М., 1993. С. 16.

³ *Methodii, Archiepiscopi Twerensis. Liber historicus de rebus, in primitiva, sive trium primorum et quarti ineuntis seculorum, Ecclesia Christiana, praesertim quum prima Christi nati aetas floreret, gestis. Mosquae: Typis Sanctissimae Synodi, 1805 (лат. Мефодий (Смирнов), архиепископ. История первоначальной Христианской Церкви (трех первых и начала четвертого веков), и особливо о том, как процветала она в первый век по Рождеству Христову. М.: В Синодальной типографии, 1805. 311 с.).*

Однако он также еще не имел возможности написать оригинальное исследование.

Обе книги вышли в 1805 г. Можно сказать, что именно в этот год родилась отечественная церковно-историческая наука. Таким образом, введение обязательного курса церковной истории в программу духовных школ стимулировало написание новых трудов по истории РПЦ. Они оказались востребованы, пробудили интерес к предмету.

В дальнейшем в Московской духовной академии (МДА) складывается крупнейшая отечественная школа церковной истории. Митрополит Филарет (Гумилевский) (1805–1866) был настоящим исследователем по духу, ученым. Он любил и умел работать с источником. Его «Историю Русской Церкви»¹ отличает концептуальность изложения, видение исторического процесса — от момента Крещения Руси до современности — как органического единства, интуитивного понимания законов исторического развития. А если вспомнить митрополита Московского Макария (Булгакова) (1816–1882) — автора фундаментальной многотомной «Истории Русской церкви»², который несколько лет был ректором МДА, представление о роли и значении московской академии для российской церковно-исторической науки станет окончательно ясным.

Можно сделать вывод, что обобщающие фундаментальные труды по истории РПЦ в синодальный период создавали именно ученые монахи, архиереи. Например, Амвросий (Орнатский) (1788–1827) в 1825 г. отказался от епископской кафедры и удалился в Кирилло-Белозерский монастырь, где занимался подготовкой второго издания своего капитального труда «История российской иерархии», первоначально изданного в Москве в 1807–1815 гг. Над этой книгой преосвященный Амвросий работал, будучи ректором Новгородской семинарии, вместе с епископом Старорусским Евгением (Болховитиновым), будущим митрополитом Киевским (1767–1837). В основу этого труда была положена неизданная латинская книга о российской иерархии, написанная монахом Никодимом Селлием (датчанином по происхождению), учителем латинского языка в Александро-Невской семинарии. В ней содержались сведения не только об иерархии, но и о соборах, русских святых, монастырях и духовных школах.

Митрополит Киевский Евгений (Болховитинов) занимался не только историей, но и археологией, собирал книги и рукописи, церковные древности.

¹ *Филарет (Гумилевский), митр.* История Русской Церкви. В пяти периодах. М.; Рига, 1847–1848.

² *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: в 12 т. М., 1883.

В основном он проводил свои исследования в монастырях и церквях Новгородской, Псковской и Киевской епархий. Он заботился о надлежащем хранении в монастырях древних рукописей и старых книг, благоустройстве монастырских архивов и библиотек, хранении ценных предметов церковной археологии. Он написал множество трудов по церковной истории, археологии и библиографии, а также был членом Академии наук и многих ученых обществ¹.

В отечественной церковно-исторической науке середины XIX в. особо выделяются два уже упомянутых выше имени: Макария (Булгакова), митрополита Московского, и Филарета (Гумилевского), архиепископа Черниговского (1805–1866). Двенадцатитомная «История Русской Церкви» митрополита Макария стала для русской церковной истории таким же фундаментальным трудом, каким для гражданской русской истории является 29-томная «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева. «История» митрополита Макария доводит изложение только до московских соборов 60-х гг. XVII в. и по своему характеру является главным образом собранием исторических материалов, тогда как «История» архиепископа Филарета впервые включала в себя обзор синодального периода (до 1826 г.).

Важным источником для церковной историографии является также двухтомный труд архиепископа Филарета «Обзор русской духовной литературы», напечатанный сначала в «Ученых записках» Академии наук за 1856 г. и через три года вышедший отдельным изданием в Харькове в 1859 г. Книга первая охватывает духовных авторов с 862 по 1720 г., книга вторая — с 1720 по 1863 г. Архиепископ Филарет включил в свой «Обзор» кроме собственно духовных писателей и тех светских авторов, которые писали на церковные или религиозные темы: князь Курбский, Сперанский, Надеждин, Хомяков. Помимо этого преосвященный Филарет издал еще несколько значимых книг: «Русские святые, чтимые всею Церковью или местно: Опыт описания их жизни в 4 частях» (Чернигов, 1861–1865; 3-е изд.: СПб., 1881); «Жития святых, чтимых Православной Церковью» в 12 книгах (Чернигов, 1861; 3-е изд.:

¹ Вот некоторые из его произведений: «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чину» (СПб., 1818. Переизд. 1827, 1836, 1862); «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших о России» в 2 т. (М., 1845); «Рассуждение, или Историческое исследование о соборах Российской Церкви» (СПб., 1808); «История княжества Псковского» (Киев, 1831); «Разговоры о древностях Великого Новгорода» (СПб., 1818); «Описание Киево-Софийского собора и история киевской иерархии» (Киев, 1825); «Описание Киево-Печерской лавры» (Киев, 1826).

СПб., 1900); «Историко-статистическое описание Харьковской епархии» в 5 частях (М.; Харьков, 1849–1859); «Описание Черниговской епархии» в 7 частях. Кроме того, архиепископу Филарету принадлежит много статей по церковной истории в духовных и светских журналах.

Выдающимся деятелем на поприще духовного просвещения был также митрополит Московский Филарет (Дроздов) (1782–1867). В 20-е гг. XIX в. преосвященный Филарет предпринял сложное и очень важное дело — перевод Священного Писания на русский язык. Ему удалось закончить только перевод книг Нового Завета, но и это сыграло огромную роль в воспитании христианского сознания тогдашнего общества.

Как можно понять из всего вышесказанного, именно представители ученого монашества в целом и ученые из числа архиереев в частности во многом двигали вперед церковную науку. Они могли посвящать ученым занятиям гораздо больше времени, чем белое духовенство, обремененное семьей и исполнением многочисленных треб. Ученые монахи имели возможность заказывать книги по интересующему их вопросу, собирать рукописи, пользоваться библиотеками духовных школ, где исполняли обязанности ректоров. Ученые-архиереи собирали вокруг себя способную к науке молодежь, помогали профессиональному становлению учеников. Это подводит нас к мысли, что наука для своего процветания и развития всегда нуждается в серьезной материальной базе и поддержке со стороны государства, как это было в синодальный период, чтобы люди, готовые полностью посвятить себя фундаментальным научным исследованиям, имели такую возможность.

Е. А. Калинина

Научная и исследовательская деятельность преподавателей Олонецкой духовной семинарии в конце XIX – начале XX в.

Статья посвящена научной и исследовательской деятельности преподавателей Олонецкой духовной семинарии в конце XIX – начале XX в. Основными направлениями исследований являются проблемы исторического развития Русской Православной Церкви, теоретические основы богословской науки. Педагоги изучали произведения устного народного творчества и древнерусской письменности, интересовались этнографией. Многие из них трудились над созданием учебных пособий.

Ключевые слова: наука, духовные училища, духовная семинария, преподаватель, Олонецкая епархия.

Калинина Елена Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма Петрозаводского государственного университета.

Elena A. Kalinina, Dr (History), Professor of the Department of Theory and Methodology of Physical Education at the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism of the Petrozavodsk State University.

kalinka46@yandex.ru

© Е. А. Калинина, 2023

Elena A. Kalinina

Scientific and research activities of the teachers of the Olonets Theological Seminary at the end of 19th and beginning of the 20th century

The article is devoted to the scientific and research activities of the teachers of the Olonets Theological Seminary at the end of the 19th and beginning of the 20th century. The main areas of research are the problems of the historical development of the Russian Orthodox Church, the theoretical foundations of theological science. Teachers studied works of oral folk tradition and ancient Russian writing, were interested in ethnography. Many of them have worked on the creation of tutorials.

Keywords: science, theological schools, theological seminary, teacher, Olonets diocese.

Многие выпускники духовных академий, работая в духовно-учебных заведениях, активно занимались научной и исследовательской деятельностью. Получив ученую степень, они шли по пути науки, сочетая исследовательскую работу с основной. Важно отметить, что многие из них уже в студенческие годы проявляли интерес к науке, писали научные трактаты, рассказы и стихи, публиковались в научных, литературных и просветительских журналах. Например, будучи студентом Санкт-Петербургской духовной академии, Н. Ф. Лесков писал небольшие рассказы, публиковавшиеся на страницах журнала «Исторический вестник»¹. Приезжая на место службы, молодые преподаватели продолжали заниматься богословскими, историческими и филологическими исследованиями.

Проблемы исторического развития Русской Православной Церкви, теоретические основы богословской науки привлекали Я. С. Елпидинского, преподавателя общей церковной истории в Олонецкой семинарии. Он являлся автором монографии «Религиозно-нравственное мировоззрение Плутарха Херонейского» (СПб., 1893), посвященной наследию известного греческого писателя I–II вв. Известность ученого-историка в конце XIX в. приобрел

¹ *Суперанский Н.* Памяти почившего Николая Феофилактовича Лескова // Олонецкие епархиальные ведомости (далее — ОЕВ). 1915. № 33. С. 640.

Д. П. Ягодкин, который издал трехтомник «Симеон Полоцкий, как полемист против раскола» (СПб., 1880). В 1889–1890 гг. он составил историю болгар в древних веках, однако монография «История I и II Болгарского царства» осталась в рукописи и в свет так и не вышла.

Изучение произведений устного народного творчества и древнерусской письменности, этнографии также привлекали внимание педагогов олонечских духовных школ. Е. В. Барсов — известный филолог и этнограф, действительный член Московского археологического общества (1874). За время работы в Олонецкой духовной семинарии (1861–1870) он собрал ценнейшую коллекцию древнерусских рукописей. Автор книг по истории Обонежья: «Описание харатейной Великой часовни XII в.» (М., 1867), «Палеостров и его судьба и значение в Обонежском крае» (М., 1868), «Преподобные обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры» (Петрозаводск, 1869).

Н. С. Шайжин, учитель Олонецкой семинарии, совершил несколько этнографических экспедиций по сбору материалов письменных памятников древности в селах Олонецкой губернии, изучая историко-бытовые условия жизни Обонежья, и стал автором многих исторических и этнографических научных публикаций¹.

Создание учебников и учебных пособий

В конце XIX — начале XX в. характерным явлением в деятельности преподавателей духовных учебных заведений было создание учебных пособий, руководств и учебников для духовных семинарий и училищ. Отсутствие необходимых учебников способствовало развитию учебной и методической деятельности преподавателей духовно-учебных заведений по их созданию.

¹ *Шайжин Н. С.* 1) Заонежская заточница, великая государыня инокиня Марфа Ивановна, в мире боярыня Ксения Ивановна Романова, мать царя Михаила Феодоровича: К 300-летию юбилея царствующего Дома Романовых. Петрозаводск, 1912; 2) К материалам по народной словесности: Пословицы и поговорки, записанные в Нигижме, Пудожского уезда. Петрозаводск, 1903; 3) Олонецкие водопады Кивач, Пор-Порог и Гирвас в описаниях туристов. Петрозаводск, 1907; 4) Олонецкий край: (по данным местного фольклора). Петрозаводск, 1908; 5) Олонецкое областное наречие и древнерусский язык в лексическом отношении. Петрозаводск, 1907; 6) Олонецкий фольклор: в 2 т. Петрозаводск, 1906–1911; 7) Старая Пудоба с XIV по XVIII век: (историко-бытовой очерк). Петрозаводск, 1906.

Из преподавателей, которые являлись авторами учебных пособий, следует выделить преподавателя истории и обличения раскола Олонецкой семинарии К. Н. Плотникова, выпускника Санкт-Петербургской академии. Никаких пособий по преподаванию этого учебного предмета не имелось, тогда на основе собственных записок и конспектов он составил учебники и руководства по истории русского раскола, а также методическое пособие по преподаванию Закона Божьего¹. Правда, в журнале «Исторический вестник» учебнику «была дана отрицательная оценка из-за его реакционного содержания», тем не менее Синод рекомендовал книгу в качестве учебного пособия для всех семинарий².

Я. С. Елпидинский был автором учебных пособий для духовных семинарий по библейской истории в двух томах (СПб., 1895) и по общей церковной истории (СПб., 1912). Этими учебниками пользовались семинаристы Санкт-Петербургского духовного учебного округа³.

Учебники для духовных школ также создавал М. А. Чепик, учитель Каргопольского духовного училища. Он приобрел известность своими трудами «Из уроков по практическому руководству для пастырей» (Пермь, 1883–1885) и «Опыт полного курса гомилетики» (М., 1893).

Труды Х. А. Белкова, учителя философии и дидактики Олонецкой семинарии — «Руководство к обучению в начальных школах: Необходимая книга для учителей, учительниц и законоучителей церковно-приходских и других начальных школ» (СПб., 1886), «Приходской священник и книга» (Петрозаводск, 1889) — служили руководствами учителям по первоначальному обучению детей в народных училищах⁴.

¹ Плотников К. Н. 1) Дополнительные сведения по Закону Божьему. Петрозаводск, 1900; 2) История и обличение русского сектантства. СПб., 1910–1913; 3) История русского раскола, известного под именем старообрядчества. Вып. 1–3. СПб., 1891–1892; 4) Краткое руководство по расколоведению в вопросах и ответах. СПб., 1902; 5) Миссионерское поучение по прологу. СПб., 1902; 6) Руководство по истории и обличению русского раскола. Петрозаводск, 1889.

² Исторический вестник. 1892. № 9. С. 732–733 (автор М. С-ский); Пашков А. М. Олонецкая духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 42.

³ Подробно о Я. С. Елпидинском: Галкин А. К., Бовкало А. А. Я. С. Елпидинский — преподаватель, ученый, личность // Традиции образования в Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 33–36.

⁴ Белков Х. А. 1) По пути за Христом (Чтение в школе и дома). СПб., 1914; 2) Приходской священник и школа. Петрозаводск, 1889; 3) Руководство к обучению в начальных народных школах. СПб., 1886.

Над созданием учебных пособий трудились В. Ф. Снитко и врач Олонецкой семинарии М. Н. Мотрохин. В. Ф. Снитко подготовил к изданию учебное руководство по теории словесности, а М. Н. Мотрохин составил учебник для обучения воспитанников народной медицины. Однако труды их так и не были изданы.

Научные статьи в центральных и региональных периодических изданиях

Учителя писали научные статьи и публиковали их в центральных периодических изданиях, в большинстве случаев — в журналах духовного ведомства. Необходимо отметить, что первоначально среди олонечских преподавателей желающих отправлять свои работы в центральные журналы было не так уж и много.

Одними из первых, кто в 1860-е гг. стали авторами статей в центральных изданиях, были преподаватели Олонецкой семинарии Е. В. Барсов и М. А. Ершов. Е. В. Барсов в журнале «Духовная беседа» напечатал статью «Слово на день Покрова» (1867, № 39). Важно отметить, что он являлся постоянным автором журнала «Труды Киевской духовной академии», где публиковал материалы по истории отечественной церкви и этнографии, а впоследствии стал членом-корреспондентом конференции Киевской духовной академии. М. А. Ершов в журнале «Христианское чтение» (1868, № 9) поместил заметку «Численность раскола и успехи миссии в Олонецком крае».

Судя по архивным документам, отчетам ректоров Олонецкой семинарии, в 1870-е гг. в центральных изданиях публикаций преподавателей олонечских духовных школ не появлялось.

Только в конце 1880-х гг. преподаватель педагогики Олонецкой семинарии Х. А. Белков в журналах «Церковно-приходская школа», «Церковные ведомости» и «Церковный вестник» (1887–1894) опубликовал целый ряд статей по методике воспитания детей в начальных школах: «О задачах и средствах воспитания», «О практическом приготовлении воспитанников семинарии к пастырской деятельности», «О задачах и средствах воспитания в начальной школе», «О наградах и наказаниях, как учебно-воспитательном средстве», «О возрасте учеников церковно-приходских школ», «О развитости у детей познавательных способностей», «О внеклассных занятиях учеников церковно-приходских школ», «О книгах для чтения, как для учеников народной школы, так и для грамотных крестьян», «Обучение церковному чтению в церковно-приходской школе» и др. Его работы, посвященные литургическим и церковно-практическим вопросам, были напечатаны

в журналах «Руководство для сельских пастырей» и «Церковные ведомости» в 1885–1895 гг. Главы уже упоминавшейся выше книги Д. П. Ягодкина «Симеон Полоцкий, как полемист против раскола» опубликованы в журнале «Странник» в 1880 г. в № 9–12.

Наибольшая активность педагогов олонекских духовных школ в составлении и публикации статей в центральных журналах пришлась на конец 1890-х — начало 1900-х гг., это были публикации в журналах «Воскресное чтение» и «Вера и разум», «Церковный вестник», «Руководство для сельских пастырей», «Странник», «Богословский вестник». Опубликованные преподавателями олонекских духовных школ статьи освещали проблемы преподавания и воспитания в духовных школах, истории раскола, организации религиозно-нравственных чтений и др. Авторами публикаций стали: Фаддей (Успенский), С. А. Лосев, Я. С. Елпидинский, К. Н. Плотников, Д. М. Березкин, Д. П. Ягодкин, Ф. А. Милотворский, С. Ф. Лесков, С. А. Левитский и др.¹

Интерес для исследователя представляют опубликованные в журнале «Вопросы философии и психологии» (1889–1897) рецензии Я. С. Елпидинского на новые книги, учебники для духовных семинарий. В частности, он выразил свое мнение по поводу книги П. Дейссена «Основы начала метафизики. Теория познания» (СПб., 1889), а также учебника профессора Московской духовной академии В. Д. Кудрявцева-Платонова «Начальные основания философии» (Сергиев Посад, 1891), М. А. Соколова «Опыт аналитического исторического курса теории словесности с присоединением образцов» (Тула, 1894–1897).

Важно отметить, что в конце в 1890-х гг. работы преподавателей появляются и в светских журналах. Например, преподаватель Каргопольского духовного училища Д. М. Березкин, выпускник Казанской духовной академии, опубликовал свои работы в журналах «Гражданин» и «Биржевые ведомости»². Интерес для исследователей представляют этнографические публикации Н. Ф. Лескова, краеведа и писателя, в журналах «Исторический вестник» и «Живая старина» (издавался Российским географическим обществом)³.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 10. Л. 20 об., 73.

² Там же.

³ Подробно см.: *Пашков А. М.* Карельский просветитель и ученый Н. Ф. Лесков // Карельские просветители и краеведы XIX — начала XX века. Петрозаводск, 2010. С. 325–363.

В журнале «Живая старина» за 1892–1902 гг. Н. Ф. Лесков опубликовал 16 своих работ по итогам этнографических поездок по Олонецкой губернии¹. В январе 1894 г. ему присуждается серебряная медаль Географического общества с надписью «За полезные труды». Несколько художественных произведений, посвященных жизни карельской деревни, он поместил в журнале «Исторический вестник»².

Значительное количество публикаций преподавателей олонекских духовных учебных заведений содержится в изданиях местной периодической печати «Олонецкие епархиальные ведомости», «Олонецкие губернские ведомости», «Олонецкая неделя».

Преподаватели духовно-учебных заведений стояли у истоков епархиальной периодической печати и были ее основными авторами. «Олонецкие епархиальные ведомости» с 1898 г. издавались при Олонецкой духовной семинарии. Редакторами неофициального отдела в разное время являлись ректоры, инспекторы или преподаватели Олонецкой семинарии. Первым редактором неофициальной части с 1898 по 1901 г. был ректор Олонецкой духовной семинарии архимандрит Нафанаил (Троицкий), затем в 1901–1902 гг. — архимандрит Е. А. Мерцалов, в течение 1902–1903 гг. — преподаватели семинарии П. Мягков и Я. С. Елпидинский, в 1903–1905 гг. — архимандрит Фаддей (Успенский), в 1905–1907 гг. — В. И. Лебедев, в 1908–1916 гг. — А. А. Покровский, с апреля 1917 г. — протоиерей Н. К. Чуков. Большое место на своих страницах «Ведомости» отводили историческим исследованиям и публикациям архивных документов³.

Здесь печатали свои труды многие преподаватели духовно-учебных заведений. Из их статей сегодня мы узнаем о жизни, истории и проблемах Олонецкой епархии конца XVII — начала XX в.⁴

¹ Лесков Н. Ф. 1) Доклад о поездке в Олонецкую губернию летом 1892 года // Живая старина. 1893. № 3. С. 432–436; 2) О влиянии карельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Там же. 1892. № 4. С. 97–103; 3) Отчет о поездке к олонекским карелам летом 1893 г. // Там же. 1894. № 1. С. 19–31; и др.

² Лесков Н. Ф. 1) Две репины // Исторический вестник. 1893. № 6. С. 690–699; 2) Катти и Матти // Там же. 1895. № 6. С. 712–722; 3) Умер натуральной смертью // Там же. 1894. № 3. С. 330–342; и др.

³ Подробно см.: Урванцева Н. Г. Редакционный корпус журнала «Олонецкие епархиальные ведомости» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (64). Ч. 1. С. 25–27.

⁴ Надеждин А. М. 1) Передвижные церкви для Повенецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости (далее — ОЕВ). 1899. № 6. С. 17–19; 2) Еще о передвижной

Одним из активных авторов, публиковавших исследования и исторические документы по церковной жизни Олонецкой губернии с XII до конца XVIII в., а также по истории создания и развития Олонецкой епархии, по описанию памятников местных церковных древностей был Я. С. Елпидинский¹. Его статьи «Новгородские владыки», «Олонецкая епархия, ее пределы и население» (1898–1905 гг.), «Исторические кресты» (Олонецкие епархиальные ведомости. 1901, № 22) раскрывают страницы исторического прошлого Олонецкого края. Я. С. Елпидинский занимался также вопросами этнографии. В журнале «Олонецкие епархиальные ведомости» была опубликована его статья «Корелы Олонецкой епархии» (1898, № 3).

Первые выпуски региональной газеты «Олонецкие губернские ведомости» появились в 1838 г. «Ведомости» курировал губернатор, а редактировал их чиновник для особых поручений. Среди публикаций в этом издании можно отметить работы преподавателя Олонецкой семинарии Н. А. Покровского и ректора П. Ф. Щеглова. В своих статьях они сообщали читателям об успехах работы воскресной школы при Олонецкой духовной семинарии². Автором статей в светской губернской печати был Е. В. Барсов³. Интерес для исследователей представляет особый жанр публикаций в «Олонецких губернских ведомостях» — некрологи, которые, как правило, включали биографические подробности, сведения о профессиональной деятельности умершего. Авторами их были учащие духовных школ. В «Ведомостях» встречаются некрологи учителей С. Г. Григоровича, Ф. С. Рождественского, Я. И. Светлова, И. В. Орфинского, а также ректоров семинарии Аполлинария (Вигилианского),

церкви для Повенецкого уезда // Там же. № 7–8. С. 29–30; *Никольский В.* О передвижной церкви в Ребольском приходе Повенецкого уезда // Там же. № 12. С. 27–28; *Мегорский В.* Передвижная церковь в деревне Костомуксе Валазминского прихода, Повенецкого уезда // Там же. 1900. № 7. С. 276–279; *Ягодкин Д. П.* Олонецкие приметы, поверья и суеверия // Там же. 1899. № 20. С. 27–29; № 22. С. 29–32; № 23. С. 23–26; 1900. № 1. С. 20–22; № 3. С. 100–102; № 4. С. 139–141; № 15. С. 556–557.

¹ *Елпидинский Я. С.* 1) Начало христианства в Олонецком крае // Там же. 1892. № 61–63; 2) Распространение в Олонецком крае // Там же. 1898. № 5. С. 17; 3) Из писем преосвященного Аркадия // Там же. 1900. № 4. С. 121–127.

² Открытие класса педагогики и Воскресной школы при Олонецкой духовной семинарии // Олонецкие губернские ведомости (далее — ОГВ). 1866. № 36; *Покровский Н. А.* Воскресная школа при Олонецкой семинарии // Там же. 1867. № 10; 1868. № 13; 1870. № 70; *Щеглов П. Ф.* Воскресная школа при Олонецкой духовной семинарии за 1870/71 учебный год // Там же. 1871. № 57.

³ *Барсов Е. В.* Из обычаев обонежского народа // ОГВ. 1867. № 11–14.

Мефодия (Лапчинского), П. Ф. Щеглова, долгое время работавших в системе духовного образования Олонецкой епархии.

Еженедельную газету «Олонецкая неделя» (1911–1918) издавало Карельское православное братство, редактором которой был Н. К. Чуков, его помощником – учитель семинарии М. П. Смирнов, а корреспондентами – сельские священники, преподаватели духовно-учебных заведений¹. Редакция разместилась в здании Олонецкой семинарии. В газете публиковались материалы по вопросам политической, церковно-общественной и народной жизни. На ее страницах отражалась жизнь средних духовно-учебных заведений епархии, церковно-приходских школ: официальная информация об организации начала и окончания учебного года, о начале проведения экзаменов, о сокращении учебного года во время Первой мировой войны.

На страницах «Олонецкой недели» отводилось немало места статьям, знакомящим читателей с историей родного Олонецкого края. Здесь были открыты специальные рубрики, постоянными авторами которых являлись преподаватели духовных школ. Так, учитель Олонецкой семинарии Н. С. Шайжин публиковал в рубрике «Из прошлого Олонецкого края» свои этнографические работы². В рубрике «Местная жизнь» инспектора и смотрители публиковали сведения о текущей деятельности духовно-учебных заведений: о праздновании в школах юбилейных дат (ко дню рождения М. В. Ломоносова, 100-летию Отечественной войны 1812 г., 300-летию Дома Романовых и др.)³, об организации и проведении народных чтений и литературно-музыкальных вечеров⁴.

¹ *Зайцев К.* Митрополит Григорий (Чуков): вехи служения Церкви Божией. Ч. 1. Слово на Рождество Христово 1912 года и обзор событий 1911 года на страницах православной газеты «Олонецкая неделя» [Электронный ресурс] // Богослов.ru: научный богословский портал. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2349708.html> (дата обращения: 17.09.2021).

² *Шайжин Н. С.* 1) Из прошлого Олонецкого края // Олонецкая неделя. 1911. № 2. С. 13–15; № 5. С. 4–5; 2) Заонежские «гуляй-кабаки» // Там же. № 6. С. 4–5; 3) Ценный исторический документ // Там же. 1911. № 3. С. 3–4 и др.

³ Местная жизнь // Олонецкая неделя. 1911. № 32. С. 9; 1913. № 48. С. 6; 1914. № 24. С. 7–11; Празднование 100-летней годовщины Отечественной войны 1812 г. 14 октября в Олонецкой духовной семинарии // Там же. 1912. № 43–47 и др.

⁴ *С.* Литературно-музыкальный вечер в Петрозаводском духовном училище // Олонецкая неделя. 1913. № 8. С. 8–9; Вечер в духовной семинарии // Там же. 1915. № 49. С. 12 и др.

Олонецкие епархиальные наблюдатели церковно-приходских училищ ежегодно публиковали свои отчеты о деятельности церковных школ за 1911–1917 учебные года, а также сообщали сведения о проведении педагогических собраний и о курсах учащихся церковных школ Олонецкой епархии.

Особой темой на страницах «Олонецкой недели» являлись публикации о Первой мировой войне. Здесь печатали списки семинаристов, ушедших добровольцами на фронт, газета информировала читателей о раненых и погибших во время военных действиях, о способах и формах участия олонецких духовно-учебных заведений в организации помощи на нужды войны¹.

Краеведение

В конце XIX в. в Олонецкой губернии получило развитие еще одно направление в общественной жизни духовенства — краеведение. В 1899 г. в «Олонецких епархиальных ведомостях» была опубликована «Программа для ведения летописей в церквях Олонецкой епархии», утвержденная на первом съезде благочинных². В ней предполагался сбор сведений по общему религиозно-нравственному состоянию карельских приходов, бытующим там суевериям, предрассудкам, остаткам языческих обрядов. Каждый священник должен был перечислить те способы борьбы с этими отклонениями от христианства, которые применял он или его предшественники. Комментируя «Программу», петрозаводский соборный протоиерей А. М. Надеждин писал, что если городские и сельские пастыри умело и внимательно выполняют все ее требования, то это даст будущему историку малоизученного Олонецкого края богатый и ценный материал «в историко-статистическом, географическом и религиозно-бытовом отношениях»³. Он призывал своих коллег внимательно изучить все имеющиеся материалы по истории своего прихода, включая «живые устные сказания народа», и обещал, что лучшие образцы церковных летописей будут напечатаны в «Олонецких епархиальных ведомостях».

¹ М. С. Павшие на поле брани олончане // Олонецкая неделя. 1914. № 15. С. 14–15; *Любитель музыки*. Патриотические концерты и вечера в Петрозаводске в январе месяце 1915 г. // Там же. 1915. № 8. С. 6–8; Проводы добровольцев // Там же. 1914. № 43. С. 9–10; Жертвы учащихся церковных школ на нужды войны // Там же. 1915. № 3. С. 7 и др.

² Программа для ведения летописей в церквях Олонецкой епархии // Там же. 1899. № 23.

³ *Надеждин А. М.* Несколько слов по поводу «Программы для ведения летописей в церквях Олонецкой епархии» // ОЕВ. 1899. № 23. С. 33–34.

Важно отметить, что в деле краеведения активное участие приняли многие выпускники петрозаводских духовно-учебных заведений¹. В 1913 г. при семинарии было создано «Общество по изучению Олонецкой губернии». Интерес представляют работы К. И. Казанского, Д. П. Ягодкина, Н. С. Шайжина по истории олонекских духовных школ².

Таким образом, в XIX — начале XX в. большинство преподавателей духовно-учебных заведений имели высшее образование. Среди них были не только грамотные высокообразованные педагоги, но и те, кто занимался историческими и филологическими исследованиями, общественной деятельностью. Свои труды они издавали отдельными изданиями или печатали в периодической печати. Педагоги активно участвовали в развитии науки, истории и культуры Олонецкой епархии.

¹ Ягодкин Д. П. Олонецкий край и его естественные богатства. Петрозаводск, 1897.

² Добрынин Е. К открытию общежития учеников Каргопольского духовного училища (Краткая историческая заметка) // ОЕВ. 1906. № 1. С. 13–16; Казанский К. И. Историческая заметка о духовных училищах Олонецкой губернии // ОГВ. 1889. № 96; Шайжин Н. С. 100-летний юбилей Петрозаводского духовного училища. Петрозаводск, 1909; Ягодкин Д. П. 1) Из жизни Олонецкой духовной семинарии. Петрозаводск, 1900; 2) Пятидесятилетний юбилей Олонецкой духовной семинарии. Петрозаводск, 1879; и др.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

В. Ю. Климов

Николай Японский о буддийской школе «Истинной Веры Чистой земли»

Огромную, неоценимую помощь и поддержку оказали святителю Николаю в распространении православия и строительству Японской Православной церкви Святейший Синод, высшие государственные органы Российской империи, лично государь император Александр II и простые жертвователи. Но без Николая Японского, его жертвенного, подвижнического, ежедневного упорного труда невозможно было бы достичь поставленных целей. Он был не только Богом избранным проповедником, но и одним из высокопрофессиональных отечественных японистов. Его характеристика религиозной ситуации в Японии во второй половине XIX столетия и сейчас заслуживает самого пристального и тщательного изучения. В статье рассматриваются его суждения о буддийской школе «Истинной Веры Чистой земли» (*дзё:до синсю*:¹ 浄土真宗, или, как он ее чаще называет, *монтосю*: 浄土真宗).

Ключевые слова: Николай Японский, православие, буддийская школа *монтосю*: 門徒宗, школа «Истинной Веры Чистой земли» 浄土真宗, Синран, Рэннё.

Климов Вадим Юрьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей Российской академии наук, отдел Дальнего Востока.

Vadim Yu. Klimov, PhD (History), Leading Researcher, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Department of the Far East.

klimovvadim26@gmail.com

© В. Ю. Климов, 2023

¹ Двоеточием передается долгота звука в японских словах.

Vadim Yu. Klimov

Nicholas, Archbishop of Japan, on the Buddhist school “The True Faith of the Pure Land”

Great, invaluable help and support was given to Archbishop Nicholas in the spread of Orthodoxy and construction of the Japanese Orthodox Church by the Holy Synod, the supreme authorities of the Russian Empire, personally Sovereign Emperor Alexander II and ordinary donors. But without archbishop of Japan Nicholas, his sacrificial, ascetic, daily hard work, it would have been impossible to achieve the goals set. He was not only a God-chosen preacher, but also one of the highly professional Russian Japanologists. His characterization of the religious situation in Japan in the second half of the 19th century and now deserves the closest and most thorough study. This article examines his opinions about the Buddhist school of the “True Faith of Pure Land” (jo:do shinshu: 浄土真宗), or as he more often calls it “montoshu:” 門徒宗.

Keywords: archbishop of Japan Nicholas, Buddhist school of the “montoshu:” 門徒宗, school of the True Faith of Pure Land (jo:do shinsyu: 浄土真宗), Shinran, Rennyo.

Епископ Сергей (Тихомиров) трогательно описывает сцену ухода из жизни Николая Японского (1836—1912): «Решили еще раз исповедаться взаимно, по обычаю, с наступлением дней Великого поста. Смотрю назад... Все в каком-то тумане... Что хорошего я сделал? Ничего! Искренне говорю: ничего! Молиться как следует не умею. Не трудился столько, сколько нужно было для пользы Церкви. Весь уходил в хозяйство»¹. На последнюю фразу «Весь уходил в хозяйство» хочется сразу же возразить: сколько учеников выращено, какая бурная миссионерская деятельность велась по всей территории Японии, многие переводы священных текстов православия на японский язык сделаны. Можно бесконечно продолжать примеры миссионерской и просветительской деятельности Святителя. Но при обращении к документам вдруг выясняется, что немалое количество времени уходило

¹ *Епископ Сергей (Тихомиров)*. Памяти высокопреосвященного Николая, архиепископа Японского (К годовщине кончины его; 3 февраля 1912 г.) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников / Сост. Г. Е. Бесстремянная. 2-е изд. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. С. 263.

на хозяйственную деятельность, изыскание средств для поддержания и нормального функционирования церковного хозяйства. С самого начала своей миссионерской деятельности Николаю Японскому приходилось обращаться к Святейшему Синоду, влиятельным духовным и светским лицам, чтобы собрать необходимое количество денег. И выясняется простая правда: без поддержки (в том числе и финансовой) Святейшего Синода, центральных государственных органов управления Российской империи и лично государя императора, а также пожертвований частных лиц, было бы невозможно на начальном этапе становления Японской православной церкви само существование православной миссии.

Иеромонах Николай был, помимо всего прочего, тем, кого сейчас называют эффективным менеджером. «Ему удалось выхлопотать желаемое пособие Японской миссии: из Государственного казначейства — 29 695 руб., из Священного Синода — 11 000 и из Миссионерского общества — 23 800 руб. Сбор пожертвований на построение храма в Токио также оказался очень хорошим, даже обильным, особенно в Москве, где богатые люди жертвовали целыми тысячами, а иногда и десятками тысяч. Всего преосвященный Николай собрал на сооружение Токийского собора около 132 000 руб. По предположениям архитекторов этой суммы было достаточно для создания нового храма»¹. Чтобы собрать необходимую сумму, ему пришлось приложить немало усилий. После возведения собора в Токио перед Николаем встал обыденный вопрос исходатайствования для воскресных богослужений облачения из серебряной позолоченной парчи. Пожертвованное в 1880 г. в Москве за это время порядком износилось. Благотворителей же, которые жертвовали на возведение храма, «совестно больше беспокоить», — пишет он в письме к Н. В. Благоразумову². «Вы прислали мне большой список московских богачей, и я часто держу его в руках, стараясь угадать, к кому бы [обратиться]? Но как подумаю, сколько при постройке собора я написал бумаги на совершенно безответные письма, то ужас обдержит пуститься опять в такое же безнадежное и неизвестное море»³. Эти строчки из письма очень ярко показывают, сколько моральных и физических сил пришлось потратить Николаю Японскому на содержание и развитие православной общины.

¹ *Левитский Н.* Апостол Японии. Преосвященный Николай, архиепископ Японский (К годовщине со дня его кончины // Святитель Николай Японский в воспоминаниях... С. 170.

² Архиепископ Николай в письмах к протоиерею Н. В. Благоразумову // Там же. С. 457.

³ Там же. С. 459.

Непременное условие успешной миссионерской деятельности в Японии — это свободное владение японским языком. 2 июля 1861 г. Николай прибыл в Японию. И с этого дня приступил к изучению японского языка. «Много было потрачено времен и труда, пока я успел присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не слившихся в один. Сколько разных способов письма, начиная... от чисто китайской книги до книг, писанных фонетическими знаками, между которыми опять-таки неизбежно путаются китайские иероглифы. От взаимной встречи и переплетения этих двух языков, принадлежащих к двум различным семействам, с грамматическими конструкциями, совершенно не похожими одна на другую, какое громадное количество выродилось и самых невероятных грамматических сочетаний, форм, частичек, хвостиков, часто, по-видимому, ничего не значащих, но требующих, однако, большой деликатности в обращении с собою. И такие люди, как пресловутый quasi-знаток японского языка француз Рони, осмеливаются писать грамматики японского языка. Хороши грамматики, которые приходится бросить в угол, как ненужный хлам, спустя неделю по приезде в Японию. Видно, долго еще изучающим японский язык придется изучать его инстинктом, чрез чтение книг и механическое приучение себя к тем или другим оборотам разговорной и письменной речи. Так инстинктивно и я научился наконец кое-как говорить и овладел тем самым простым и легким способом письма, который употребляется для оригинальных и переводных ученых сочинений»¹. Стоит несколько слов сказать о французском профессоре Рони (по всей видимости, речь идет о Леоне Луи Люсьене Пруноль де Росни, в нашей литературе он часто упоминается под фамилией Рони, 1837—1914). Он за вознаграждение от японского правительства составлял обзоры по политической ситуации в Европе, отдельных европейских стран. Надо думать, какой информацией он снабжал японскую сторону о России. Этим Рони резко отличался от известного исследователя Зиболяда, который, находясь на службе у японцев, объективно с известной долей симпатии отзывался о России и ее политике. Рони с первым японским посольством в Европу 1862 г. сопровождал его в Париже и специально приехал в Петербург, чтобы оказывать «услуги» по сбору информации по России. В отличие от Филиппа Франца Бальтазара фон Зиболяда (1796—1866), заслуги

¹ Цит. по: *Позднеев Д.* Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. С. 55—57.

которого признаются и высоко оцениваются всеми японистами, имя Рони мало известно.

Известный отечественный японист Дмитрий Матвеевич Позднеев отмечает, что «архиепископ Николай путем постоянного чтения японской литературы и постоянного общения с японцами, достиг удивительного знания японского и разговорного, и книжного языка. <...> У архиепископа Николая был сильный иностранный акцент... восемь лет пребывания в Хакодате дали его произношению сильный оттенок северо-японского диалекта. Но это нисколько не мешало ему быть понимаемым всеми японцами от мала до велика; богатство словаря и легкость построения фраз давали его речи силу, приводившую в восторг всех японцев. Архиепископ не был оратором в парламентском смысле, речь его не лилась такими длинными периодами, как у японских адвокатов; фразы были короткие, обороты самые неожиданные, но чрезвычайно яркие и сильные»¹.

Попытаемся восстановить по письмам-донесениям Святейшему Синоду хронологию усвоения иеромонахом японского языка по его собственным оценкам. В письме от 21 августа 1863 г., т. е. по истечении двух лет после прибытия в Хакодате, Николай Японский сообщает: «Я говорю по-японски в настоящее время довольно свободно; теперь начинаю изучать китайские письмена (иероглифику. — *В. К.*), без знания которых нельзя прочесть ни одной японской книги. <...> Я хорошо познакомился с здешними бонзами, хожу иногда слушать их проповеди и заимствую от них религиозные сведения. Сущность этих сведений я буду иметь честь представить... в следующем письме»². Как мы видим, иеромонах пока что еще не разделял буддизм на школы или направления. Это ему предстояло сделать в ближайшем будущем при более углубленном его изучении. Иеромонах сосредоточился на «отношении нового японского правительства к христианству»³, в последующем письме, датированном 17 октября 1868 г., и на приложении к нему, озаглавленном «Краткий очерк распространения христианства»⁴, датированном 13 июня 1868 г.

¹ Позднеев Д. Архиепископ Николай Японский... С. 56–57.

² Письмо исполняющему должность обер-прокурора Святейшего Синода Ю. В. Толстому с описанием основных религиозных течений в Японии и предложением об учреждении миссии по распространению Православия. Санкт-Петербург, б/д, [1869] // Собрание трудов равноапостольного Николая Японского в 10 т. Т. 1: Официальная переписка (1860–1883). М.: ООО «Издательство Пенаты и Книга», 2018. С. 76.

³ Там же. С. 77–79.

⁴ Приложение. Краткий очерк распространения христианства // Собрание трудов равноапостольного Николая Японского. Т. 1. С. 80–85.

В частности, в приложении, разбитом на четыре части, излагаются: 1) толки о возникновении и успехах ложной религии в Нагасаки Римско-католической религии¹, 2) протестантская религия², 3) сущность извращенной религии³, 4) подробности об извращенных религиях в Нагасаки⁴. Не случайно, по всей видимости, только в четвертом послании «Письмо исполняющему должность обер-прокурора Святейшего Синода Ю. В. Толстому с описанием основных религиозных течений в Японии и предложением об учреждении миссии по распространению Православия. Санкт-Петербург, б/д [1869 г. Июля 12]» иеромонах Николай дает описание японских буддийских школ, синто, конфуцианства. В этом же письме проповедник четко излагает трудности, с которыми сталкивается всякий, кто рискнет изучать японский язык. На основании собственного опыта он говорит о том, что непременно условием для молодого человека, желающего распространять православие в Японии, является «решимость посвятить всю жизнь на служение православной вере в Японии. Было бы несчастием, например, если бы миссионер, проживший 5 или 10 лет, соскучился Японией или соблазнился желанием получить высшее место, большее жалованье и оставил страну. Такие перемены нигде не могут быть так чувствительны, как именно в Японии, где по крайней мере 5 лет нужно употребить для изучения разговорного языка и по крайней мере 10 — для изучения письменного»⁵. Таким образом, Николай Японский считал, что для эффективной миссионерской деятельности миссионеру нужно будет отдать изучению японского языка примерно 15 лет, все это время находясь в стране пребывания. Невозможно не согласиться с этим утверждением. Это в равной мере относится и сейчас к подготовке высококвалифицированного специалиста, который намеревается заниматься не современностью, а историей, культурой, литературой до периода незавершенной буржуазной революции Мэйдзи 1868 г. Но чиновникам министерства образования это неведомо.

Освоив японский язык в достаточной мере, Николай Японский смог приступить к миссионерской деятельности, изучению истории, культуры, религиозной составляющей в жизни японцев. В 1869 г., через восемь лет после

¹ Там же. С. 80.

² Там же. С. 80–81.

³ Там же. С. 81–83.

⁴ Приложение. С. 83–85.

⁵ Письмо исполняющему должность обер-прокурора Святейшего Синода... С. 127–128.

прибытия в Японию, иеромонах Николай осмелился письменно обратиться в Святейший Синод и Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи с просьбой открыть Духовную миссию для распространения православной веры в Японии. Ходатайство было удовлетворено. 6 апреля 1870 г., после того как оно прошло рассмотрение в Святейшем Синоде, а затем в Государственном совете, Александр II высочайше утвердил решение об учреждении Российской духовной миссии в Японии. 14 мая 1871 г. были утверждены инструкции миссии, которая была вверена попечению главе Камчатской, Курильской и Благовещенской епархии. В августе 1872 г. при содействии министра иностранных дел графа Создзима Танэоми 副島種臣 (1828–1905) Николаю Японскому удалось приобрести довольно большой участок земли в Суругадай (тогда окраина Токио, а теперь практически центр столицы). Для успешной миссионерской деятельности архимандрит Николай должен был тщательно разобраться «с основными религиозными течениями в Японии», чтобы в дискуссии с японцами парировать всевозможные критические замечания и быть убедительным в словесном споре. В 1869 г. он направляет в Санкт-Петербург «письмо исполняющему должность обер-прокурора Святейшего Синода Ю. В. Толстому с описанием основных религиозных течений в Японии и предложением об учреждении миссии по распространению Православия».

Письмо, по сути, представляет собой большую научную статью, в которой анализируется религиозная ситуация в стране пребывания. Изучение, накопление знания и, наконец, написание самой обширной статьи стало возможным лишь благодаря глубокому знанию не только разговорного, но научного языка, а также буддийской терминологии. Он много времени потратил, слушая проповеди буддийских священнослужителей различных школ, а также изучая буддийские и конфуцианские трактаты. На 1869 г. этот, с полной уверенностью можно сказать научный, труд представлял ценную информацию по заданной теме. Исследование было написано, когда Николаю Японскому исполнилось 33 года — хороший возраст для больших свершений.

Поэтому интересно рассмотреть его научную работу и постараться ее объективно проанализировать. Во-первых, естественно, для православного миссионера и буддизм, и синтоизм были языческими религиями¹. Рассмотрим сначала, как он понимает самую многочисленную последователями буддийскую школу «Истинной Веры Чистой земли» (*дзё:до синсю*: 浄土真宗).

¹ Левитский Н. Апостол Японии... С. 171.

Иеромонах Николай сообщает читателям: «Монтосиу¹... весьма распространенная секта, обязана своим происхождением Японии...»². Здесь следует сделать несколько комментариев. Во-первых, в настоящее время слово «секта», несущее несколько негативное оценочное определение к правильному, ортодоксальному течению этого направления буддизма заменено на «школа», поскольку не содержит еретических мыслей. Приведено название школы «Монтосиу» из трех иероглифов: первый означает «Врата [храма школы]» (*мон* 門), второй — «последователи» (*то* 徒), и, наконец, третий «школа» (*сю*: 宗). Иными словами, это просторечное название «Школа последователей врат [храма Хонгандзи]». Иеромонаху Николаю было трудно сделать какие бы то ни было замечания по этому поводу, ведь даже в «Большом японско-русском словаре» под редакцией академика Н. И. Конрада приводится не совсем точный перевод на русский язык термина *монтосю*: — «название одной из буддийских сект»³. А следует переводить не «одной из», а общепринятое в то время народное название буддийской школы «Истинной Веры Чистой земли». У других школ тоже были просторечные названия. К примеру, верующие школы Тэндай (*тэндайсю*: 天台宗) назывались «последователи горных врат [храма Энрякудзи 延暦寺]» (*саммон-ха* 山門派). Храм находился на вершине горы Хиэйдзан 比叡山. Кстати, это направление буддизма Николай Японский не рассматривает в письме. Он считает, исходя из вышеприведенного текста, что амидаистская школа «обязана своим происхождением Японии». Это неверное заключение. Она возникла первоначально в Индии. Основателями этого направления считают Нагарджуну (*яп.* Рю:дзю 竜樹, также его имя по-японски произносят Рю:мё: 竜猛, предположительно годы жизни 150–250 гг.) и Васубандху (*яп.* Тэндзин 天親 или же Сэсин 世親, жил предположительно в IV–V вв.). Далее оно пришло в Китай, где трое китайских

¹ Следует читать эти три иероглифа по общепринятой системе русской транскрипции японских слов Евгения Дмитриевича Поливанова (1891–1938) как *Монтосю*: 門徒宗. Эти три иероглифа записываются слоговой азбукой *хираганы* следующим образом: もんとしゅう. Видимо, иеромонах Николай последние три знака прочитал しゅう как *сиу*. Второй знак ゆ ю по размеру меньше, чем первый. Первый и второй знаки произносятся вместе しゆ сю, а не раздельно しゆ сию. Последний же знак *каны* う у указывает на долготу звука и не читается. Николай Японский же прочитал もんとしゅう *монтосиу*, сократив знак ゆ ю.

² Письмо исполняющему должность обер-прокурора Святейшего Синода... С. 103.

³ Большой японо-русский словарь: в 2 т. / Под ред. Н. И. Конрада. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 621.

священнослужителей Тань-луань (*яп. Донран 曇鸞*, годы жизни 476–542), Дао-чо (*яп. До:сяку 道綽*, годы жизни 562–645), и Шань-дао (*яп. Дзэндо: 善導*, годы жизни 613–681) способствовали его распространению. И, в конце концов, стараниями японских патриархов Гэнсина 源信 (942–1017), Хонэна 法然 (1133–1212) и в Японии возникла «школа Чистой земли» (*дзё:до-сю:*, 淨土宗). А Синран 親鸞 (1173–1262), один из учеников Хонэна, основал «школу Истинной Веры Чистой земли» (*дзё:до синсю:* 淨土真宗).

Итак, продолжим анализ. Далее иеромонах Николай пишет: «Монтосиу отбросила весь буддийский аскетизм и ухватилась лишь за идею любви Будды к миру. Здесь о самоумерщвлении и помину нет; сами бонзы женятся и едят мясо и все, что угодно. Все подвиги человека представляются ничтожными: для спасения требуется лишь вера в Будду; будь человек неслыханнейшим злодеем, но скажи только раз: „Наму Амида буцу“ (поклоняюсь будде Амиде), — и он спасен»¹. Начнем с фразы «монтосиу отбросила весь буддийский аскетизм и ухватилась лишь за идею любви Будды к миру». Здесь следует вернуться к истории развития буддизма как мировой религии. После ухода в нирвану Будды Шакьямуни мир проходит три этапа упадка. Поначалу в мире царствует «Правильный Закон» (*яп. сё:бо 正法, санскр. «саддхарма»*), по одним сутрам, 500 лет, по другим — 1000 лет. Потом наступает период «Подобия Закона» (по-японски *дзо:бо: 像法, санскр. «саддхарма-пративапана»*), который длится, по одним сутрам, 500 лет, по другим — 1000 лет. И наконец, наступает последний период «Конца Закона» (*яп. маппо: 末法, санскр. саддхарма-виралопа*), который длится 10 000 лет. На первых двух этапах достижение Чистой земли (некоторое подобие христианского рая) достигается собственными усилиями, или, как говорит иеромонах Николай, «всеми подвигами человека». Эти «подвиги» накапливаются, улучшается карма человека, и «благодетельный человек» (*дзэннин 善人*) достигает нирваны, «Чистой земли крайней радости» (*гокураку о:дзё: 極樂往生*). Грешник (*акунин 惡人*) же лишается такой возможности. Но со временем не только «добродетельный человек», но и «грешник» может достичь «Чистой земли». И наконец, с наступлением третьего этапа «Конца Закона» у человека нет времени спастись своими силами (*дзирики 自力*). Остается единственно положиться на будду Амида и, в частности, на его изначальный обет (*хонган 本*) спасти все живые существа, которые искренне верят Ему, полагаются на Него, т. е. полагаются на «Силу Другого» (*тарики 他力*), Спасительную Силу будды Амида. И в благодарность верующий постоянно помнит Имя Его: «Наму Амида буцу» 「南無阿弥陀仏 («Да славится будда Амида»), состоящее из шести

¹ Письмо исполняющему должность обер-прокурора... С. 103.

иероглифов. Поскольку трудно противостоять плоти, священнослужители не придерживаются целибата, женятся, рожают и воспитывают детей.

Николай Японский одним из первых обратил внимание на некую близость к христианской религии школы «Истинной Веры Чистой земли»: «Учение о любвеобилии Будды (Амида. — В. К.), о готовности его спасать человека по первому призыву, о недостаточности собственных сил человека для спасения и о благодати (тарики) невольно изумляет, слушая в храме иную проповедь, можно забыться и подумать, что слышишь христианского проповедника»¹. Из приведенного пассажа следует, что иеромонах Николай черпал свои знания об этой школе, слушая проповеди буддийских священнослужителей, которые в первую очередь обращались к последователям или к тем, кто мог бы стать последователями с проповедью. Они подчеркивали легкий путь Спасения. Естественно, гораздо меньше говорилось о том, что не каждый последователь в определенных случаях, когда нарушались заповеди, мог достичь «Чистой земли» будды Амида. А сутры, трактаты, видимо, иеромонах еще не мог с уверенностью читать. На Западе немало вышло работ, в которых подчеркивалась близость установок этой школы с протестантизмом. К примеру, в XVI в. в записях, которые вел Валиньяни Алессандро (1539–1606) во время поездки по стране в 1579–1582 гг., он отмечал полное тождество со взглядами Мартина Лютера (1483–1546)². При желании можно также провести сопоставительный анализ с русским Православием. Но таких попыток пока еще не было.

Далее иеромонах Николай продолжает: «...монтосиу, с своим высоким учением о благодати, принесла Японии гораздо более зла, чем все другие секты. Допустив семейное состояние бонз, эта секта тем самым разрешила им все материальные заботы и поставила их наравне с мирскими людьми: это, по-видимому, неважно; при возникновении секты всем даже представлялась лучшая сторона ее именно в этом, так как здесь устранялась зазорность поведения бонз всех других сект; но никто не предложил вопроса: что будет, если бонзы монтосиу выступят на поле деятельности во имя освященных сектою и народным сознанием материальных интересов, но с неверием в душе в ни во что? Никто не подумал, как страшна может быть в устах бонз фраза: „Сколь ни греши, скажи только: «Наму Амида буцу», — и тебе все

¹ Там же. С. 103.

² *Климов В. Ю.* Светские власти, Рэннэ, восьмой иерарх буддийской школы «Истинной веры Чистой земли», и ее адепты в средневековой Японии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 12, вып. 1. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 60.

прошено“. Действительно, в период долгой неурядицы бывшей пред династией Токугава, бонзы монтосиу двигали целыми армиями и, притом, под собственным флагом. „Шаг вперед — в рай, шаг назад — в ад!“ — кричали они своим войскам и производили страшные битвы, страшные грабительства и опустошения; сами не веруя ни во что, но двигая невежественными массами увлеченных фанатиков, они грозились ниспровергнуть все государство. Только Нобунага мог унять их, и то какими средствами. Раз две шлюпки были наполнены отрезанными носами и ушами у их побежденной армии и отправлены в их главную квартиру; а когда взята была и она, то 200 тысяч бонз и их защитников сожжено разом»¹.

Надо сказать, что долго в отечественном японоведении бытовала точка зрения о бездуховности, богохульстве, разрушительных действиях последователей *монтосиу* в отношении других школ и светских властей. И тому способствовало две причины. Первая — в этом видели только лишь проявление классовой борьбы в Средние века. Поэтому порой неправильно истолковывались средневековые письменные источники, имеющие отношение к массовому религиозному движению *икко:-икки* 一向一揆. Вторая причина — недостаток высококвалифицированных специалистов, многие из которых были просто расстреляны как «японские шпионы». Произошел разрыв поколений, знания дореволюционных японистов не были переданы в полном объеме. Поэтому мало кто мог прочесть трудные средневековые буддийские тексты.

Николай Японский прав, когда говорит о подчеркнуто-пренебрежительном отношении к представителям светской власти и адептам других школ. Рэннэ (1415—1499), восьмой иерарх школы, такое поведение называл «гордыней за Основной Обет Амида» (*хонган-бокори* 本願誇), а также «свободой совершать злые деяния и прегрешения». Ложно понятая проповедь и уверенность, что будда Амида при любых прегрешениях все равно спасет, приводила к крайним проявлениям адептов в миру. К примеру, Рэннэ, стремясь привлечь в свою школу как можно больше последователей и тем самым укрепить ее положение, пишет послание, где есть такие слова, которые могли быть поняты слишком прямолинейно. «Просто, если искренне верить всей душой в покровительство Будды Амида, положившись всей душой на Великий Обет Амида-нерай, поклявшегося помогать [всем] — будь то торговцу или ремесленнику, рыбаку или даже никчемному человеку, похожему на нас [с тобой], погрязших в смертных грехах, блуждающих с утра до вечера в поисках пути; если положишься на милосердие единого Будды Амида чистосердечно и без предательских колебаний, то всенепременно Будда-нёрай окажет

¹ Письмо исполняющему должность обер-прокурора... С. 103—104.

высокое покровительство... Буммэй 3-й год, 12-я луна, 18-е число (28 января 1472 г. — В. К.)¹.

Реакцию монахов школы *тэндайсю*: на успехи миссионерской деятельности Рэннэ среди простых мирян можно понять по их письму от 4 февраля 1465 г., она практически совпадает с мнением Николая Японского. «[Последователи] храма Хонгандзи придерживаются порочного Пути: проповедуют исключительно возгласение (*нэмбуцу* 念仏), обращенное к Будде Амида. За исключением возгласения *нэмбуцу*, порочат [всех других] Будд, [их] Законы и монахов, составляющих три сокровища (*самбо*: 三)². В частности, создав самовольно школу «всепроникающего света [Будды Амида]» (*мугэко:сю*: 無碍光宗), опираясь на людей низкого происхождения — глупых мужчин и женщин, вульгарных молодых людей — ведут проповеди, и из-за этого в деревнях совершают во множестве [дурные] поступки, оскверняющие синтоистских богов и Будд: эти люди, собравшись, создают толпы, сжигают скульптурные изображения Будд и сутры. Кроме того, широко ходят слухи об их дурном поведении и зловредных поступках. Подобная школа в действительности является врагом синтоистских богов и Будд, и нельзя допускать этого с точки зрения правильного Закона [Будды] и интересов государства. В этой связи когда последователи [нашей школы] из Западной пагоды [храма Энрякудзи]³ еще раньше решили разбить и уничтожить храм Хонгандзи⁴, но [не стали этого делать, потому что] при содействии и посредничестве настоятеля храма Сёрёнъин (*Сё:рёнъин мондзэки* 青蓮院門跡) получили от храма Хонгандзи письменное извинение, и поэтому некоторое время пристально наблюдали за тем, как изменяется ситуация, однако и после этого порок не был искоренен, а так как в последнее время напротив изменилась ситуация к худшему, то на этот раз не может быть прощения. Поэтому, так как принято коллективное решение разломать и уничтожить храм Хонгандзи, направив [для этой цели] монахов храма [Энрякудзи] и служивых синтоистского святилища Гион 祇園社 из числа отверженных (*инудзинин*

¹ Рэннэ фумисю: (蓮如文集 = Собрание священных посланий Рэннэ) / под ред. Касахара Кадзуо 笠原一男. Токио, 1985. С. 24–25.

² *Самбо*: — три сокровища: Будда, Закон Будды (дхарма) и монашеская община (сангха).

³ У храма Энрякудзи 延暦寺 было три пагоды: Восточная (*то:то*: 東塔), Западная (*сэйдо*: 西塔) и Ёкава (*ёкаватто*: 横川塔).

⁴ Хонгандзи 本願寺 — храм Основного обета [будды Амида] административно подчинялся обители Сё:рёнъин 青蓮院 школы *тэндай*.

犬神人), настоящим извещаем об этом. Ответственный за исполнение из обители Западной пагоды (Сайдо:ин) — Кэйдзюн 慶純.

Кансё: 6-й год, 1-я луна, 8-й день (3 февраля 1465 г. по григорианскому стилю). [Доставить] настоящее письмо в храм Хонгандзи»¹.

В отношении верующих школы иеромонах Николай воспринял только внешнюю сторону проявления действий адептов школы во время ожесточенных междоусобных войн. И в этом легко убедиться, если мы обратимся к священным текстам школы. Приведем в качестве доказательства письмо четырнадцатое иерарха Рэннё из первой тетради.

«Итак², те, кто возглашают нэмбуцу в [традициях] нашего направления, не должны возводить хулу на учения других школ³. Прежде всего, [в провинциях] Эттю: и Кага это относится к храмам Татэяма⁴,

¹ Цит. по: Цудзикава Тацуо 辻川達雄. Рэннё — Ёсидзаки фукё: (蓮如—吉崎布教 = Рэннё — миссионерская деятельность в Ёсидзаки). Токио, 1984. С. 16–17; *Климов В. Ю.* Правила, регламентирующие поведение японских адептов буддийской школы «Истинной веры чистой земли» во второй половине XV в. // Четвертые восточковедные чтения памяти О. О. Розенберга: Доклады, статьи, публикации документов. СПб., 2011. С. 39.

² Это письмо, как и предыдущие, Рэннё начинает словами *сомосомо* — «итак».

³ 諸法 *сёхо*: — все Законы. В данном контексте речь идет об Учениях всех остальных буддийских школ.

⁴ В юго-восточной части префектуры Тояма 富山県 находится горная цепь, отдельные пики ее достигают высоты более 3000 м. Татэяма 立山 (высота 2991 м) — одна из наиболее почитаемых гор из этой цепи, населенных синтоистскими божествами. Горы еще до появления буддизма на японских островах почитались как место пребывания божеств (вера в горы — 山岳信仰 *сангаку синко*:). На них совершали паломничество отшельники, практикующие Путь упражнений и испытаний — *сюгэндо*: 修験道. Иначе это направление называют «Путем обретения чудотворных способностей». Гора Татэяма была местом горного отшельничества. Она входит в список «трех священных гор Японии» (日本三霊山 *Нихон санрэйдзан*): 1) Фудзи 富士, 2) Татэяма 立山, 3) Сираяма 白山. Сама гора Татэяма интерпретировалась как «воплощение будды» (*гонгэн* 権現) Амида. В 10-м свитке сочинения «Дайкё: дзикидан ё:тю:ки» 「大経直談要註記」 говорится, что явленные горные божества (*гонгэн* 権現) Кумано 熊野, Сираяма 白山 есть воплощение (*хондзи* 本地) будды Амида-нёрай, что Сираяма и Татэяма также есть воплощение будды Неизмеримой жизни *мурё:дзю буцу-но суйдзюку* 無量寿仏ノ垂迹, будда Неизмеримой жизни и есть Будда Амида, одно из его названий). Подробнее о синто-буддийском синкретизме см.: *Карелова А. Б.*

Сираяма¹ и других всех храмов. В провинции Этидзэн это храмы Хэйсэндзи², Тоёхарадзи³ и другие. Кроме того, именно об этом же предупреждают нас в [Большой] сутре: «Не получают рождения в Чистой Земле [Крайней Радости Будды Амида] те, кто совершит пять тяжких преступлений и злословит по поводу правильного Закона»⁴. Следовательно, аскеты возгласения

Синто-буддийский синкретизм XIII–XV вв. // Буддийская философия в средневековой Японии. М.: Янус-К, 1998. С. 241–262.

¹ Сираяма (высота 2702 м). Имеется еще одно название Хакусан («верхнее» чтение тех же иероглифов). В буквальном переводе – «Белая гора», она находится на границе между префектурами Исикава и Гифу. С давних времен одно из мест горных отшельников-чудотворцев, идущих по «Пути упражнений и испытаний» (*сюгэндо*:). Важным письменным источником по истории *сюгэндо*: в этой местности являются «Записки о Сираяма» (白山の記 *Сираяма-но ки*) (1163 г.). Сираяма считалась «воплощением Будды» (*гонгэн*) Амида. Почитание горы Сираяма было всеобъемлющим. Она присутствует как действующее лицо, как символ, как божество во многих стихотворениях. Думаю, достаточно будет сказать, что только в поэтической антологии «Кокин вакасю» Сираяма упоминается, как удалось установить, по крайней мере 6 раз: стихотворения № 383, 391, 414, 979, 980, 1003.

² 平泉寺 храм Хэйсэндзи. Находится в префектуре Фукуи 福井県, относится к школе *тэндайсю*: 天台宗. Храм появился в 717 г. С IX в. превратился в крупный религиозный центр в связи с распространением веры в гору Сираяма. Паломники перед восхождением на Сираяму собирались в Хэйсэндзи. В середине XII в. подчиняется столичному храму Энрякудзи (школа *тэндайсю*:). Со второй половины XV в. возникает противостояние, а затем конфликт с верующими школы «Истинной Веры Чистой земли». В 1574 г. отряды последних совершают нападение на Хэйсэндзи и сжигают его полностью. В 1631 г. Хэйсэндзи частично реставрируется, получив поддержку и защиту у священнослужителей храма Канъэйдзи 寛永寺 (школа *тэндай*) в Эдо, тесно связанному с домом военных правителей Токугава. В 1870 г. в связи с распоряжением нового правительства Мэйдзи о разделении синтоизма и буддизма был преобразован в синтоистское святилище, посвященное божеству горы Сираяма – *Сираяма дзиндзя* 白山神社.

³ 豊原寺 храм Тоёхарадзи, не сохранился. Можно встретить другое («нижнее») чтение третьего иероглифа в названии – Тоёхарадэра. Находился на территории провинции Этидзэн в уезде Саакита, селение Наунэ 越前国坂北郡長畝郷, ныне префектура Фукуи 福井県. Относился к школе *тэндай* 天台宗, многие из прихожан придерживались практик горных отшельников *сюгэндо*: 修験道, обожествляли гору Сираяма.

⁴ Протицируем это место из сутры «Даймурё:дзюкё:» 「大無量寿経」 на языке оригинала: 「唯除五逆誹謗正法」 – *юйдзё гогяку хихо: сё:бо:*.

*нэмбуцу*¹, в частности, не должны возводить хулу на другие школы. К тому же мы видим, что и ученые мужи других школ, следуя по Пути Святых², никогда не позволяют себе злословить по поводу людей, возглашающих *нэмбуцу*. Об этом же мне много говорится и в сутрах и комментариях. Прежде всего [в трактате] «Рассуждения о знании»³ бодхисаттвы Нагарджуна⁴,

¹ В «То:дзандзё:» 「登山状」 из второго свитка «Сю:иго то:року» 「拾遺語燈録」 об этом же говорится: «Люди, практикующие *нэмбуцу*, не должны порицать другие практики. Дело в том, что если будешь порицать, то будешь идти против Всемиловейшего обета [Будды] Мида (弥陀の悲願 *Мида-но хиган*). Те же, кто совершают другие практики, не должны порицать совершающих возглашение (*нэмбуцу*). Дело в том, это также будет нарушать Основные обеты (諸仏の本誓 *сё-буцу-но хондзэй*) всех остальных будд».

² Здесь подразумеваются все школы и направления японского буддизма, которые проповедовали, что можно достичь Просветления в этом мире, опираясь на собственные силы, накапливая добрые дела, самосовершенствуясь. Этот путь получил название «Путь Святых», «Путь совершенномудрых» (聖道 *сё:до:*) или «Врата Пути Святых», «Врата Пути совершенномудрых» (聖道門 *сё:до:мон*). К этому Пути Рэннё относил прежде всего школы *тэндай*, *сингон* и *дзэн* 禪宗. Школа «Искренней Веры Чистой земли» и все другие школы амидаистского направления проповедовали, что искренне верующий в Будду Амида и Его Основной обет достигнет Просветления после того, как родится в Чистой земле Будды Амида в будущем мире, т. е. после смерти (Врата в Чистую Землю — 淨土門 *дзё:домон*). Эта аргументация восходит к «Анракусю:» 安樂集, комментариям в двух свитках к сутре «Канмурё:дзю-кё:» 「觀無量壽經」, которые написаны китайским священнослужителем Даочо 道綽 (*яп.* До:сяку) (562–645), жившим во время правления династии Тан. Написаны в форме ответов на вопросы. Эти комментарии оказали большое влияние на его ученика Шаньдао 善導 (*яп.* Дзэндо:) (613–681).

³ В тексте упоминается сокращенное название 「智論」 «Тирон», полное же — 大智度論 «Дайтидорон» (*кит.* Дачжиду-лунь) «Рассуждения о великом знании переправы [к нирване]» — сочинение Нагарджуна в 100 свитках. Перевел на китайский язык Кумараджива (*яп.* Кумарадзю:) 鳩摩羅什 (344–413, по другим данным 350–409). Сочинение Нагарджуны.

⁴ 龍樹菩薩 Рюдзю-босацу — бодхисаттва Нагарджуна (годы жизни примерно 150–250 гг.). В современных текстах, как правило, первый иероглиф из имени Нагарджуна (*рю:*) пишется в упрощенном варианте 竜.

Наставника-Основателя¹ восьми школ [Махаяны в Японии]², серьезно предупреждает по этому поводу. Он пишет: «Если будешь бережно с любовью чтить Учение, в которое сам веришь, но будешь возводить хулу на другие школы, то не избежать тебе мучений ада, даже если будешь выполнять все предписания»³. Поскольку все четко разъяснено: любые [толкования] других школ представляют собой учения Будды, то нельзя, ошибаясь [в своих представлениях], порочить их. И, в общем, так как все они каждая сама по себе школа, то мы сами только не полагаемся на них. Но особенно в нашем направлении [школы Истинной Веры Чистой Земли] совершенно непозволительно ругать другие школы людям, которые ничего не смыслят в этом. А тот, кто является священнослужителем в [своем моленном доме]⁴, должен всенепременно-обязательно⁵ обратить на это внимание и строжайше запретить [делать это].

С глубоким почтением.

Буммэй 5-й год, 9-я луна, последняя декада⁶.

К сказанному следует добавить, что Ода Нобунага 織田信長 (1534–1582) не был «законным правителем страны» по мнению многих его современников. Он отстранил от власти и изгнал из столицы, города Киото, легитимного военного правителя страны Асикага Ёсиаки 足利義昭 (1537–1597, на посту сёгуна 1568–1573), 15-го и последнего по счету сёгуна из династии Асикага.

¹ 祖師 *cosi* — Наставник-Основатель. Причем первый иероглиф относится, как правило, к создателям школ, а второй — к направлениям в рамках школы.

² Восемь школ (*хассю*: 八宗): 1) Куся 俱舍宗 (школа Абхидхармакоши), 2) Дзё:дзицу 成実宗 (школа «Достижения истины»), 3) Рицу 律集 (школа уставов), 4) Хоссо: 法相宗 (школа Облика дхарм), 5) Санрон 三論宗 (школа трех трактатов), 6) Тэндай 天台宗 (школа с горы Небесной Опоры), 7) Кэгон 華嚴宗 (школа Цветочного убранства), 8) Сингон 真言宗 (школа Истинных Слов).

³ В письме приведена цитата на *камбуне*: 「自法愛染故、毀訾他人法、雖持戒行人、不免地獄苦」 — *дзихо*: *айдзэнко*, *киси танимбо*., *суйдзикай гё:нин*, *фумэн дзигокуку*.

⁴ 一所の坊主分たるひとは *иссё-но бодзубун тару хито-ва* — а тот, кто является священнослужителем в одном месте, т. е. в моленном доме (*до:дзё*: 道場).

⁵ В тексте дважды повторяется слово *ахикама-хё*, *ахика-хё* *аикамаэтэ аикамаэтэ*. *Аикамаэтэ* в современном языке соответствует 必 *канарадзу* со значением «обязательно, непременно». Переведено как «всенепременно-обязательно», чтобы не повторять одно и то же слово.

⁶ Двадцать первый день 9-й луны 5-го года эры Буммэй приходится на 12 октября 1473 г., а 30-й день — на 21 октября того же года по григорианскому календарю.

Ода был одним из претендентов на абсолютную власть в стране и в борьбе с претендентами не ограничивал себя в выборе средств, даже самых кровавых. Кстати, военные отряды школы выступили против Ода Нобунага вместе с другими светскими князьями по распоряжению сёгуна. В то время, в период междоусобных войн, длившихся почти 100 лет, не только эта школа, но и другие принимали активное участие в борьбе за власть. Ода Нобунага «прославился» еще и тем, что сжег храм Энрякудзи 延暦寺 на горе Хиэйдзан 比叡山, центральный храм школы Тэндайсю: 天台宗, вблизи Киото, и убил множество монахов и священнослужителей. Также Ода способствовал распространению христианства на Японских островах, видя в них силу, которая может противостоять буддийским школам, противодействующим установлению его единоличной власти вместе со светскими князьями, выступившими против него. Поэтому ситуация была не столь однозначно прямолинейна. Это позже, ретроспективно, Ода стали считать первым объединителем страны.

Вместо заключения

Николай Японский был одним из первых профессиональных японистов в России, который много сделал для распространения православия, русского языка и культуры на японской земле. Вклад его в отечественное японоведение невозможно переоценить. Для успешной миссионерской деятельности ему пришлось изучить всю японскую цивилизацию в комплексе, не разделяя ее на привычные ныне дисциплины: история, литература, религиоведение, изобразительное искусство, традиционный театр, музыка, керамика, фарфор и т. д. Он был в полном смысле ученым-энциклопедистом, опиравшимся при этом, естественно, на русское православие. В настоящее время вышло пять томов десятитомного собрания трудов равноапостольного Николая Японского, которое войдет в золотой фонд отечественного японоведения. Пришло время обратиться к его трудам, как к источнику становления профессионального становления японистики в России.

Настоящую статью можно рассматривать как попытку осмыслить взгляды Николая Японского относительно наиболее популярной буддийской школы в Японии «Истинной Веры Чистой земли». На 1869 г. его описание основных религиозных течений в Японии является самым полным и четким изложением по этой теме в России. Поэтому неслучайно его письмо аналогичного содержания было отправлено в адрес главы Азиатского департамента Министерства иностранных дел П. Н. Стремоухову. На тот момент, можно считать, это было самым лучшим исследованием не только в России, но, может быть, и в Европе. Письмо вызвало большой резонанс и разбудило интерес

к рассматриваемой теме у российских читателей. Поэтому, вероятно, оно было также опубликовано в популярном журнале «Русский вестник» (1869, № 9, с. 219–264) под измененным названием «Япония с точки зрения христианской миссии».

Когда в 1861 г. Николай Японский прибыл в Хакодате, ему было 25 лет. На момент написания письма в Святейший Синод и Азиатский департамент Министерства иностранных дел ему исполнилось 33 года. За восемь лет ему удалось овладеть японским языком настолько, чтобы понимать проповеди буддийских священнослужителей во время службы. Однако, по всей видимости, он не мог читать сложные буддийские тексты, поэтому, естественно, не мог знать всех тонкостей истории становления, к примеру, школы «Истинной Веры Чистой земли» и других амидаистских школ. Они рассматривались иеромонахом Николаем критически, считались языческими, приносящими зло.

Литература

- Архиепископ Николай в письмах к протоиерею Н. В. Благоразумову // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников / Сост. Г. Е. Бесстремьяная. 2-е изд. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. С. 443–478.
- Большой японо-русский словарь: в 2 т. / Под ред. Н. И. Конрада. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1970. 808 с.
- Епископ Сергей (Тихомиров)*. Памяти высокопреосвященного Николая, архиепископа Японского (К годовщине кончины его; 3 февраля 1912 г.) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников / Сост. Г. Е. Бесстремьяная. 2-е изд. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. С. 200–288.
- Климов В. Ю.* Правила, регламентирующие поведение японских адептов буддийской школы «Истинной веры чистой земли» во второй половине XV в. // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга: доклады, статьи, публикации документов. СПб., 2011. С. 38–55.
- Климов В. Ю.* Светские власти, Рэннэ, восьмой иерарх буддийской школы «Истинной веры Чистой земли», и ее адепты в средневековой Японии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 12, вып. 1. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 53–66.
- Левитский Н.* Апостол Японии. Преосвященный Николай, архиепископ Японский (К годовщине со дня его кончины) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников / Сост. Г. Е. Бесстремьяная. 2-е изд. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. С. 153–199.

Письмо исполняющему должность обер-прокурора Святейшего Синода Ю. В. Толстому с описанием основных религиозных течений в Японии и предложением об учреждении миссии по распространению Православия. Санкт-Петербург, б/д [1869] // Собрание трудов равноапостольного Николая Японского в 10 т. Т. 1: Официальная переписка (1860–1883). М.: ООО «Издательство Пенаты и Книга», 2018. С. 86–128.

Позднеев Д. Архиепископ Николай Японский (Воспоминания и характеристика) // Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников / Сост. Г. Е. Бесстремьянная. 2-е изд. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. С. 48–152.

Приложение. Краткий очерк распространения христианства // Собрание трудов равноапостольного Николая Японского: в 10 т. Т. 1: Официальная переписка (1860–1883). М.: ООО «Издательство Пенаты и Книга», 2018. С. 80–85.

Рэннэ фумисю: (蓮如文集=Собрание священных посланий Рэннэ) / Под ред. Касара Кадзуо 笠原一. Токио, 1985.

Цудзикава Тацуо 辻川達雄. Рэннэ – Ёсидзаки фукё: (蓮如一吉崎布教 = Рэннэ – миссионерская деятельность в Ёсидзаки). Токио, 1984.

Приложение

Флаг военных образований

религиозного движения *икко:-икки* 「一向一揆」¹

Флаг военизированных отрядов верующих только в будду Амида (*икко:-икки* 一向一揆). Иероглифы, приведенные на изображении, читаются сверху вниз, справа налево. Если перевести в привычное для европейцев письмо в строчку, то надпись будет выглядеть следующим образом:

進者往生極楽

退者無間地獄.

В переводе на русский язык:

Идешь в атаку — родишься в Чистой Земле Крайней Радости;

Отступишь — низвергнешься на вечные времена в ад.

¹ Изображение взято с сайта: <https://wtfm.exblog.jp/12737823/> (дата обращения: 28.10.2022).

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ИСТОРИЮ СВЯТЕЙШЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СИНОДА

УДК 025.4.02

Е. Н. Ропаква, Д. А. Воронин

Особенности поиска литературы по истории Святейшего Синода в карточном и электронном каталогах Российской национальной библиотеки: на примере работы с пользователями Читального зала Генерального систематического каталога Российской национальной библиотеки

Статья знакомит пользователей Российской национальной библиотеки с основными каталогами для поиска литературы по истории

Ропаква Елена Николаевна, кандидат исторических наук, главный библиотекарь-каталогизатор Сектора лингвистического обеспечения электронных каталогов и предметизации Отдела обработки и каталогов Российской национальной библиотеки.

Elena N. Ropakova, PhD (History), Chief Librarian-Cataloguer of the Sector of Linguistic Support of Electronic Catalogs and Objectification of the Department of Processing and Catalogues of the National Library of Russia.

re.poslanie@mail.ru

Воронин Дмитрий Алексеевич, главный библиотекарь группы справок по Генеральному систематическому и предметному каталогам Отдела обработки и каталогов Российской национальной библиотеки.

Dmitry A. Borodin, Chief Librarian of the Reference Group for the General Systematic and Subject Catalogues of the Department of Processing and Catalogues of the National Library of Russia.

gladiator41@yandex.ru

© Е. Н. Ропаква, Д. А. Воронин, 2023

Святейшего Синода. В библиотеке на протяжении длительного периода решалась задача раскрытия многочисленного фонда путем создания различных каталогов. Основными карточными (рукописными и печатными) каталогами являются алфавитный и систематический. В статье раскрываются способы поиска необходимых документов по данным карточным каталогам. Также объясняются варианты поиска литературы по Электронному каталогу Российской национальной библиотеки с помощью различных фильтров. Приведенные в статье иллюстрации предоставят пользователям возможность в дальнейшем осуществить поиск литературы по интересующим их вопросам.

Ключевые слова: Святейший Синод, Российская национальная библиотека, Генеральный систематический каталог, электронные каталоги, библиотечно-библиографическая классификация.

Elena N. Ropakova, Dmitry A. Borodin

**Features of the search for literature on the history
of the Holy Synod in the card and electronic catalogues
of the National Library of Russia:
an example of working with users of the Reading Room
of the General Systematic Catalog of the National Library
of Russia**

This article introduces users of the National Library of Russia to the main catalogues for searching literature on the history of the Holy Synod. For a long period, the Library solved the problem of disclosing a large collection by creating various catalogues. The main card catalogues (handwritten and printed) are alphabetical and systematic. The article reveals ways to search for the necessary documents in these card catalogues. The options for searching literature in the National Library of Russia Electronic Catalog using various filters are also explained. The screenshots in the article will provide users with the opportunity to further search for literature on other issues of interest.

Keywords: Holy Synod, National Library of Russia, General systematic catalogue, electronic catalogues, Library-Bibliographical Classification.

Введение

Российская национальная библиотека (РНБ) является одним из основных книжных хранилищ в Российской Федерации. На сегодняшний день в фондах РНБ находится более 40 млн единиц хранения.

Чтобы правильно ориентироваться в столь огромном количестве изданий, читателю (на современном языке — пользователю) необходимо иметь широкий круг вариантов поиска требуемой литературы. Важнейшими инструментами поиска являются наши каталоги. В РНБ основными каталогами являются:

- *Генеральный алфавитный каталог* (ГАК), который содержит печатные карточки с описаниями русской книги с 1725 г. и иностранной книги с XVI в., расположенных в алфавитном порядке авторов и заглавий.
- *Генеральный систематический каталог* (ГСК), с которым можно работать в специализированном читальном зале в Главном здании РНБ.

ГСК содержит карточки с описаниями русской и иностранной книги того же периода. Он организован в соответствии с таблицами библиотечно-библиографической классификации (ББК) для научных библиотек. Процесс пополнения ГСК карточками новых книг продолжается и в настоящее время.

В чем отличия работы пользователей с этими двумя каталогами? Если для работы с алфавитным каталогом читателю необходимо знать автора или название книги, то при использовании ГСК требуется тема исследования.

- *Предметный каталог* (ПК), который также находится в читальном зале ГСК. В нем сосредоточены карточки с описаниями русской книги с 1931 г., иностранной книги — с 1918 г. Карточный Предметный каталог с 2007 г. не пополняется. Все работы с предметными рубриками¹ осуществляются только в электронном варианте.
- *Электронный каталог* (ЭК), который содержит обязательные библиографические записи (БЗ) всей литературы, поступившей в РНБ с 1996 г., а также широкий круг БЗ литературы раннего периода.

¹ При предметизации содержание документов (основная тема) представляется в виде предметных рубрик (ПР).

Дореволюционные каталоги

Отметим, что современная система поиска по карточным каталогам отличается от дореволюционного периода. В Императорской Публичной библиотеке на протяжении XIX в. шла разработка как внешнего вида рукописных карточек, так и их содержания. В частности, литература располагалась по Отделениям в соответствии с принятой на тот момент классификацией наук (рис. 1).

Рис. 1. А. Н. Оленин
(1763–1843)

По мнению директора Библиотеки А. Н. Оленина, система классификации должна была быть логически обоснованной и отражать естественное разделение человеческих знаний, непрерывную связь между науками и постепенный переход от одной науки к другой¹. Отражая эти принципы в своей системе, он разделил все знания на 3 части — «Науки», «Искусства», «Филология», образовав внутри них 15 главных разделов в следующем логическом порядке²:

I. Науки

Науки умственные

1. Богословие
2. Правоведение
3. Философия
4. История

Науки естественные

5. История естественная
6. Врачебство

¹ Коновалова М. Н. История каталогизации фондов Российской национальной библиотеки 1795–1917 гг. СПб., 2014. С. 21–22.

² Коновалова М. Н., Хотякова Я. И., Ефимова Н. А., Грин Ц. И. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 15.

В последующее десятилетие при работе непосредственно с систематическим каталогом А. Н. Оленин предложил схему с 18 разделами. Был детализирован раздел Искусства, в частности *свободные искусства* были разделены на гимнастику и музыку, *словесные искусства* — на стихотворство и красноречие, а также появились *изящные искусства* — ваяние, живопись и зодчество. См.: Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. СПб., 1914. С. 126.

7. Физика

8. Химия

Науки определительные

9. Математика (чистая и сложная)

II. Искусства

1. Механические искусства

2. Свободные художества

3. Словесные искусства

III. Филология

1. Языкознание

2. Полиграфия

3. Критика

Помимо этого, выработка определенной *системы* влияла как на постановку книг в Библиотеке (по Отделениям), так и на отражение содержания литературы (Систематический каталог). Именно это способствовало, по выражению А. Н. Оленина, «скорому приискыванию нужных посетителям книг»¹, поскольку тогда библиотекаря следовало не запоминать местонахождение книги в огромном фонде, а понимать, как осуществить поиск затребованной книги.

II очередь

Рис. 2. Коробка

«Русское православие»

(индекс Р(1)80)

с рукописными карточками

по истории Святейшего

Синода (индекс Р(1)132)

В XIX — начале XX в. каждое Отделение традиционно вело три каталога: два алфавитных (авторов и названий книг) и предметный. К сожалению, до нас не дошла *схема* предметного каталога. Однако в коллекции Генерального систематического каталога РНБ сохранились рукописные дореволюционные карточки, которые были систематизированы и сгруппированы по отраслям знаний согласно научной классификации конца 1930-х гг. Эта коллекция имеет рабочее название «II очередь» (рис. 2).

Отметим, что *печатная карточка* с библиографической записью литературы

¹ *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 141–142.

появилась в 1931 г. И прежде всего, в этот период печатались карточки на новые издания СССР. В дальнейшем вернулись к печати карточек более ранних советских изданий, с 1917 г. И уже впоследствии перешли к книгам, изданным до Октябрьской революции. Таким образом, рукописная карточка была позднее заменена печатной (рис. 3).

В Императорской библиотеке существовал также читательский каталог, в частности алфавитный каталог часто спрашиваемых изданий, библиографическое описание которых было сокращено. По мнению А. Н. Оленина, читателям, которые приходили в библиотеку, «чтобы только любопытствовать», был удобен такой каталог. Более серьезные исследователи, которые приходили «читать или делать выписки», приглашались непосредственно в книгохранилище, и работали с систематическим каталогом Отделения¹ (рис. 4).

Обратим внимание, что в дореволюционный период единого алфавитного или предметного каталогов в Библиотеке не было. После Революции до создания единого алфавитного каталога и до начала печати карточек в Российской публичной библиотеке (1920-е гг.) использовались карточки, напечатанные на пишущей машинке и сгруппированные по предмету в порядке поступления книги в библиотеку, начиная с последних поступлений (рис. 5 и 6).

Рис. 3.

Рукописная дореволюционная карточка
и ее печатный аналог
из Генерального систематического
каталога

Рис. 4.

Справа — рукописная карточка
начала XX в. для читательского каталога
из раздела «Деятельность Святейшего
Синода».

Слева — печатная карточка
из того же раздела Генерального
систематического каталога

¹ Императорская Публичная библиотека... С. 117, 118.

Рис. 5. «Альбомы» с карточками, внешний вид

Рис. 6. Образцы библиографических описаний по темам «Война 1914 г. и Революция», «История Франции»

Электронный каталог

Современным способом поиска литературы является Электронный каталог (ЭК) Российской национальной библиотеки.

Первоначально, несколько миллионов карточек Генерального алфавитного каталога на русском языке прошли процесс ретроконверсии.

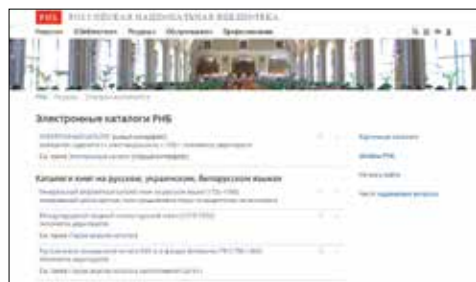

Рис. 7. Электронные каталоги Российской национальной библиотеки: стартовая страница

Пользователи могут обратиться к интерфейсу Генерального алфавитного каталога через главную страницу ЭК РНБ (рис. 7).

Далее необходимо выбрать «Генеральный алфавитный каталог». Поскольку в этом варианте ЭК карточки сгруппированы так же, как стоят по ящикам в карточном алфавитном каталоге, то при поиске литературы по истории Святейшего Синода пользователю придется «перелистать» некоторое количество

отсканированных карточек прежде, чем он дойдет до нужной (рис. 8).

Обращаем внимание, что при работе с карточками вы можете увидеть различные ссылочные примечания. В данном случае одно из них ведет

как раз к нужному разделу — «Россия. Синод». Литература о Святейшем Правительствующем Синоде (до 1917 г.) находится именно там. Второе примечание ведет к Священному Синоду Русской православной церкви (с 1917 г. по настоящее время).

Пользователям необходимо вводить в поиск словосочетание «Россия. Синод», поскольку по правилам каталогизации государственные учреждения описываются под юрисдикцией, т. е. под географическим названием. В нашем случае, по названию страны — Россия. В результатах поиска, относящихся к Святейшему Синоду, будет также указано количество карточек.

Для примера вариантов поиска одного и того же произведения возьмем труд епископа Никодима (Казанцева, 1803–1874) «О Святейшем Синоде». В систематическом каталоге II очереди в разделе Р(1)132 можно найти рукописную карточку дореволюционного периода (рис. 9).

В ГСК в соответствии с классификацией ББК вариант карточки с описанием данного произведения находится в разделе «Религия», в подразделе «Русское православие. Деятельность Святейшего Синода» (рис. 10).

Для того чтобы выйти на данное произведение в электронном ГАК на русском языке, необходимо провести поиск по автору, а не по слову «Синод» (рис. 11).

И далее в Электронном каталоге РНБ мы находим БЗ упомянутого произведения епископа Никодима (рис. 12).

Рис. 8. Результат поиска литературы о Синоде в Генеральном алфавитном каталоге

Рис. 9. Никодим (Казанцев)
«О Святейшем Синоде»

Рис. 10. Карточка
Генерального систематического
каталога, напечатанная на машинке

Рис. 11. Местоположение произведения епископа Никодима в Генеральном алфавитном каталоге

Рис. 12. Библиографическая запись произведения епископа Никодима в Электронном каталоге Российской национальной библиотеки

Поиск в ЭК РНБ требует от читателя определенного умения, поскольку этот процесс достаточно трудоемкий. Первоначально пользователю необходимо определиться с выбором между старым и новым интерфейсом, преимущества которых раскрываются непосредственно при работе с ними, так как существует большое количество технических нюансов.

Например, в старом интерфейсе из списка предложенных результатов можно одновременно открыть сразу несколько библиографических описаний, не выходя из каждого. Преимущество нового интерфейса в том, что только через него возможно увидеть местоположение тех или иных документов, а также осуществить их электронный заказ.

Далее пользователю следует выбрать между базовым и расширенным поиском и осуществить оценку полученного результата после проведенного поиска.

Базовый поиск осуществляется по автору, по названию книги или просто по ключевым словам. При использовании базового поиска в ЭК РНБ по

Рис. 13. Результаты базового поиска по слову «Синод»

слову «Синод» выдается почти 5 тыс. результатов. Для уточнения поиска можно выставить различные фильтры, такие как автор, язык, год издания, тип издания (книги, авторефераты, журналы и т. д.), место хранения (рис. 13).

И все же работать с таким массивом литературы не очень удобно. К тому же, даже при использовании фильтров в базовом поиске неизбежно попадется информационный шум, например, роман «Трупный Синод»,

о сборнике конференции 2016 г.

кодов. Поэтому мы приведем пример последовательности ступеней деления отдела «Религия», которые приводят нас к местоположению подраздела «Святейший Синод».

Э — Религия. Атеизм

ЭЗ — Отдельные религии

ЭЗ7 — Христианство

ЭЗ72 — Православие

ЭЗ72.24 — Русская православная церковь

ЭЗ72.24-6 — Организация Русской православной церкви

ЭЗ72.24-60 — Устройство и управление

ЭЗ72.24-601 — Высшие органы церковной власти и управления

ЭЗ72.24-601.5 — Синод

ЭЗ72.24-601.51 — Святейший Синод (1721–1917)

Чтобы найти по предложенному индексу ББК необходимую литературу о Синоде, следует ввести данный индекс в поле расширенного поиска с выбранной опцией «ББК». Желательно использовать усечение «*» (ЭЗ72.24-601.51*) для увеличения количества результатов поиска (рис. 15).

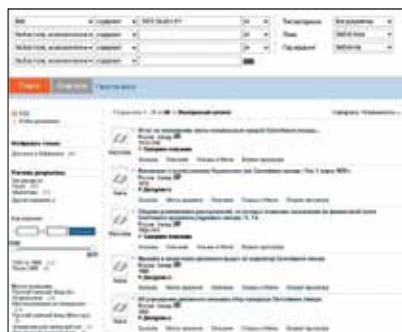

Рис. 15. Поиск
в Электронном каталоге
Российской национальной
библиотеки по индексу ББК

Расширенный поиск по Предметным рубрикам

Еще раз обратимся к примеру сборника конференции 2016 г. Ниже индексов ББК присутствует поле «Предметные рубрики». В данной БЗ: «Россия — Синод — Съезды, совещания и т. п.». Основная рубрика — это «Россия — Синод». Подзаголовок «Съезды, совещания и т. п.» является формальным (как и встречающиеся подзаголовки «Сборники», «Учебные пособия», «Документы и материалы», «Воспоминания, записки и т. п.»).

Для поиска по ПР «Россия — Синод» в старом интерфейсе ЭК необходимо скопировать ее и ввести в расширенный поиск под фильтром «Предметная рубрика». В новом интерфейсе можно кликнуть собственно на предметную рубрику, которая всегда подсвечена другим цветом, и перейти к искомому результату автоматически (рис. 16).

Правило составления ПР отличается от обычного пользовательского запроса. Например, если запрос звучит как «История России», то ПР будет выглядеть следующим образом: «Россия – История», т. е. с инверсией.

Подсказкой при поиске ББК и ПР на искомую тему может служить своеобразный фильтр, где представлены различные индексы и рубрики. В новом интерфейсе эти списки будут располагаться среди предложенных фильтров настройки поиска в левом столбце (справа – результаты поиска). Например, можно обнаружить ПР «Россия – Синод – Обер-прокуроры». Кликнув на эту ПР, мы получим список литературы об обер-прокурорах.

Рис. 16. Поиск в Электронном каталоге Российской национальной библиотеки по предметной рубрике

Комбинирование поиска по ББК и предметным рубрикам

Возможен вариант с одновременным использованием индексов ББК и ПР для достижения наилучшего результата с минимумом информационного шума. В предложенном варианте в качестве ПР выступает фамилия обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева (1827–1907). В качестве ББК использован индекс отличный от подраздела «Святейший Синод», чтобы охватить литературу о Победоносцеве, относящуюся к различным аспектам истории РПЦ (рис. 17).

В данном примере мы использовали индекс ББК с усечением «Э372.24*» и в результате получили в том числе документ о Духовной миссии в Иерусалиме (2018-7/366 *К. П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III: [сборник материалов и документов]... Москва, Санкт-Петербург, 2017. — 535 с.*).

Рис. 17. Поиск в Электронном каталоге Российской национальной библиотеки по индексу ББК и предметным рубрикам

Работа систематизаторов Отдела обработки и каталогов

Издания до 1996 г. далеко не всегда имеют индексы ББК и ПР в ЭК. Они доступны в карточном каталоге ГСК.

Однако наши коллеги-систематизаторы из Группы социально-экономической литературы Отдела обработки и каталогов (ООиК)

РНБ проводят работу по систематизации и предметизации таких изданий. В частности, по нашей просьбе они обработали комплекс дореволюционной литературы по истории Святейшего Синода, ориентируясь на карточный ГСК. Поэтому теперь в ЭК при помощи ПР и ББК можно найти БЗ книг XIX в. и ранее (рис. 18).

Рис. 18. Библиографическая запись изданий XIX в. после систематизации и предметизации

Если в заглавии отсутствует ключевое слово «Синод»

Пользователи чаще всего осуществляют поиск в Электронном каталоге РНБ по ключевым словам. Но если ключевое слово отсутствует в заголовке издания, оно будет отсутствовать и в результатах поиска.

Например, БЗ книги «Руководственные указания духовенству действующей армии» 1917 г. после ретроконверсии не содержала ключевого слова «Синод», не имела индекса ББК и ПР. Поэтому при поиске по упомянутым точкам доступа она не отображалась в списке результатов (рис. 19).

Рис. 19. Сравнение библиографических записей

После обработки данного дореволюционного документа по новым правилам каталогизации, а также после систематизации и предметизации в ООиК новая БЗ отличается

от старой БЗ полнотой сведений, в том числе присутствует словосочетание «Святейший Синод», а также индекс ББК и ПР, что значительно расширяет возможности доступа к ней в ЭК РНБ.

Россика

Схожий вариант неадекватного отражения сведений в БЗ мы можем показать на примере изданий из фонда «Россика», содержащего литературу по истории России на иностранных языках. Среди результатов поиска по ключевому слову «Синод» на иностранных языках встретилось издание «Synodal-Protocoll».

В коллекции рукописных карточек «Россика», находящейся в ГСК карточка минимальное количество сведений о документе. Такая же краткая запись первоначально была в ЭК РНБ. Из-за этого было непонятно, о каком синоде идет речь — о Святейшем Правительствующем или о каком-либо другом (рис. 20).

В результате работы непосредственно с изданием и составления новой БЗ каталогизаторами ООиК было уточнено содержание книги. Это оказались документы Евангелическо-лютеранской церкви Эстляндской губернии, что нашло отражение в индексе ББК и ПР. Таким образом, к истории Святейшего Синода данная работа не относилась.

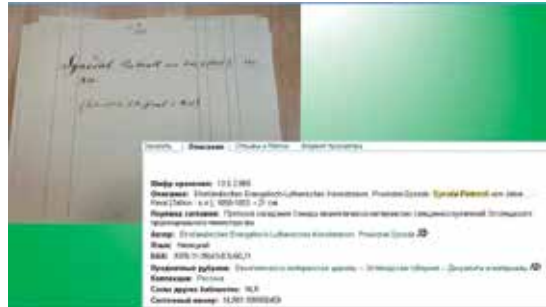

Рис. 20. Рукописная карточка из коллекции «Россика» и новая библиографическая запись в Электронном каталоге Российской национальной библиотеки

* * *

Таким образом, существует целый ряд инструментов поиска литературы по истории Святейшего Синода. Опыт работы с пользователями Читального зала ГСК РНБ показал, что комбинирование различных способов поиска в электронном каталоге существенно повышает вероятность нахождения литературы, релевантной их запросам.

Однако сочетание работы с карточными каталогами, особенно ГСК, и ЭК РНБ еще больше расширяет рамки поисковых возможностей по выявлению литературы о Святейшем Синоде.

С нашей (то есть сотрудников Читального зала ГСК РНБ и систематизаторов литературы по религии) стороны проводится комплексная работа:

- 1) по проверке наличия изданий нашей II очереди в электронном каталоге;
- 2) по сверке комплексов литературы по истории Святейшего Синода в ГАКе и в соответствующих разделах ГСК («История», «Право», «Религия»)
- 3) по систематизации и предметизации изданий по истории Святейшего Синода, не имеющих индексов и рубрик.

Литература

Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. — Санкт-Петербург : тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. — [6], 482, XVI с.

Коновалова М. Н., Хотькова Я. И., Ефимова Н. А., Грин Ц. И. История Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина : [К 150-летию б-ки. 1814–1964]. — Ленинград : Лениздат, 1963. — 435 с.

Коновалова М. Н. История каталогизации фондов Российской национальной библиотеки 1795–1917 гг. / М. Н. Коновалова ; подгот. к печати и коммент. Г. В. Михеева ; науч. ред. Г. В. Михеева, Р. С. Гиляревский. — Санкт-Петербург, 2014. — 303 с.

Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин : опыт научной биографии / В. Файбисович ; Рос. нац. б-ка. — Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2006. — 480 с.

Научное издание

СВЯТЕЙШИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СИНОД В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ

К 300-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ДУХОВНОГО РЕГЛАМЕНТА

Сборник научных трудов

Серия «Электронный архив»

Выпуск 8

Ведущий редактор: *Н. М. Казимирчик*

Дизайнер обложки: *Н. П. Дмитриева*

Корректор: *С. В. Николаева*

Технический редактор: *Г. А. Филичева*

Подписано в печать 29.03.2023. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,62.
Зак. № 29. Тираж 30 экз.

ISBN 978-5-6045656-2-9

9 785604 565629 >

Издание подготовлено и отпечатано
в ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина».
190000, Санкт-Петербург, Сенатская пл., 3

prlib.ru
президентскаябиблиотека.рф

СЕРИЯ «ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ»

- Выпуск 1. Святейший Синод в истории российской государственности
- Выпуск 2. Методика и практика использования национальных электронных ресурсов в образовательной деятельности
- Выпуск 3. К 200-летию императора Александра II. Архивные документы по российской истории в научных исследованиях и публикациях
- Выпуск 4. Эпоха великих реформ: история и документальное наследие (в двух частях)
- Выпуск 5. История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых
- Выпуск 6. История России и Финляндии в современных исследованиях
- Выпуск 7. Книжная культура Московской Руси XV–XVII вв.

Серия
«ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ»
Выпуск 8

WWW.PRLIB.RU

Благодѣице, и милосерднѣице,
Същнолюбца бже,
Пощинимое, и пощадимое
бже данное, и бже милосерднѣе
бже ншего цря, и великого
и нззя Петра персого.
Всего великия, и малыя,
и бже росій, самодержца,
и прог. и прог. и прог.
Вспосланное въ свѣто прославлено
російной цркви,
Ахшное снелрнѣе, и н
колейнѣе, по еспл
соворное ахшное ахш
ПРАВИТЕЛСТВО,
Посейзполѣнид, и при Телору ехшнѣе
собора, и при Телору ехшнѣе
и при Телору ехшнѣе, и при Телору ехшнѣе

РЕШЛЕНІЕ, И ИСТОВЪ
АХШНОЙ КОЛЕІИ ;

24
Авг

Понотіоромъ сѣня знѣтъ ахш
сплѣ елѣа, и вѣтъ ахшны ехш
пѣиоу и кирнѣи, по еспл
сѣны ехшнѣи ахшны ехш
Полдѣхѣи, и при Телору ехшнѣе
нѣи ахшны ехшнѣе, и при Телору ехшнѣе